

2021  
№2

KAZAKHSTAN

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі  
Ғылым комитетінің Р. Б. Сүлейменов атындағы  
Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды  
зерттеу бойынша республикалық ақпараттық орталығы

Республиканский информационный центр по изучению  
исторических материалов при Институте востоковедения  
им. Р. Б. Сулейменова Комитета науки Министерства  
образования и науки Республики Казахстан

# SHYGYS

МАЗМҰНЫ ✦ CONTENT ✦ СОДЕРЖАНИЕ

## ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

**М. Х. АБУСЕИТОВА**

Визуальные артефакты как исторический источник ..... 3

**Д. А. АЛИМОВА, Э. В. РТВЕЛАДЗЕ**

К методологии исследования  
истории государственности в Центральной Азии ..... 12

**Л. Н. ДОДХУДОЕВА**

Мавераннахр в канун тысячелетия ислама:  
праведный хан и интеллектуальная элита ..... 20

**А. А. НУРЖАНОВ**

Позднесредневековые города Шу-Таласских долин  
(XIII–XVI вв.) ..... 28

**А. И. ОРАЗБАЕВА**

Государственность Қазақ Елі:  
историческая преемственность и традиции ..... 38

**З. Д. ШАЙМОРДАНОВА**

Возможные сценарии развития Казахстана  
и Центральной Азии: анализ зарубежных исследований ..... 44

**К. У. ТОРЛАНБАЕВА**

Некоторые исследования по истории тюрков ..... 48

**Д. МАСИМХАНУЛЫ, А. АБИДЕНКЫЗЫ**

Влияние древнетюркской цивилизации  
на традиционную китайскую культуру ..... 59

**U. B. VAIMURATOV**

Discovery of the economic law of the dominant rising of spiritual necessities: strengthening in modern conditions the role of charity of the rich, including billionaires and millionaires..... 65

**ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ**

Ер Олжабай.

*Баспаға әзірлеген Б. Дүйсенов* ..... 70

**РЕЦЕНЗИИ****М. Х. АБУСЕИТОВА**

«Казахское дворянство. XIX – начало XX вв.»... 102

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ****R. R. MUZAFAROV**

International Webinar on Youth and Nauryz Traditions Safeguarding..... 104

**З. С. ТАБЫНБАЕВА**

Международный круглый стол «Актуальные вопросы истории Казахстана (преемственность и традиции казахской государственности)» ..... 109

**НОВЫЕ ИЗДАНИЯ**..... 113

**Редакционная коллегия:**

*Абусеитова М. Х. – председатель (Казахстан)*

*Алимгазинов К. Ш. (Казахстан)*

*Алимова Д. А. (Узбекистан)*

*Анне-Мари Вильмено (Бельгия)*

*Байтанаев Б. А. (Казахстан)*

*Дербисали А. В. (Казахстан)*

*Джин Нода (Япония)*

*Додхудоева Л. Н. (Таджикистан)*

*Жанаев Б. Т. (Казахстан)*

*Жумагулов К. Т. (Казахстан)*

*Зайцев И. В. (Россия)*

*Кусаинова Т. Ж. (Казахстан)*

*Масимханулы Д. (Казахстан)*

*Оразбаева А. И. (Казахстан)*

*Попова И. Ф. (Россия)*

*Самашев З. С. (Казахстан)*

*Смагулов Т. Н. (Казахстан)*

*Сулейменов О. О. (Казахстан)*

*Султангалиева Г. С. (Казахстан)*

*Табынбаева З. С. (Казахстан)*

*Токо Фудзимото (Япония)*

*Турдалиева Ч. Д. (Кыргызстан)*

*Ужкенов Е. М. (Казахстан)*

*Урсула Симс Уильямс*

*(Великобритания)*

*Уяма Томохико (Япония)*

*Францис Ришар (Франция)*

*Шаймарданова Н. Ж. (Казахстан)*

**Редакторы:**

*В. Корешкова, К. Смадилова*

*Корректор Н. Садыкова*

*Компьютерная верстка*

*В. Корешковой*

*Дизайнер К. Карпун*

**Адрес редакции:**

*г. Алматы,*

*Издательство «Шығыс пен Батыс».*

*050009, г. Алматы,*

*пр. Абая, 143, оф. 220.*

*Тел.: 394-40-45, 394-42-32*

**Журнал зарегистрирован Министерством информации Республики Казахстан в 2004 г. Свидетельство № 4881-Ж. Перерегистрирован Министерством информации Республики Казахстан в 2020 г. Свидетельство № KZ76VPY00027373**

**Подписано в печать 28.06.2021. Формат 70 × 100<sup>1/16</sup>. Уч.-изд. л. 11,1. Усл. п. л. 7,5, вкл. 2,25 п. л. Тираж 500 экз.**

**Отпечатано в типографии «SERVIS PRINT»**

---

## **ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ**

---

**М. Х. АБУСЕИТОВА**

### **ВИЗУАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

**В**ажными направлениями исторической науки, определяющими теоретическую базу, являются источниковедение и историография. Знание историографии вопроса определяет методологию работы историка, а знание источников, литературы позволяет сделать объективные выводы, основанные на междисциплинарном объективном подходе, нацеленном на изучение и создание объективной истории с древности по настоящее время, формирование нового исторического мышления относительно развития казахской государственности на оригинальных первоисточниках, архивах и артефактах, а также обоснование территориальной целостности, исследование истории и культуры Казахстана в контексте мировой истории во взаимосвязи и взаимодействии, преемственности в истории и культуре казахского народа.

В эпоху средневековья жизнь и искусство тесно переплетались. Художественные произведения функционировали и циркулировали внутри литературной, политической, экономической культуры, в системе которых они были созданы. История знает различного рода патронов, каждый из которых в своих интересах использовал систему художеств. Правители подчеркивали политическую и историческую важность своих актов, общины стремились выполнить государственные заказы так, чтобы донести их содержание до населения. Религиозные институты пропагандировали духовные ценности и основы собственного вероучения. Но все общественные институты, не располагая современными средствами массовой информации, использовали возможности искусства для того, чтобы дать представление о своей социальной и культурной идентичности, исторической важности принимаемых ими решений.

В программе «Архив – 2025» поставлена ответственная и сложная задача по переосмыслению и изучению национальной истории и объективному ее написанию на основе богатого, огромного пласта новых архивных материалов (письменных, археологических, устных, визуальных, картографических, артефактов и др. источников), до сих пор неизвестных и разбросанных по различным зарубежным архивным фондам.

В зарубежных библиотеках, архивах и музеях Великобритании, Франции и Италии проводилась следующая археографическая работа: выявление палеоматериалов по древнейшей истории и культуре Великой степи; выявление письмен-

ных источников и архивных документов, переписки правителей Великой степи с соседними государствами; выявление уникальных географических и геополитических карт с древности по начало XX в.; выявление артефактов и изучение коллекций по нумизматике, сфрагистике; составление каталогов по вышеназванным направлениям с иллюстрациями; определение научной ценности архивных материалов и их значения по истории и культуре Великой степи.

Особое внимание в ходе археографических экспедиций было уделено проведению сравнительно-сопоставительного анализа визуальных материалов. В частности, в Национальном доисторическом этнографическом музее Луиджи Пигорини, Лувре, Музее восточного искусства Гиме, представляющих передовой опыт в области исследований и популяризации палеонтологического и этноантропологического наследия, особое внимание уделено изучению доисторического сектора по пяти разделам: методы изучения прошлого; история природы; палеолит; неолит, энеолит, бронзовый, ранний железный век; этнография.

В особую группу палеоматериалов выделили надписи на камне, металле, дереве и т. д., которые изучает вспомогательная историческая дисциплина – эпиграфика. Материалы коллекций музеев Лувра и Гиме были сопоставлены со сведениями мировых археологических комплексных экспедиций, в частности казахстанских. Ведется работа по прочтению и анализу надписей, знаков и символов.

Период «геометрического» художественного стиля наблюдается не только в западных регионах Евразии, но и в восточных. Во время археографической экспедиции в зарубежные архивы и фонды, а также международной научной экспедиции для исследования историко-культурных комплексов «Алтай – колыбель тюркской цивилизации» и «Баянаульский государственный национальный природный парк» летом 2019 г. были осуществлены сравнения геометрических изображений как на камнеписных памятниках, так и на предметах быта (кувшинах, чашах, блюдах и т. д.), и обнаружилось очень интересные связи Алтая, Китая и Передней Азии [1] (илл. 1–5).

Важными артефактами являются коллекции южноафриканских предметов, имеющих особое значение в проведении параллелей этнографического анализа африканских и центральноазиатских культур.

Междисциплинарный подход в изучении истории позволяет учитывать данные камнеписных источников, а также сохранившихся артефактов музеев Лувра и Гиме, Музея СУАР (КНР), что формирует целостное видение истории и культуры Великой степи. К примеру, проведено сравнительно-сопоставительное изучение аккадских (Ур-Нингирсу, принца Лагаш, сына Гидэ, 2110 г. до н. э.) и тюркских (Нири-кагана из Западно-Тюркского каганата, 598–599 гг.) каменных надгробий правителей. Древние памятники посвящены историческим лицам и несут важные сведения об именах, титулах, деятельности, датировке. Символика каменных надгробий дает важные сведения по каллиграфии, орнаментации, структуре текста, духовной и материальной культуре. На эпиграфических памятниках фиксируются термины исторического, этнического и социального характера. Они являются до-

полнительными и хорошо датированными источниками по мировой истории и культуре.

Со второй половины VI в. тюрки начинают строить активные отношения с Китаем. В политико-дипломатических, торгово-экономических, военных и других связях согдийцы играли посредническую роль. Они содействовали также развитию караванной торговли между тюрками и китайцами, что наряду с письменными сведениями подтверждают и современные археологические исследования.

В настоящее время открыто множество средневековых стоянок согдийских торговых колоний, мавзолеев согдийских сартбау (руководителей колоний, караванбаши), а также относящихся к ним эпитафий, написанных на согдийском, китайском языках, обнаруженных в регионе Жетысу Казахстана, провинциях Южного Синьцзяна, Ганьсу, Шаньси (Внутренней Монголии, КНР), считающихся поясами стыка цивилизации кочевников евразийских степей с цивилизацией оседлых народов. Яркими свидетельствами средневекового «тюрко-согдийского и китайского культурного синтеза» являются памятники, обнаруженные в могилах согдийца Аньцзя, тюрка Юйхуна.

На территории КНР обнаружены многие археологические и эпиграфические памятники по истории и культуре тюрков. Были найдены саркофаги согдийских предводителей Аньцзя, Юйхуна (Шаньси, Шэньси) с картинами их приема у тюркского правителя, стелы с согдийскими надписями (Монгол-Куре, Синцзянь, КНР), повествующими о великих победах тюркских каганов. Эти артефакты рассказывают о взаимоотношениях тюрков с соседними народами (византийцами, персами, согдийцами, китайцами).

Проведен анализ истории региона, основанной на особенностях взаимодействия религии и социокультурных систем. В частности, отметим историю ранних тюрков, представленную исключительно насыщенным религиозным взаимодействием и синкретизмом. Так, мавзолей Юйхун был открыт и изучен в 1991 г. в провинции Шаньси в г. Тайюань. В комплексе захоронены Юйхун и его жена. Над комплексом воздвигнута стела с китайскими надписями и датой захоронения – 592 г. н. э. Юйхун, тюркского происхождения, являлся чиновником Жужаньского времени. На каменных стенах в виде барельефа изображены сюжеты о хозяйстве, вероисповедании и жизни тюрков того времени.

В VI–VII вв. согдийцы активно выполняли посредническую миссию при осуществлении торговых и политико-дипломатических отношений между кочевыми тюрками и оседлым Китаем, Ираном и Византией. К востоку от Согдианы, Жетысу, Восточного Туркестана, Центрального и Северного Китая и до Монголии распространялись согдийские торговые колонии, способствовавшие оживлению торгово-культурных связей на Великом Шелковом пути. Одна из них – согдийская колония в Тунчжоуском регионе, которой владел предводитель Аньцзя, из числа самых первых согдийских колоний, образованных в Китае.

В ходе археографических экспедиций в Китае казахстанскими востоковедами выявлен уникальный памятник – каменный саркофаг согдийского предводителя



Аньцзя. Значительная часть резных картин на стенках и ножках саркофага имеет отношение к истории и культуре древних тюрков. Также здесь раскрываются сюжеты Великого Шелкового пути.

Мавзолей Аньцзя был открыт и изучен в 2000 г. в провинции Шаньси в г. Сиань. Аньцзя – правитель (557–581 гг.) согдийской колонии в северном государстве Цжоу. Он являлся посредником в торговых отношениях между тюрками и китайцами. Сюжеты на стенах саркофага мавзолея свидетельствуют о тесных контактах между тюрками, китайцами и согдийцами, что подтверждается представленными 101 барельефами-картинами [2, 304–305 б.]. В целом, обряд погребения, настенные рисунки и узоры коридора данного саркофага полностью говорят о традиционных зороастрийских религиозных верованиях, которых придерживались согдийцы. Это особенно заметно по картине на лобной части ворот у входа в катакомбу, на которой крупным планом изображены присущие зороастризму религиозно-обрядовые действия: жертвоприношение, поклонение огню, богослужение.

Уникальна символика с изображением солнца и луны, расположенная на «лобной» части шатра. За беседующими стоят три человека, в руках у человека, стоящего в центре, светильник. Картина повествует, что данная встреча – официальные переговоры, проходящие по правилам религиозного обряда [2, 306–307 б.]. Этот символ имеет длительную традицию и преемственность, начиная с VI века, с древнетюркской парной монеты, посвященной хану и ханше.

Во время работы в фондах библиотек и музеев Парижа впервые выявлена уникальная картина «Казахи преподносят дары лошадьми» (1757 г.), хранящаяся в знаменитом Музее восточного искусства Гиме в Париже, где представлены художественные реликвии народов Востока [3–5]. Это единственная на сегодняшний день картина, иллюстрирующая дипломатический церемониал подношения даров в виде трех лошадей.

Картина с изображением трех казахских посланников с тремя лошадьми отображает факт передачи казахами даров китайскому императору Цяньлуна как знак союза и дружбы. Автор, итальянский художник Джузеппе Кастильони, придворный художник Цяньлуна, запечатлел историко-этнографические предметы. Работа дает представление о бытовавшей тогда одежде, предметах быта. При изучении одежды немаловажное значение имеет ткань, из которой она сшита, а также богатейшая символика. Несмотря на скудость археологических находок в этом плане, мы все же можем представить себе, какого рода ткани были в употреблении в Казахстане в XVI–XVIII вв.

Анализ картины показал, что представленные на ней исторические события относятся к эпохе правления Абылай-хана в Казахстане и императора Цяньлуна в Китае. В начале XVIII в. система международных отношений в Центральной Азии претерпевает значительные изменения. Крупным и влиятельным государством в регионе до половины XVIII в. было Джунгарское ханство. Особое влияние на международные отношения в Центральной Азии начинают оказывать Цинская империя и Россия. По существу, связи, которые сложились в то время между Кита-

ем и Казахстаном, ограничивались рамками обычных политико-дипломатических контактов.

В Бернском историческом музее обнаружены и зафиксированы экспонаты, представляющие огромную информационную ценность для более полного осмысления историко-культурного наследия казахов. Работа по сбору и копированию найденных здесь уникальных материалов из фонда швейцарского путешественника Анри Мозера (1844–1923), совершившего в течение 1868–1889 гг. четыре путешествия в Казахстан и Центральную Азию, была проведена впервые [6].

Большинство экспонатов, датирующихся XVIII–XIX вв., являются раритетами, они существенно дополняют политическую историю Казахстана, а также представляют собой высокие образцы художественного творчества казахского народа. Некоторые из них представлены в единственном экземпляре и не имеют аналогов в музейных собраниях Казахстана. Более того, собраны различные категории предметов, такие как настенный фриз, элементы одежды, пояса с подвесками, колчаны, оружие, женские украшения.

Среди экспонатов особо выделяются два настенных фриза (түскілем) с аппликационным узором, отражающим политическую иерархию казахского общества, что само по себе является новым словом в области исследования не только культуры казахов, но и политической истории Казахстана. Первый ковер – из бархата и шелка с золотым и серебряным шитьем (15 метров), второй – из атласного шелка с аппликационными узорами (13 метров). Эти ковры были подарены Анри Мозеру в 80-е годы XIX в. во время его поездок в Казахскую степь.

Настенные фризы являются основным убранством казахской юрты, в данном случае – богатой юрты султанов. Юрты правителей являлись выражением политической мощи, были весьма респектабельны, поражали зрителя. Известный историк Вассаф сравнивал их с небесами и образом рая. По его мнению, султан восседал на троне подобно солнцу империи

Вышивки фризов поражают высоким мастерством исполнения и тонкостью работы. Казахские мастерицы покрывали поверхность ткани сложнейшими тщательно выполненными узорами в технике тамбурного шва шелковыми, золотыми и серебряными нитями. Декоративные орнаменты в виде геометрических форм передают в условной манере антропоморфные мотивы. Орнаменты в виде уступчатых пирамидок восходят к древневосточным орнаментам сакрального значения. Ритмично повторенный мотив отражает древние представления о культовом защитном ограждении. Это уникальные ковры, прообразами которых, несомненно, послужили более ранние образцы.

Настенные фризы представляют собой не только художественное творчество казахского народа, но и исторический материал для изучения административного устройства Казахского ханства. На них впервые указаны почетные места политической элиты (хан, султан, бий, бай). В центре ковров располагался картуш, символизирующий место правителя, далее, по бокам от него – медальоны, которые определяли места, где мог воссесть нобилитет, согласно иерархии двора.

На ковре из бархата и шелка картуш украшен узорами, выполненными золотыми нитями. В общих чертах они изображают голову, туловище и ноги человека. В центре верхнего круга вышито изображение солнца. Справа и слева от картуша – медальоны разного цвета, символизирующие нобилитет. Расположение двух верных хану советников вышито одинаковым орнаментом. По сравнению с орнаментом, соответствующим месту хана, они выглядят скромнее и вышиты серебряными нитями. Нижний край ковра окаймлен однотонным красным шелком, на кайме его верхнего края в два ряда расшиты орнаменты из желтого, красного и зеленого шелка. Ковер был сшит для ставки хана или султана, где проводились совещания (*илл. 6*).

Второй настенный ковер сшит из плотного шелка и был предназначен также для хана или султана. Его особенность можно видеть в орнаменте, согласно которому он предназначался для ставки во время войн, а также для юрты, где проводился прием с военным командующими и батырами. Обычно эти собрания были посвящены вопросам обороны Казахского ханства и безопасности. По технологии пошива, орнаментам и использованным тканям этот ковер отличается от первого. Все его орнаменты вырезаны из шелковой ткани и нашиты на плотный шелк. Эти шелковые ткани привозились из Китая. Орнаменты представляют много сведений о мировоззрении народа, прочности государства и его безопасности.

В самом центре ковра, как и в первом случае, обозначено место, предназначенное хану или султану, наподобие ханского трона. Оно отличается от других мест своим орнаментом. Внутренний орнамент спинки напоминает дерево с раскинутыми ветвями. Это символизирует, что государство, уходящее корнями в древнюю историю, будет продолжать расти и процветать. Ковер состоит из нескольких ступеней. В его верхней части расположены аппликации из шелковой ткани желтого цвета в виде изображения огня, солнца и луны, что перекликается с прошлым в истории, когда кочевники были тенгрианцами. Средняя часть – аппликации из желтого шелка в виде орнаментов, изображающих наконечник ханского копья или голову сокола, что означает бдительность стражи, силу и крепость основания государства, и являющихся символами власти (*илл. 7*).

Аналоги этих артефактов отсутствуют в Казахстане и представлены только в фонде Анри Мозера.

В результате экспедиций выявлены и приобретены в копиях уникальные восточные и западноевропейские архивные материалы, редкие книги, карты, фотографии и артефакты, в том числе такие ценные источники, как британские списки «Тарих-и Кыпчак-хани» Ходжам Кулибека Балхи и манускрипта «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме».

В ходе работы с архивными документами были выявлены важные материалы из коллекции India Office Records по геополитическим, политико-экономическим, трансграничным вопросам Средней Азии с конца XVIII по начало XX в., в частности, «Меморандум о центральноазиатском вопросе» («Memorandum of the Central Asian Question»), «Кто есть кто в Центральной Азии» («Who is who



in Central Asia»), «Переписка о политической ситуации в Центральной Азии» («Correspondence on the subject of the political situation in Central Asia»), «Русско-Афганская граница» («Russo-Afghan frontier») и др. Данные архивные материалы представляют особую ценность, поскольку дают возможность казахстанским ученым по-новому изучить историю Казахстана XVIII–XIX вв. Ранее имеющиеся материалы в основном включали имперскую и советскую интерпретацию исторических процессов в Центральной Азии.

Для изучения геоархеологии, географии, климата, топонимики, этнографии большую ценность представляют обнаруженные дневники и записи западноевропейских и восточных путешественников по Центральной Азии. Были найдены старые печатные издания: «Исторический отчет о британской торговле по Каспийскому морю», 1753 г. («An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with the Author's Journal of Travels»); «Коллекция Хаклют о ранних путешествиях и открытиях», 1809 г. («Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation»); «Ранние путешествия в Россию и Персию Антони Дженкинсона и других англичан» («Early Voyages and Travers to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen») и др. Большинство документов представлены на староанглийском, старонемецком и старофранцузском языках.

Сведения из вышеназванных коллекций дополняют научные знания по развитию торговли, городов, топонимике, топографии, климату и природным ресурсам, которые представляют особый интерес при изучении современных геополитических процессов Евразийского региона.

Выявленные географические и геополитические карты раскрывают политические, экономические и историко-культурные аспекты Великой степи с античности по начало XX в. К примеру, в книге 1750 г., написанной на старонемецком языке, «Общая история путешествий по воде и по земле» («Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und zu Lande»), большое внимание уделено описанию пути через Тартарию. В западноевропейской литературе и картографии термин «Тартария» использовался при описании обширных территорий от Каспия до Тихого океана, до Китая и Индии. Пространство, ранее называемое Тартарией, совпадает с современной Центральной Азией, и, шире – с Большой Евразией. Уникальные карты Китая и соседних государств периода Чингиз-хана («Karte von Katalay od. dem Reiche Kin, zur Geschichte von Jenghiz Khan») (илл. 8), Западной Тартарии («Karte von der Westlichen Tartarey») и Восточной Тартарии («Karte von der Ostlichen Tartarey») (илл. 9, 10), Хорезмского Туркестана и Великой Бухары («Karte von Karazm Turkestan und Grossen Bukarey») демонстрируют геополитическую ситуацию в регионе в XIII–XIX вв.

Эти исторические источники интересны также визуальными сведениями, в которых наглядно отражены процессы взаимовлияния, происходящие в этот период. Так, при анализе иллюстраций большой интерес представляют сведения этнографического характера об одежде, украшениях и оружии насельников Великой степи.

Следует отметить уникальность книги «Топографическая съемка земель Туркестана» («Topographische Übersicht des Landes Turkestan Wien») (илл. 11), в которой представлена карта Туркестанского края 1873 г. Особую ценность представляют четыре «Карты Туркестана с прилегающими частями Британской и Российской империй, составленные на основе опросов, проведенных британскими и русскими офицерами до 1867 г.» («Maps Turkestan with the adjoining portions of the British and Russian Territories. Mapped on the Basis of the Surveys made by British and Russian Officers up to 1867») (илл. 12).

Важность этих исторических карт из старопечатных книг в том, что в них сохранились старые географические названия местностей (регионов, городов, гор, рек и озер), что позволяет выявить месторождения полезных ископаемых, сохранившихся до настоящего времени.

Основное внимание уделено изучению письменных и архивных документов по развитию взаимоотношений Великой степи с Европой и Азией с древности по настоящее время, в частности истории создания Римской империи и начальных этапов взаимоотношений с Великой степью.

Сравнительно-сопоставительный анализ текста вышеназванных памятников позволит раскрыть проблемы этногенеза, истории религии и сложения тюркского языка и письменности, а также истории государственности. Укрепление внутренних устоев как древнего, так и средневекового обществ Великой степи, развитие государственности характеризовались наличием традиционных приемов управления, унаследованных от исторических предшественников империй тюрков, чингизидов, тимуридов, шайбанидов, аштарханидов. Их государственность также характеризовалась наличием административных учреждений и военной системы, заимствованных из завоеванных стран. Сведения визуальных источников, как в миниатюрах, так и в артефактах, подтверждают историческую преемственность, традиции государственности.

### *Литература*

1. *Абусейтова М. Х., Шаймарданова Н. Ж., Табынбаева З. С.* Архивные фонды библиотек и музеев Франции по истории и культуре Великой степи // SHYGYS. – 2019. – № 1. – С. 30–34.
2. *Әбусейітова М. Қ.* Қазақ хандығы. – Алматы: Дайк-Пресс, 2015.
3. *Абусейтова М. Х.* Свидетельство многовековой дружбы // Казахстанская правда. – 2001. – 22 сентября.
4. *Абусейтова М. Х.* Қазақтар туралы қазына // Егемен Қазақстан. – 2001. – 26 қыркүйек.
5. *Абусейтова М. Х., Додхудоева Л. Н.* История Казахстана в восточных миниатюрах: X–XIX вв. На рус., каз., англ. яз. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010.
6. *Абусейтова М. Х.* Коллекции и труды Анри Мозера как источник по истории и культуре Казахстана // Рукописи и артефакты по истории и культуре Казахстана в фондах Анри Мозера. На каз., рус., англ. языках. – Алматы, 2012.

Мақалада көшпелі және отырықшы халықтар арасында этно-мәдени, сауда, саяси-дипломатиялық байланыс болған кездің жанды да нақты бейнесін қалпына келтіретін тарихи дереккөз түріндегі көрнекі ескерткіштердің маңызы жайып көрсетілген. Миниатюралар мен артефактілердегі визуалды деректемелердегі мәліметтер тарихи сабақтастылық пен мемлекеттілік дәстүрлерін растайды.

*The article reveals the importance of visual monuments as historical sources that help to recreate a vivid, accurate picture of the time when ethnocultural, trade, political and diplomatic ties were carried out between nomadic and sedentary peoples. Information from visual sources, both in miniatures and in artifacts, reaffirms the historical continuity, traditions of statehood.*

*Д. А. АЛИМОВА, Э. В. РТВЕЛАДЗЕ*

## **К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**И**стория государственности в Центральной Азии как определяющая научная проблема исторической науки стала изучаться во всем своем объеме лишь в 90-е годы XX в. с достижением республиками независимости. Это было вызвано не только научной необходимостью. Она вошла составной частью в понятие национальной идеи, ибо определяет факт самостоятельного возникновения, становления и развития национальной государственности на протяжении нескольких тысячелетий.

Автохтонность возникновения и спонтанность развития, традиционность существования, несмотря на периоды господства иноземной государственности, явились в конечном итоге одним из определяющих, базовых факторов в изучении истории государственности в Центральной Азии в XXI в.

Подчеркивая важность системного изучения этой проблемы и ее новизну, мы вовсе не отрицаем те основополагающие исследования исторической науки, какие были проведены в предшествующие годы рядом поколений советских ученых.

Однако они писались в иной обстановке, с учетом другой идеологии и методологии и иного содержания.

Для того времени было характерно написание обобщающих, можно сказать, универсальных и детализированных историй, охватывающих все их периоды.

История государств как таковая, конечно же, была в них отражена в большей или меньшей степени, но без конкретизации их генетической природы и национальной принадлежности, в некой размытой форме. Именно так она представлялась в обобщающих трудах и учебниках типа «История СССР», где государственность союзных республик зачастую характеризовалась вскользь, в форме констатации факта существования того или иного государства, без генезиса и эволюции их развития, типологии государственных образований, конкретной характеристики государственных служб и институтов.

Положение в исторической науке стало кардинально меняться в начале 90-х годов с созданием на территории бывшего СССР самостоятельных государств. В Узбекистане, как и в других республиках, с этого времени стали пересматриваться и переосмысливаться многие проблемы истории страны, получившие в советское время ошибочную оценку.

Проблема истории государственности в Узбекистане стала получать целенаправленное развитие лишь с 1998 года, чему способствовало Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 28 июля 1998 года «О совершенствовании деятельности Института истории АН Республики Узбекистан».

Первые шаги, предпринятые в этом направлении, были сопряжены с определенными трудностями, пониманием сложнейших исторических проблем, зачастую без учета всех достижений исторической науки в области археологии, исто-

рии, нумизматики, эпиграфики и других смежных научных дисциплин. В этих работах отсутствовала достаточно полная научная информация, давало о себе знать незнание всего комплекса научной литературы, вышедшей у нас в стране и за рубежом. Стало достаточно ясно, что история государственности может быть написана только при объединенном усилии историков, источниковедов, археологов, искусствоведов и других представителей общественно-гуманитарных наук.

История государственности в Центральной Азии охватывает огромный период времени, насчитывающий более трех тысячелетий, начиная с эпохи поздней бронзы по настоящее время включительно.

Характеризуя тот или иной этап истории государственности, исследователи должны стараться ответить на вопросы, касающиеся основных ее принципов: социально-политические, правовые основы государства; система управления; границы и административное деление; армия; внутренние и внешние отношения; товарно-денежные отношения; налоговая система; международный статус; собственность; духовные и идейные основы, уделяя при этом внимание периоду и причинам упадка и регресса в развитии государственности, без понимания которых невозможно понять и причины расцвета [1, с. 11].

История государственности в Центральной Азии и, в частности, в Узбекистане, истоки которой уходят в древнеземледельческие цивилизации, на протяжении всей своей эволюции знала периоды великого расцвета и подъема: Древнехорезмийское и Кушанское царства, Кангюй, Тюркский каганат, государства Караханидов и Хорезмшахов, и в особенности в эпоху выдающегося государственного деятеля Амира Темура, когда эта государственность определила на несколько веков ход и тенденции своего развития на Среднем Востоке и Индии. Знала она и периоды упадка и регресса, господства иноземной государственности. Но при этом неизменной оставалась субстратная основа – корневой стержень государственности, который при всех превратностях судеб жил в генетической памяти народов [1, с. 11].

Именно так, в контексте исторических событий, необходимо рассматривать проблему. Было бы неправильно отбирать из истории только периоды расцвета государства. Все рассматривается во взаимосвязи. Даже изучение периода господства чужеземной государственности дает очень многое в понимании того, какие принципы управления были приняты в регионе, какие отвергались и какие особенности местной государственности защищались в период национально-освободительной борьбы.

Историко-правовые и археологические исследования показывают, что о появлении форм государственности можно говорить только в том случае, когда возникает достаточно развитая экономика, отраженная в земледелии, основанном на ирригационном орошении, металлургии, ремесле, торговле – вначале менового характера, а затем в денежной, слитковой форме; появляется имущественная дифференциация с выделением соответствующих социальных групп и классов, устанавливаются сложная иерархия общества во главе с монархом, государственно-управленческий аппарат, институты права, системы письменности, способствующие составлению различного рода юридических документов для управления государством [1, с. 12].

Таковы признаки, характеризующие самые ранние государственные образования Нижней Месопотамии, Египта, Восточного Средиземноморья в конце IV – начале III тыс. до н. э. Это же касается и эволюции государственности в Средней Азии, охватывающей период со второй половины II тыс. до н. э. до III–IV вв. н. э. Становление ранней формы государственности происходит в оседло-земледельческой культуре эпохи поздней бронзы, распространенной на юге Узбекистана. История древней государственности состоит из нескольких периодов: становления протогосударственного образования (вторая половина II тыс. до н. э.) в эмбриональной форме, на юге Узбекистана (например, Джар-Кутан); формирования первоначальных форм государственности в Бактрии, Согде, Хорезме с разветвленной системой иерархии политической власти (начало I тыс. до н. э. – 539 г. до н. э.); прерывания развития местной государственности вследствие завоеваний Средней Азии Ахеменидами и Александром Македонским (539 г. до н. э. – 330 г. н. э.); возрождения местной государственности, в частности, царства в Хорезме (последняя четверть IV в. до н. э.); формирования отдельных владений в Бухаре, Давани, Согде и государстве Кангюй, в состав которого впоследствии вошло все Среднеазиатское Двуречье; образования в середине III в. до н. э. Греко-Бактрийского царства. Следующие периоды – это этапы образования государств конфедеративного типа; а затем (вторая половина II в. до н. э. – начало I в. н. э.) укрепление и дальнейшее развитие местной государственности Кангюя, Хорезмийского царства, владений Бухары, Согда, Давани; становление Юечжийского государства и распространение его владений вплоть до Гандхары.

С начала I в. н. э. начинается расцвет местной государственности в античное время. В это время территория юга Узбекистана входит в состав могущественной Кушанской империи. В Хорезме к власти приходит династия Афригидов, правившая здесь в течение III–VIII вв. Самостоятельные владения представляли собой Бухара, Фергана – Давань и Чач.

На всем протяжении древнего периода в Среднеазиатском Двуречье существовали различного типа государственные объединения. По своему генетическому признаку среди них выделяются автохтонные государства, возникшие и постепенно развивавшиеся на местной субстратной основе (Кангюй, Хорезм), а также иноземные, в состав которых территория Двуречья входила в результате прямого военного захвата и последующего подчинения (Ахеменидская империя, Греческое государство в Бактрии), в отдельных случаях сохраняя свою самостоятельность. Следует выделить и государственные объединения, возникавшие в результате симбиоза пришлых завоевателей с субстратным населением, то есть смешения и объединения представителей народов, а также местной и пришлой власти. Говоря проще, древняя история государственности включает в себя все многообразие типов и форм управления, от которого во многом зависел ход исторических событий.

С началом раннего средневековья происходят различного характера процессы, связанные с историей создания, формирования, расцвета и упадка государств на территории Центральной Азии. Институты государственности раннего средневековья были принципиально иными, чем в развитом средневековье, да и идеологическая основа последних (исламская религия) была абсолютно другой.



Последние исследования показывают, что не IV–V вв. н. э., как считалось прежде, а III в. н. э. был тем рубежом, от которого начался отсчет новой эпохи в истории государственности Центральной Азии. И распад древней государственности произошел не в результате движения скотоводческих племен, а вследствие еще не совсем ясных внутренних причин [1, с. 14], тогда как движение скотоводческих племен и их захват, к примеру, территории Северной Бактрии, бывшей части Кушанской империи, начался значительно позднее, в конце IV в. н.э.

Особое место занимает анализ сведений, связанных с важнейшим рубежом в истории Средней Азии в целом и Узбекистана в частности, – становлением арабской государственности и ее влиянием на развитие здесь средневековой государственности, а также внедрением и развитием религии ислама как определяющего фактора всех последующих форм государственности.

Не менее значимым является и рубеж X–XI вв., когда повсеместно на территории Средней Азии устанавливается власть тюркских по происхождению династий Газневидов, Сельджукидов, Караханидов и тюркской же государственности.

Видимо, более пристальное внимание нужно уделять блистательному периоду государственности в Центральной Азии, выходящей далеко за ее пределы, связанной с именем Амира Темура, создавшего одно из самых могучих государств в истории человеческой цивилизации, а также формированию и развитию ханств в Центральной Азии как новых типов государственности в XVI–XVIII вв.

Что касается более поздних периодов новейшей истории, то наиболее важными представляются проблемы, связанные с потерей среднеазиатскими ханствами своей самостоятельности и уничтожением институтов государственности после завоевания региона Российской империей.

Последние ханства олицетворяли собой и последние архаические формы центральноазиатской государственности XIX в. – монархии, находившиеся в течение последних десятилетий своего существования в непрерывной борьбе с наступающей модернистской оппозицией в виде джадидов. Общество, в том числе наиболее передовая его часть, уже хорошо знакомое с принципами государственности европейских держав, не желало оставаться на задворках развития, осознавая, что существующая власть не может обеспечить доступ к прогрессу.

Особенно ярко эти процессы проходили в Бухарском эмирате, Хивинском ханстве и Казахском ханстве, лидеры которых столкнулись с тремя силами: Российской монархией, Временным правительством, большевиками и своими национальными прогрессистами.

Рассматривая историю государственности Центральной Азии на данном этапе, необходимо учитывать многообразие процессов, которые стали двигателями изменений институтов государственности в крае. Особое место в ряду их причин занимает изменение геополитического положения Центральной Азии в XIX в., которое следует рассматривать в международном контексте.

Завоевание огромного пространства Центральной Азии поставило перед российской властью проблему административной организации новой территории. Принципы государственности здесь должны были сочетаться с местными особенностями, с которыми нельзя было не считаться. Это означало, что низшие сту-

пени местного самодержавия, самые примитивные его формы, обеспечивавшие связь с населением, должны были сохраняться. «Положение об управлении Туркестанской областью», а затем и «Положение об управлении Туркестанским краем» (1886), сохраняло местное управление волостями (мингбаши) и сельскими общинами (аксакалы).

Колониальные институты государственности Российской империи в Туркестанском крае приняли совершенно новые, особые формы. Институциональные преобразования здесь опирались на этнокультурную специфику данного региона. Нельзя не согласиться с Д. В. Васильевым в том, что «этим было продиктовано создание здесь особой системы военно-народного управления, подобной северокавказской, но не копирующей ее» [2, с. 392]. Принимая во внимание прошлые ошибки, здесь в большей степени учитывались особенности быта и традиции местного населения. Однако постепенно большинство традиционных административных институтов, включенных в период оккупационного режима, были заменены общеимперскими. Большое значение имел и тот фактор, что уровень, качество и степень институциональных преобразований зависели от того, кто был у руля власти в Туркестане.

При изучении этой проблемы следует обратить внимание и на вопрос религиозной политики Российской империи в Центральной Азии, в частности взаимоотношения ислама и государства. Вместе с тем непрерывно меняющаяся также в зависимости от мнений туркестанских генерал-губернаторов политика в отношении исламской религии и духовенства создавала и особую общественную обстановку в регионе, оказывая значительное влияние на вспыхивание и угасание национально-освободительных движений.

Что касается советского периода истории, то было бы неверно оставить его вне внимания только потому, что среднеазиатские республики, как и другие союзные республики, не имели фактической государственности, находясь в подчинении союзного государства. Нельзя игнорировать вопросы влияния принципов советского государства, его механизмов на управленческую структуру республик и на их положение в целом. Все недостатки развития, связанные с отсутствием самостоятельности, замкнутостью для международного сообщества, ограниченностью экономических и политических возможностей, определялись политикой советского государства. При создании национальных республик в должной мере не были учтены национальные особенности в организации управления. Поэтому изучение процессов социально-экономической и общественно-политической жизни общества в этот период не должно дистанцироваться от изучения вопросов о типе советской государственности и ее институтов, формах их проявлений в различные годы, влиянии на них так называемой «государственной идеологии» и политической стратегии. Так же, как и при изучении древнего и средневекового периодов, здесь необходимо проследить особенности генезиса, инфраструктуры и механизма воздействия центральных и местных органов государственной власти, форм и методов адаптации, трансформации и синтеза маргинальных структур в составе союзного государства, субординации и взаимоотношений высших и низших звеньев чиновничье-бюрократического аппарата страны и, в конечном итоге, региональной политики государства.

В целом, исследователи проблем всех этапов истории государственности сталкивались с немалыми трудностями как практического, так и общетеоретического плана. Это объясняется, главным образом, слабой изученностью государственно-административных и историко-правовых традиций и путей формирования государственности и системы управления. Отсутствие в литературе компаративного анализа, специальных трудов сравнительно-исторического характера обуславливает выбор исследователями собственной позиции в освещении истории различных этапов государственности Центральной Азии, которые не должны претендовать на «истину в последней инстанции» в решении данной исторической проблемы.

Существенным признаком, отличающим новые исследования от обычных «историй», должно быть следующее: институты государственности должны анализироваться не сами по себе, в качестве саморазвивающихся единиц, а по отношению к ним государства, в русле его политики, необходимости существования того или иного института, влияния государства на их развитие; как, скажем, монументальное искусство, развитие которого протекало во многом в русле зависимости от отношения к нему государства, в чем мы имеем немало примеров.

Необходимо использовать все или почти все данные, имеющие отношение к проблеме генезиса и эволюции государственности на территории Центральной Азии и содержащиеся в различного характера источниках:

1. Археологические данные, полученные при исследовании отечественных и зарубежных ученых, и только те из них, интерпретация которых позволяет извлечь факты, имеющие отношение к истории государственности. Особенно важны как сами сведения, так и их правильная научная интерпретация для характеристики ранних этапов становления и развития государственности.

2. Сведения из письменных источников, содержащиеся в сочинениях греческих, индийских, римских и китайских авторов. При этом отметим, что почти все эти источники известны уже давно, за исключением, быть может, китайских и индийских.

3. Документы. В последнее время этот вид источников вносит новые и существенные данные по ряду важных исторических проблем, к примеру, архив документов правителей Роба, арамейские документы из коллекции Халили, документ на пергаменте, относящийся ко времени правления греко-бактрийского царя Антимаха и ряд других.

4. Многочисленные, но краткие эпиграфические данные, в основном надписи на брахми, кхароштли, бактрийском, согдийском и хорезмийском языках. Этот вид источников в отличие, к примеру, от второго, можно сказать, непрерывно пополняется в результате археологических открытий и представляет новые материалы для понимания проблем, связанных с историей государственности. Это надписи на дереве и коже из Топрак-калы, особенно так называемый «Список домов», дающий представление о составе семьи и ее социальном статусе; надписи на черепках из Каратепа, которые указывают на наличие «царского монастыря» в Старом Термезе, а следовательно, и политики покровительства кушанских царей буддийскому вероучению; бактрийская надпись на постаменте монументальной

скульптуры из Айртама, свидетельствующая о существовании института чиновников, своего рода «порученцев» царя, которым доверялись важные государевы дела, и многое другое.

5. Нумизматические материалы, содержащиеся на монетах, чеканенных в различных древних государствах и владениях на территории Узбекистана, надписи-легенды на бактрийском, согдийском и хорезмийском языках. Анализ этих данных позволяет охарактеризовать политическую и династийную историю государств, выявить смену династий и имена царей, отсутствующих в письменных источниках, определить уровень развития и периоды упадка денежных отношений и существование финансовых институтов, всегда являющихся прерогативой того или иного государства. Этот вид источников, так же как и эпиграфические данные, постоянно пополняется. Монеты – это первоклассный источник по истории государственности, о чем весьма образно сказал историк XIV в. Нахшаби: «Монеты, – писал он, – это книга истории царей и хроника государства».

В совокупности все эти виды источников позволяют достаточно четко проследить возникновение, становление, развитие и упадок государственности на территории Центральной Азии в первую, раннюю эпоху. Вместе с тем следует признать, что в отличие от Греции и Рима, где с достаточной полнотой можно выявить даже мельчайшие детали, связанные с государственным строительством, в отношении Средней Азии в целом для эпохи существования древней государственности мы пока во многом вынуждены ограничиться анализом общих черт ее развития, опираться как на прямые, так и на косвенные данные, тщательно анализировать различного рода гипотезы, которых немало в исторической науке. Для составления верной картины можно использовать сравнительные сведения, взятые из истории государств сопредельных и более дальних стран. В каких-то случаях такой метод оправдан, в других – весьма гиперболичен, поскольку даже в пределах Средней Азии древняя государственность кардинально различается. Государственность кочевников отличалась от государственности оседло-земледельческих народов по ряду объективных, субъективных и географическо-территориальных причин.

Да и в пределах менее обширного, чем Средняя Азия, региона – Среднеазиатского Двуречья – одновременно существовали типы государственности, различающиеся друг от друга формой правления, статусом государства. Титулы правителей в Хорезмском царстве, к примеру, были иными, чем в Кушанском, а последнее значительно по этим признакам отличалось от Кангюйского государства.

6. В отношении более поздних периодов, средневекового, нового времени необходимо глубоко внедрить в методику исследований компаративный анализ письменных источников, а также данных, носителями которых были очевидцы, оставившие дневниковые записи в той или иной форме. Особенно это касается колониального и советского периодов. Последний еще располагает возможностью применить метод устной истории.

В процессе исследования проблемы истории государственности должны быть разработаны такие базовые положения истории государственности Центральной Азии, как:

1. Самостоятельное возникновение государственности на базе поступательного прогресса древней цивилизации, опирающейся на автохтонную этнокультурную основу.

2. Традиционность государственности и поступательность ее развития от одной стадии к другой.

3. Разнообразие исторических форм государственности.

4. Эволюция форм государственности в едином процессе с развитием цивилизации.

В настоящее время в каждой из республик Центральной Азии проделана определенная работа по изучению особенностей развития государственности на нашей общей территории. Она показывает, что каждый из народов, проживающих здесь, принимал равноценное участие в развитии общей цивилизации, основой которого были государства.

Сейчас уже назрела необходимость создания совместного общего капитально-го труда по истории государств в Центральной Азии.

### *Литература*

1. История государственности Узбекистана. Т. I. – Ташкент: Узбекистан, 2009.

2. Васильев Д. В. Русский Туркестан: судьба и власть (Туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 гг.) // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. – Омск, 2005.

*Мақалада Орталық Азиядағы мемлекеттілік тарихын зерттеу әдістері, осы бағыттағы тарих ғылымының даму ерекшеліктері, мемлекеттер тарихының барлық кезеңдерін (оның ішінде өркендеу мен құлдырау кезеңін) зерттеудің маңызы, осы тақырып бойынша бірлескен жұмысты құру қажеттілігі туралы айтылады. Осы күні Орталық Азияның әр республикасында мемлекеттіліктің дамуын зерттеу бойынша белгілі бір жұмыс жүргізілді, бұл жұмыстар ортақ өркениеттің дамуына осы жерде тұратын әр халықтың бірдей қатысқанын дәлелдейді.*

*The article discusses the methods of studying the history of statehood in Central Asia, the peculiarities of the development of historical science in this direction, the importance of studying all stages of the history of states, including the time of prosperity and decline, as well as the need to create a joint general capital work on this topic. Currently, some work has been done in each of the Central Asian republics to study the development of statehood, which shows that each of the peoples living here took an equal part in the development of a common civilization.*

Л. Н. ДОДХУДОЕВА

## МАВЕРАННАХР В КАНУН ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ИСЛАМА: ПРАВЕДНЫЙ ХАН И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА<sup>1</sup>

Приближение тысячелетия ислама (1000/1592 г.) – особое время в истории различных мусульманских династий и государств. Осознание грандиозности надвигающегося события мотивировало династов и их «имиджмейкеров» на осуществление программ легитимации власти династии как истинно исламской. Особую актуальность этой программе придавал факт закрепления в пространстве ислама к этому моменту двух типов ортодоксии – суннитской и шиитской в связи с утверждением в 906/1501 г. на территории Ирана власти династии Сафавидов, сформированной на позициях шиизма. Оба типа ортодоксии претендовали на универсальность и жестко отстаивали свою правоту.

Задачей первейшей важности становилась демонстрация приверженности династии определенной конфессии. Процесс конфессионализации вбирал в себя различные акции, но одной из наиболее значимых во все времена оставалась деятельность по мобилизации великого прошлого посредством создания литературных, художественных и архитектурных произведений, призванных воздать должное определенным персоналиям сакральной исламской антропологии, с которыми в общемусульманской памяти связывались конституирующие религиозно-политические концепты, востребованные текущим настоящим. Это позволяло правящим династам не только заявлять о своей приверженности общемусульманской религиозно-политической традиции, но и символически «встраиваться» в нее.

Этот этап истории Мавераннахра совпал с правлением здесь представителя династии Шибанидов (906–1007/1500–1599 гг.), ‘Абдаллаха ибн Искандара, известного также как ‘Абдалла-хан второй, или ‘Абдалла-хан Узбек (пр. 991–1006/1583–1598 гг.).

В этой статье мы хотим остановиться на двух уникальных рукописях из фонда рукописей, литографий и старопечатных книг Центра письменного наследия при Президиуме Национальной академии наук Республики Таджикистан (далее – ЦПН ПНАНТ), созданных в канун миллениума ислама двумя представителями интеллектуальной элиты, близкой хану.

Мы имеем в виду объемный, в 597 листов, труд «Зафар-нама» Бадр ад-дина Кашмири б. ‘Абд-ас-Салама ал-Хусайни б. саййида Ибрахима и совсем небольшой, всего в 36 листов, трактат «Манакиб ал-хулафа’» сайида мавлана Кавам ад-дина Ахмада (в нашей рукописи – Мухаммада) б. мавлана Насир ад-дина б. мавлана Кавам ад-дина Калана ал-Хусайни ал-Санауджиради ал-Зийаратгахи ал-Харави, упомянутого в рукописи как мулла Мир.

Эти сочинения разнятся не только по объему, они написаны в разных жанрах и стилях с использованием разных художественных средств. «Зафар-нама» пред-

<sup>1</sup> Работа выполнялась в рамках индивидуального проекта «Общее и особенное в социально-политической практике династий Османов, Великих Моголов и Шибанидов в X/XVI в.» программы университета Коч (Турция).



ставляет собой исторический нарратив о подвигах правящего хана, выполненный в стихотворной форме, прозаический текст «Манакиб ал-хулафа'» («Достоинства/похвальные качества халифов») содержит исторические прецеденты периода становления ислама и носит полемический характер.

Объединяют эти два сочинения по меньшей мере три обстоятельства: фигура хана как центральная в обоих проектах, время создания сочинений в канун тысячелетия ислама («Зафар-нама» – 1001/1593 г., «Манакиб ал-хулафа'» – 997/1588 г.) и отдельные весьма значимые факты из биографий авторов, в первую очередь принадлежность обоих к интеллектуальной элите ханства.

Бадр ад-дина Кашмири можно отнести к числу наиболее ярких интеллектуалов той эпохи. К сожалению, ранний этап биографии этой неординарной личности остается весьма туманным. Значительно лучше восстанавливается канва его жизни с начала 50-х гг. X/XVI в., когда, покинув родной Кашмир и побывав в Мерве, около 961/1553–1554 г. он обосновался в Бухаре, где прожил вплоть до конца X/XVI в. Здесь он примкнул к джуйбарским шейхам, сблизившись с такими значимыми фигурами этого круга, как Мухаммад Ислам и его сын Хваджа Са'д [1; 2].

Кашмири по праву считают чрезвычайно плодотворным автором, творчество которого донесло до нас «бесценную информацию по политической, социальной и более всего религиозной истории Центральной Азии» [2, р. 44]. Такая оценка его творчества сформирована не только на основе того списка произведений, который составил сам автор, но и по сохранившимся трудам.

В ряду многочисленных работ Бадр ад-дина выделяются четыре сочинения, которые в совокупности представляют, по существу, своеобразный проект автора по всемирной истории, получивший название «Русул-нама» [3; 4]. Этот стихотворный гипертекст содержит 160 тысяч бейтов и состоит из четырех частей. В первой части, «Сафи-нама», приводится история пророков от Адама до Иисуса, во второй, «Искандар-нама», собраны сведения о легендарном Александре Македонском, излюбленном культурном герое исламской цивилизации. Третья часть, «Мустафа-нама», обнимает всю мусульманскую историю от Мухаммада, мусульманских правителей до появления на престоле Мавераннахра Шейбани-хана (пр. 906–916/1500–1510 гг.). Завершает этот грандиозный труд четвертая, последняя часть, получившая название «Зафар-нама». Рукопись «Зафар-нама», хранящаяся в Фонде рукописей, литографий и старопечатных книг ЦПН ПНАНТ, и является предметом данной работы. Принимая во внимание некоторые данные списка, его считают той копией, что была преподнесена самому хану.

Сведения об авторе второго нашего списка, «Манакиб ал-хулафа'», любезно сообщил мне директор Института иранистики Австрийской академии наук в Вене профессор Флориан Шварц, за что выражаю ему огромную благодарность. Он восстановил биографические сведения муллы Мира по нескольким источникам [5; 6; 7].

Автор «Манакиб ал-хулафа'», сайид мавлана Кавам ад-дин Ахмад (в «Манакиб ал-хулафа'» – Мухаммад) б. мавлана Насир ад-дин б. мавлана Кавам ад-дин Калан ал-Хусайни ал-Санауджиради ал-Зийаратгахи ал-Харави родился около 910/1504 г. в Герате, в семье известных религиозных деятелей Санауджирда, большого поселения в окрестностях города. В 919/1513 г. его отец, мавлана Насир ад-дин, известный как знаток и рациональных, и богословских наук (عقلي و نقلی) покинул родные края,

последовав за ‘Убайдуллаханом Шибанидом (пр. 940–947/1533–1540 гг.) в Бухару, где преподавал ханафитское право в мадраса Газийан вплоть до своей смерти (971/1563–1564 г.). Он был похоронен вблизи мазара Хаджи Баха’ ад-дина Накшбанда. Судьба его сына, автора «Манакиб ал-хулафа’», Кавам ад-дина Мухаммада, известного как мулла Мир, также была тесно связана с Бухарой, где он учился под руководством таких известных ‘улама’, как мавлана Кипак(и) Туркестани, а позже преподавал в мадраса.

Оба этих ярких представителя интеллектуальной элиты ханства времени правления ‘Абдалла-хана II, как видим, являлись так называемыми «культурными мигрантами», прибывшими из разных мест мусульманского мира; Кашмири – с Востока, с земли Великих моголов (932–1275/1526–1857 гг.), ведущих свое происхождение от Тимуридов, а мулла Мир – с Запада, из Герата, бывшей столицы султаната просвещенных Тимуридов – Шахрухидов. Воспитанные на образцах богатейшего символического наследия Тимуридов (пр. 771–906/1370–1500 гг.), оба наших автора имели один и тот же культурный базис. Более того, оба происходили из семей потомков Пророка, то есть принадлежали транснациональному и трансконфессиональному экуменическому сообществу саййидов, значимость которого в религиозной и политической жизни мира ислама невозможно переоценить.

Напомним, что правители двух других империй – Великих моголов (932–1275/1525–1857 гг.) и Османов (699/1299–1342/1923 гг.), поддерживавшие с ханством многосторонние отношения и, безусловно, влиявшие на его идеологическую и политическую сферы, стремились разработать и реализовать собственные политико-идеологические программы по случаю миллениума.

Главной акцией Сулеймана (пр. 926/1520–974/1566 гг.) стала разработка и проведение в жизнь глубокой правовой реформы, что добавило к его эпитету «Великолепный» новый – «Кануни» («правовед»). Закрепление новых правовых норм полностью изменило облик государства, сделав жесткую централизацию всей религиозно-правовой сферы главным достижением династии, которая не могла похвастаться происхождением ни от Мухаммада/‘Алидов, ни от Чингизхана (что, согласно модели, актуализированной Тимуром, являлось важнейшим показателем легитимности политической власти в Евразии) [8, р. 356]. Сулейман пресек связь с классической исламской правовой традицией бытования неинституализированных религиозных групп и объединений, не подконтрольных правителю, объявив ханафизм конституирующей религиозно-правовой основой функционирования государства и поставив под полный государственный контроль обучение и назначение религиозных деятелей и юристов. Деятельность Сулеймана Кануни в религиозно-правовой сфере признается рядом ученых важным компонентом второго этапа формирования исламского права [9].

Прославленный могольский правитель Акбар (пр. 963/1556–1014/1605 гг.), как и другие династии подтверждавший легитимность своей власти родством с Тимуридами, направил все свое внимание и усилия в идеологическую сферу. Под его контролем при дворе была создана группа специально подобранных ‘улама для написания эпохального сочинения «Та’рих-и Алфи» («Тысячелетняя история»). Одна часть этой группы состояла из мигрантов из Ирана, другая представляла местную, индийскую интеллигенцию. В ее задачу входило высветить в сочинении самые яр-

кие события прошлого, конституирующие развитие исламской цивилизации как итога теснейшего взаимодействия с другими цивилизациями и культурами. Детали истории составления этого сочинения заставляют вспомнить известное утверждение о том, что фигура патрона подобных исторических проектов превращается в «повелителя весьма гибкого прошлого» [10, с. 232]. Придавая этому труду статус программного в своей идеологии, Акбар настоял на позиционировании собственной персоны как идеального человека, правителя – святого-философа, по существу, нового пророка. Сама работа над созданием этого сочинения стала важнейшим этапом в продвижении религиозных реформ Акбара, в частности религиозной синкретической доктрины «Дин-и иллахи» («Божественной веры»), нацеленной на объединение ислама и индуизма, а также других культов и религий, бытовавших в тот период в Индии. Тем самым Акбар провозглашал новый этап в истории ислама – новое тысячелетие [11].

Конечно, наши авторы создавали свои труды в совсем иных социально-политических контекстах, и, что важно, при другом составе населения, но факт приближения миллениума ислама не мог не сказаться и на их работах.

Шибаниды, с гордостью возводившие свое происхождение от Шибана – внука Чингиз-хана от его старшего сына Джучи, не подвергали легитимность своей власти сомнению, однако были, безусловно, заинтересованы в усилении исламского компонента легитимности. По этой причине одним из направлений деятельности, особенно второго поколения династов, стал патронаж производства книжной продукции, своеобразного «тиражирования» наиболее значимых сочинений предыдущей эпохи и создания новых трудов, прославляющих их династию; эти примеры получили достаточное освещение в работах исследователей [12; 13; 14]. В свете этой задачи интеллектуальной элите отводилась роль имиджмейкеров в поддержке репутации династов как акторов, активно укрепляющих великую исламскую культурно-религиозную традицию.

Безусловно, это в большей мере ощущается при знакомстве с «Зафар-нама» Кашмири. Напомним, что это сочинение трактовалось автором как последняя, заключительная часть его грандиозного проекта «Русул-нама», начинающегося с Адама. Создавая «Зафар-нама», автор демонстрировал читателю великие достижения тысячелетнего цикла развития исламской цивилизации, пик которого пришелся на время правления подлинного героя и творца великих деяний, ‘Абдалла-хана Шибанида.

Кашмири удалось показать, что точно так же, как те инструменты и методы, которые применяет хан в управлении государством, являлись по существу квинтэссенцией социально-политического опыта, который сложился в процессе тысячелетнего развития ислама, так и его труд вобрал в себя лучшие художественные приемы, созданные персоязычной литературной традицией за это время. Во введении к произведению автор упоминает те мусульманские династии, история правления которых закреплена в коллективной памяти мусульман как образцы для подражания, и перечисляет те произведения, которые стали для него такими же образцами. Таким образом, Кашмири удалось уже с первых страниц произведения провести обзор того, что было накоплено исламом за тысячу лет своего развития и в социально-политической, и в культурно-религиозной сферах.

Автор особо отмечает теснейший альянс правителя практически со всеми сегментами интеллектуальной элиты ханства, не только с суфиями, но и с ‘улама’ и факихами. Каждое деяние правителя оценено по самой высокой шкале и в подавляющем большинстве случаев объясняется проявлением не только божественной поддержки, но и результатом такого взаимодействия.

Причиной составления «Манакиб ал-хулафа’», по словам его автора, стало желание ответить на послание шиитов, в котором был выражен протест против жесткой военной кампании Шибанидов в Хорасане (997/1588 г.), разгрома шиитов и утверждения там сунны. Оно было зачитано на собрании суннитских ‘улама’ в присутствии автора. Под впечатлением происходившего мулла Мир принял решение написать специальный труд, в качестве ответа на претензии шиитов, собрав в нем фрагменты из Корана и хадисов, освещающие похвальные качества и подвиги первых четырех халифов как неопровержимые доказательства превосходства суннизма над шиизмом.

Считается, что жанр «Манакиб» («Добродетели/преимущества») и близкий ему «Фада’ил» появились в эпоху сложения сборников хадисов, поскольку так же, как и хадисы, содержали информацию о прецедентах, имевших место в прошлом («سابقة, سوابق»), но «Манакиб», в отличие от «Фада’ил», присущ более выраженный полемический характер [15, р. 329]. Оба эти направления классической исламской литературы были востребованы на протяжении всей истории ислама, но более всего в периоды кризисов, когда актуализация образа прошлого, его «возрождение» в массовом сознании имели отношение не к прошлому как таковому, а к тому прошлому, которое необходимо было актуализировать в свете возникавших социально-политических вызовов [16].

Работа муллы Мира была ответом на вызовы современной ему действительности, она воссоздает ранний этап истории ислама до момента раскола, вызванного разницей в понимании принципов передачи верховной политической власти (выборный или наследственный), и раскрывает достоинства четырех праведных халифов. Основное внимание привлекают две личности – Абу Бекра и ‘Али, поскольку именно с вопроса об очередности их прихода к самому высокому посту в халифате и возник этот раскол.

Рамки небольшой статьи не позволяют нам привести полностью фрагменты текстов «Зафар-нама» и «Манакиб ал-хулафа’», в которых дана оценка достоинств хана. Отметим лишь самые яркие: «защитник сущности ислама от ниспровержения, уничтожающий следы гнета, новшеств и заблуждений этих людей (имеются в виду шииты), прибежище хаканов [из числа] арабов и персов, хакан, сын хакана, прославляющий султанов и халифов брэнного мира и веры, сражающийся за веру...» («Манакиб ал-хулафа’», л. 2а).

Отметим только два момента в этой характеристике.

Первый: в этой короткой фразе упомянуто три титула мусульманских правителей первого уровня – хакан, халиф и султан. Упомянув эти титулы, автор тем самым указывает и на разные типы государственных образований на территории Евразии того времени, и на весьма интенсивное взаимодействие их правителей. Особый интерес вызывает титул халифа, который появился в документах Сулеймана и на первом этапе «означал слияние духовной и мирской власти, или соединение боже-

ственного благословения и личностных деяний». Только в более поздний период он приобретет значение лидерства в суннитском исламе [17].

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, связан с зафиксированным в тексте термином «гази». В тексте, созданном в период военных кампаний хана в Хорасане, упоминание этого концепта имеет особое значение. Изучение истории применения его в эпоху предмодерна выявило весьма серьезную его эволюцию. Если первые случаи его фиксации связаны с проявлениями трайбализма и обозначением набегов племен с целью одномоментного захвата добычи, то со временем он превратился в один из важнейших конституирующих концептов государственной идеологии и идентичности [18, р. 14].

В этой связи нельзя не вспомнить концепцию о «четыре мечах», предложенную одним из наиболее известных учеников Абу Ханифы, Мухаммадом аш-Шайбани (ум. 189/805 г.). Она гласит, что Аллах передал Мухаммаду четыре меча для борьбы за веру. Первым мечом воспользовался сам Мухаммад в борьбе с многобожниками, второй меч пригодился Абу Бекру в схватках с вероотступниками, третий помогал ‘Омару в сражениях против «людей книги», и, наконец, четвертый меч был задействован ‘Али в борьбе против бунтарей [19, р. 114]. Мы видим, как через указание разных врагов, выступавших против ислама в различные периоды, эта концепция передает собственно историю защиты ислама посредством жестких ответов на грозные вызовы, встававшие перед нарождавшимся государством (хиджра – ар-ридда – фатх – фитна).

И в «Зафар-нама», и в «Манакиб ал-хулафа’» с особым пиететом отмечена готовность ‘Абдалла-хана II отстаивать принципы избранного им пути, пути «людей сунны и общины». При этом понятно, что такое качество хана свидетельствует о его способности вести борьбу не только на внешнем контуре своих владений, но проявлять решительность и во внутренних делах. В этом случае действия хана соответствуют и исламским, и чингизидским принципам праведного правления.

Изучение текстов этих двух сочинений, созданных двумя представителями интеллектуальной элиты, примыкавшей ко двору ‘Абдалла-хана II, показывает это общество как «социально ориентированное..., выполняющее в качестве одной из своих главных задач сохранение социального порядка и гармонии» [20, р. 166]. Очевидно, именно это и считалось высшим достижением тысячелетней истории ислама в Мавераннахре.

### *Литература*

1. *DeWeese D.* Kašmiri, Badr-al-din // *Encyclopedia Iranica*. – Vol. XVI, fasc. 1. – 2012. – P. 80–83.
2. *DeWeese D.* The problem of the Siraj al-salihin: Notes on two hagiographies by Nadr al-Din Kashmiri // *Ecrit et culture en Asie Centrale et dans le monde Turco-Iranien, Xe-XIXe siècles*. Sous la direction de F.Richard et M. Szuppe. *Studia Iranica*. Cahier 40. – Paris, 2009. – P. 43–92.
3. *Додхудоева Л.* К вопросу об инструментах формирования имперской идеологии в период правления Шибанидов // *Средневековый Восток. Проблемы историографии и источниковедения. Памяти Героя Советского Союза академика З. М. Буниятова*. – Баку: Элм, 2015. – С. 51–71.

4. *Додхудоева Л.* Труды Бадр ад-Дина ал-Кашмири в контексте развития исторической культуры мусульманского средневековья // Сб. статей, посв. памяти Р. Г. Мукминовой. – Ташкент: Фан, 2013. – С. 167–179.

5. Maḥmūd b. Walī. Baḥr al-asrār. Ms. London British Library, India Office 575.

6. Nithārī. Mudhakkir al-aḥbāb. Ed. S. M. Fazlullah. – Hyderabad, 1968.

7. Zinda ‘Alī. Thamarāt al-mashāyikh (Bukhara 1101 h./1690), Ms. Tashkent Biruni Institute Ms. 2619 (and Ms. 1336).

8. *Melvin-Koushki M.* Early Modern Islamic Empire: New Forms of Religiopolitical Legitimacy // *The Wiley-Blackwell History of Islam*. – Malden, Mass.: Wiley-Blackwell, 2017. – P. 353–375.

9. *Burak G.* The Second Formation of Islamic Law: The Post-Mongol Context of the Ottoman Adoption of a School of Law // *Comparative Studies in Society and History*, 2013. – Vol. 55(3). – P. 579–602.

10. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. – М., 2002.

11. *Moin A. A.* The Millennial Sovereign: Sacred Kingship and Sainthood in Islam. – New York: Columbia University Press, 2012.

12. *Акимушкин О. Ф.* Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в. // *Акимушкин О. Ф.* Средневековый Иран. Культура. История. Филология. – СПб., 2004. – С. 368–382.

13. *Porter Y.* Le kitab-khana de ‘Abd al – ‘Aziz Khan (1645 - 1680) et le mecenat de la peinture a Boukhara // *Cahiers d’Asie Centrale*. – Tachkent; Aix-au-Provence, 1999. – № 7. – P. 117–129.

14. *Comstock-Skipp J.* Heroes of Legend, Heroes of History: Militant Manuscripts of the Shaybanid Uzbeks in Transoxiana. MA Thesis, The Courtauld Institute of Art, 2015.

15. *Afsaruddin A.* In Praise of the Caliphs: Re-Creating History from the Manaḥib Literature // *International Journal of Middle East Studies*. – Vol. 31. – № 3 (Aug., 1999). – P. 329–350.

16. *Додхудоева Л. Н.* Проблема узурпации политической власти в теории и практике суннизма домонгольского периода // *Центральная Азия. Традиции и современность*. – М., 2011. – С. 141–153.

17. *Şahin K.* Empire and Power in the Reign of Süleyman: Narrating the Sixteenth-Century Ottoman World. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

18. *Darling L.* Reformulating the Gazi Narrative: when was the Ottoman State a Ghazi State? // *Turcica*. – 43. – 2011. – P. 13–53.

19. *Albarrán J.* The Jihād of the Caliphs and the First Battles of Islam: Memory, Legitimization and Holy War, from Cordoba to Tinmal // *Al-‘Uṣūr al-Wuṣṭā*. – Vol. 26. – 2018. – P. 113–150.

20. *Hallaq W.* Shari‘a. Theory, Practice, Transformations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

*Мақалада Тәжікстан Ұлттық Ғылым Академиясы Төралқасы жанындағы Жазба мұра орталығында сақталған екі бірегей қолжазба ұсынылған: Бадр ад-Дин Кашмиридің «Зафар-намасы» және Кавам ад-Дин Мұхаммедтің «Манакіб әл-Хулафасы». Стильдер мен жанрлардың өзіндік ерекшеліктеріне қарамастан,*



еңбек исламның мыңжылдығы қарсаңында, яғни 1001/1593 және 997/1588 жылдары жазылған. Екі еңбек те мінсіз билеуші Абдаллах хан Екінші Шибанидің әділ билігі туралы идеяны айтады. Оған қоса билеушінің имиджін жасау мен беделін басқару процесінде интеллектуалды элитаның рөлін көрсетеді.

*The article introduces two unique manuscripts kept in the Center of Written Heritage at the Presidium of the National Academy of Sciences of Tajikistan: «Zafar-nama» by Badr ad-Din Kashmiri and «Manaqib al-khulafa'» by Qawam ad-Din Muhammad al-Husaini al-Sanaujiradi al-Ziyaratgahi al-Harawi. Despite of their peculiarities in styles and genres both works written at the eve of the millennium of Islam, in 1001/1593 and 997/1588 respectively, manifest the idea of the just rule of the perfect khan, 'Abdallahkhan the Second Shibanid, and demonstrate the role of intellectual elite in the process of image-making and reputation management of a ruler.*

## ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ШУ-ТАЛАССКИХ ДОЛИН (XIII–XVI ВВ.)

Чу-Таласское междуречье, или северное Притяньшанье, составляет юго-западную область Жетысу. С юга ограничено Таласским и Кыргызским хребтами, на севере – песками Муюн-Кум и равниной Бетпак-Дала, на западе – ответвлением Кара-Тоо, на востоке – Чу-Илийскими горами. Река Талас берет начало на южных склонах Таласского Ала-Тоо и вступает в широкую долину, разделяясь на рукава. Длина Таласской впадины около 70 км, ширина 30–35 км, продолжительность безморозного периода составляет 140–160 дней, почвы светло и темно-каштановые сероземы, что позволяет заниматься хлебопашеством, садоводством и виноградарством, разведением технических культур, развивать животноводство.

Земли Юго-Западного Жетысу орошают р. Чу и многочисленные речки и ручьи, стекающие с Кыргызского хребта. Наиболее полноводные из них – Сокулук, Аларча, Каинды, Аспара, Мирки и Каракат. Шалсу, Алтынсу, Шыбынды, Макбал, долина которой составляет западную границу Жетысу. Кыргызский Ала-Тау, дающий начало этим речкам, по сравнению с Жунгарским и Заилийским Ала-Тау выглядит совершенно голым. Лесов здесь почти нет. К настоящему времени строевой лес сохранился только в ущельях Аларчи и Иссыкаты. Удобные для земледелия земли расположены оазисами на конусах выносов рек в долинах. Здесь преобладают сероземы, которые при искусственном орошении дают прекрасные урожаи винограда, сахарной свеклы и подсолнечника. На землях, расположенных на прилавках гор и в предгорной полосе, выращивают богатые урожаи пшеницы под богару. Западное Жетысу отличается несколько более мягким климатом, чем Восточное, хотя в отдельные зимы температура опускается здесь до минус 25–28 градусов.

В сочинении арабского географа ибн Хордадбеха отмечена р. Таразаб, которая, несомненно, является одним из вариантов р. Талас. Название реки стало обозначением области Тараз [1, с. 16–27]. В послемонгольское время в связи с изменением названия города в источниках появляется и другое название реки. В сочинении Джурджани она обозначена как р. Янги-Талас [2, с. 48].

В 1269 г. на состоявшемся на берегу р. Талас курултае чагатаидов было решено передать Таласскую область во владение покровителя ислама Кайду [1, с. 101]. Согласно «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина, весной 1269 г. «монгольские царицы Кайду, Беркечеру, Борак, Кипчак собрались на луговьях Таласа и Кенджека ... и держали совет ..., и условились, что впредь будут селиться в горах и степях и не будут бродить вокруг городов, не будут выгонять животных на нивы и предъявлять райятам несправедливые требования».

В сочинении конца XVI в. «Шараф-наме-йи шахи» отмечается, что «правители казахов: Хакк-Назар-хан, Джамил-султан, Шигай-султан, Дустай-султан вместе с

прочими братьями и сыновьями находятся на берегу реки Талас». В данном источнике упоминается и другое название Таласа – Талаш бойы [3, с. 19]. По данным ойратского сочинения «Лунный свет Раднабхадры», в 1661 г. в районе Шу и Таласа располагалась ставка джунгарского князя Галданбы [4, с. 80].

В 1434 г. власть в Семиречье переходит к одному из потомков чагатаидов – Эсен-Буке. При нем северо-восточнее Таласа (р. Шу) поселилось около 200 000 казахов под предводительством Гирея и Джанибека [3, с. 86]. При Улугбеке в 1440 г. долина Таласа вновь была разграблена. На территории долины Шу и Таласа было образовано Казахское ханство. Как пишет К. А. Пищулина, именно к этой территории впервые в известных источниках отнесено название Казахстан [5, с. 259].

Главный город долины Тараз, широко известный по письменным источникам то как Талас, то как Яны Талас, сохранил в своих культурных толщах историю племен и народов, проживавших в Южном Казахстане в течение почти двух тысяч лет.

Примечательно, что казахский хан Абылай построил сыну своему Адилю «по просьбе повиновавшихся ему киргиз-казахов Большой орды при речке Талаш дом, обнес оный валом, основал около него селение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству» [6, с. 256].

В начале XIII в., в смутную для Жетысу и Средней Азии пору, накануне монгольского нашествия, когда разворачивалась борьба за господство в Средней Азии между каракитаями, найманами, хорезмшахом Мухаммедом, Тараз несколько раз переходил из рук в руки.

В 1181 г. кипчакский военачальник Алп-Кара освобождает от каракитаев все земли вплоть до Тараза [7, с. 455]. В 1203 г. в Таласскую долину вновь вторглись каракитай и посадили наместником Тараза Таянгу. В 1212 г. город, наряду с другими центрами юго-западного Семиречья и Южного Казахстана, подвергся разрушению по приказу хорезмшаха Мухаммада, дабы не попал в руки монголов. А еще более роковым оказалось нашествие монголов в 1219 г., которые превратили долину Таласа в руины. Но и «тогда еще Тараз оставался главным городом округа» [8, с. 83].

В 1248 г. по пути в Монголию город посещает монгольский наместник Кавказа Аргун. Проехавший в 1253 г. через Тараз Гильом де Рубрук отметил, что в то время в городе проживала группа каких-то европейцев, именуемых немцами [9, с. 104]. В 1255 г. в Таразе правитель Малой Армении Гайтон встретился с Хулагу, родоначальником династии хулагуидов.

В это время Таразом правил местный аристократ, мавзолей которого в форме киоска на четырех арках обнаружен в западном рабаде. Это был Улуг-Бильге Икбал хан Давуд бек, умерший 31 марта 1262 г.

После XIII в. в источниках наряду со старым урбонимом используется другой – Йянги, т. е. «новый». Нередко старое и новое название употреблялись параллельно. В сочинении Мирхонда – Йянги-Тараз, Бабур-Янги в книгах пишет – Таразкент [2, с. 195]. Тараз в раннемонгольское время периодически играл роль столицы Жетысу. Так, правнук Чингиз-хана Кайду в 1271 г. сел на престол в Таразе [2, с. 189].

В 1301 г. после смерти Кайду город перешел к его сыну Чапару. В 1305 г. землями нижнего Таласа завладел старший сын Кайду Шах, который расположил здесь свою ставку, «Золотую Орду». В 1307 г. чагатаидские царицы разрушили прежнее государство Кайду. «Они сожгли Золотую орду», развеяли по ветру земли, Янги, Кенджида [10, с. 58]. После возведения на престол Эсена-Буки (1310–1318) большая часть земель Кайду осталась за чагатаидами [11, с. 191]. После его смерти (1318 г.) власть перешла к его брату Кебеку, при котором в городе чеканились монеты [12, с. 82–84]. После смерти Кебека (1326 г.) в Таразе правил его брат Тармаширин, монеты с его именем выпускались с 1325 по 1334 г. [13, с. 64].

В историко-географическом сочинении секретаря египетских султанов ал-Омари, основанном на показаниях послов, путешественников и купцов, дано следующее уточнение новому названию города: «Янги – это четыре города, между каждым из них и другими один фарсах, каждый город имеет свое название. Один – Янги, другой Янги-Балык, третий Кенджак, последний Тараз» [2, с. 91].

Одно из последних упоминаний города встречаем в сочинении Мирза Мухаммед Хайдара, который в связи с событиями 1512/1513 гг. пишет, что казахский хан Касым направился в Тараз, который моголы называют Йанги [14, с. 349].

Так средневековый город Тараз прекратил свое существование к концу XV в., оседлое поселение на этом месте продолжало существовать вплоть до XVIII в.

Кенджек-Сенгир – город вблизи Тараза. Впервые назван Махмудом Кашгарским. После монгольского нашествия, видимо, именно этот город продолжал существовать под названием Кенджак.

В средней и нижней части Таласской долины есть крупное городище Шарвашылык, которое обследовал Л. И. Ремпель. Он на основе полученного материала пришел к выводу, что городище существовало и в XIII–XVI вв. Л. И. Ремпель также указал на местоположение г. Шарвашылык возле древней поймы р. Талас. Территория городища окружена стеной длиной 1,5 км. Шахристан в плане имеет форму неправильного четырехугольника, ориентированного углами по сторонам света. Северо-восточная стена имеет протяженность около 350 м, юго-западная – 400 м. Внутри вся обширная территория городища покрыта многочисленными буграми, впадинами-следами былой застройки. Верхний слой – гумусный, затем идет натечно-надувной слой, состоящий из аморфной земли серого цвета. Толщина его составляет 1 м. Городище можно отождествить с позднесредневековым городом Кенджаком [15, с. 68].

В книге «Путешествие в Восточные страны» Плано Карпини и Гильома де Рубрука, изданной в Москве в 1957 г., в комментариях к главам утверждается, что Гильом де Рубрук, обогнув с севера Аральское море, дошел до низовьев реки Талас и, двигаясь по течению, достиг низовьев Таласа, теряющегося в песках, и затем добрался до города Кинчата [9].

Интересные данные о городах Юго-Западного Жетысу приводит Гильом де Рубрук – посол французского короля Людовика XI к каану Мунке. Он ехал из Крыма на Дон, к Волге, к реке Урал и далее в степи Центрального Казахстана и Жетысу. Маршрут его движения не маркируется сохранившимися географическими назва-

ниями. Гильом де Рубрук двигался, скорее всего, как и Плано Карпини, через Хорезм в Юго-Восточное Приаралье, а далее на север в Центральный Казахстан. Он писал: «Накануне дня всех Святых мы оставили дорогу на восток, так как татары уже значительно спустились к югу, и направились через какие-то горы прямо на юг, в течение восьми дней подряд. В этой пустыне я видел многих ослов, именуемых кулан, которые больше похожи на мулов; наш проводник и его товарищи усиленно их преследовали, но ничего не достигли вследствие их чрезмерной быстроты. На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы въехали на равнину, которая орошалась как сад, и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника всех Святых мы въехали в некий сарацинский город по имени Кинчат. Глава его выехал навстречу нашему проводнику с пивом и чашами. Ибо у них существует такой обычай, что из всех городов, им подчиненных, послов Бату и Мангухана встречают с пищей и питьем. В то время там ходили по льду, и еще раньше, начиная с праздника святого Михаила, в степи стояли морозы. Я спросил о названии этой области, так как мы были уже на другой территории, они не умели мне сказать иначе, как по имени города, который очень мал. И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино. На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам, и я спросил про горы, про которые узнал, что это были горы Кавказа, которые соприкасаются обеими сторонами моря от запада к востоку. Тут также узнал я, что мы уже проехали вышеупомянутое море, в которое втекает Этилия. Я спросил также о городе Талас, в котором были немцы, рабы Тури, про которых говорил брат Андрей и про которых я также спрашивал при дворе Сартаха и Бату. Об этих немцах я не мог узнать ничего вплоть до приезда ко двору Мангукаана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади гор, на шесть дней пути от Таласа, в некий город по имени Болат, где они копают золото и делают оружие; поэтому я не мог попасть в их страну в оба мои проезда, туда и обратно. Однако я проехал на пути туда довольно близко, может быть, всего на три дня пути от этого города» [9].

Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич полагали, что Гильом де Рубрук двигался по берегам Таласа, и именно там он нашел город Кинчат, который соответствует городу Кенджак. Маршрут этот им представляется в следующем виде: перейдя Волгу (Итиль), он доехал до Урала (Ягак-Яик), после переправы через который в районе нижнего течения (возможно, около древнего Сарайчика) проехал восточнее города Актюбинска или Темира в пределах окрестностей Тургая, откуда повернул на юг через горы Улугау, затем вдоль русел рек Кара-Кенгир и Сары-Су направился к северным склонам Каратау, вдоль них – через Сузак, Чулак-Курган и Байкадам – к низовьям реки Талас, к городу Кинчату. Кинчат, по-видимому, соответствует Кенджак-Сенгиру, о котором Махмуд Кашгарский писал: «Кенджак-Сенгир – название города вблизи Тараза. Это пограничная крепость с кипчаками». Из сообщения Рашид ад-Дина известно, что в 1269 году на лугах Таласа и Кенджака был проведен курултай наследников Чингиз-хана. Поэтому город этот может быть отождествлен

либо с городищем Тек-Турмас, либо с Шарваншлыком, расположенными в низовьях Таласа, который ниже Джамбула, распадается на множество арыков, расходящихся веером. Сбросовые воды арыков (после полива) и воды половодья образуют на концах этих каналов большое количество пересыхающих к концу лета болот и небольших озер, что соответствует местности, описанной Рубруком. Они предположили отождествить этот город с городищем Шарвашлыком, который существовал с первых веков нашей эры до XII–XIV вв. [16, с. 201].

М. Е. Массон справедливо отмечал, что города Янги, Янги-Балык, Кенджек, упоминаемые ал-Омари – это вновь отстроенные города, местоположение которых не совсем ясно. Кенджек известен с XI в. у Махмуда Кашкарского – это город близ Тараза, пограничная крепость с кыпчаками.

Городище Аспара расположен у юго-западной окраины с. Чалдовара, примерно в 0,5 км от дороги в пос. Мерке, имеет форму прямоугольной в плане возвышенной площади со сторонами, ориентированными примерно по сторонам света (отклонение около  $10^\circ$ ), размером с запада на восток 350 м и с севера на юг – 240 м (замер произведен по верхнему краю вала). Примерно в середине восточной стены городища расположен выступающий к востоку за наружную линию высокий холм, соединяющийся с основной площадью городища при помощи земляного вала, окружающего одновременно всю площадь городища и этот выступ. Внутренняя площадь городища представляет собой три расположенных на разной высоте площадки, из которых первая – размером с севера на юг – 140 м и с запада на восток – 220 м и высотой над окружающей местностью в 5–6 м, занимает почти всю восточную половину городища; западная же, более высокая половина, в свою очередь представляет собой две площадки, из которых южная размером с севера на юг 50 м и с запада на восток – 130 м, расположена на высоте 10 м и северная размером с севера на юг – 140 м и с запада на восток – 115 м и высотой в 17 м. Все эти площадки, как мы отметили выше, с наружной стороны окружены земляным валом, высотой от 4 до 5 м над внутренней площадкой. Наиболее высокая площадка является, по-видимому, остатками цитадели, которыми несколькими земляными насыпями-валами, высотой около 1 м, и шириною у основания в 10–12 м, разделяется на несколько более мелких прямоугольных площадок. В северо-восточном углу цитадели сохранились три крупных в плане впадины диаметром в 5–6 м и глубиной около 5 метров [17, с. 229, 308–313].

В 1965 г. была найдена серебряная монета Тимура с именем подставного хана Махмуда, чеканенная в 1392/1393 гг. Некоторые аналоги в керамике также указывают на XV век. Например, прием покрытия глазурью внутренней поверхности кувшинов получил распространение в гончарном производстве Средней Азии с XV в., а неполивная керамика по формам, приемам и сюжету орнаментации весьма близка керамике XV в. городища Садыр-Курган Таласской долины.

Определенный интерес представляют надписи на тюркском языке, выполненные черной краской на обеих сторонах лопатки коровы [18, с. 71–79]. В них названы пятнадцать лиц, среди которых четыре бека, один ходжа и более пяти известных по прозвищам, выражается печаль по поводу их смерти.



Сделано это по случаю одновременной гибели многих лиц, занимавших высокое положение в спаре или в округе, что устанавливается благодаря прозвищу одного из них – Хаган Кучкарский. Местность Кучкар, или Кошкар, упоминается в источниках и известна как название верхнего течения реки Чу. Надписи на лопатке имели ритуальное значение и, по-видимому, оглашались при исполнении поминального обряда.

Находка тюркской надписи свидетельствует об определенных этнических процессах, связанных с ассимиляцией и растворением в предгорьях Тянь-Шаня пришедших монголоязычных племен в тюркской среде [19, с. 97].

Находки монет перекликаются с сообщениями источников об укреплении Аспары по приказу Тимура в 1397/1398 г. Вот как пишет об этом биограф Тимура Ибн Арабшах: «Рассказ об устройстве им (Тимуром) со стороны моголов и Китая и о том, что им сделано в этих местах. Когда он прибыл в Самарканд, то послал своего внука Мухаммад Султана, сына Джангира, вместе с эмиром Сейф ад-Дином в крайний пункт, до которого доходили его слова и действовали его указы, а это то, что за р. Сейхуном..., в месяце пути от страны Мавераннахра. Они заняли там долины и поля и построили несколько крепостей, самая отдаленная из них называется Аспара... неприступная крепость, готовая к грабежу и опустошению...» [20, с. 91].

В Аспаре был оставлен эмир Аргун-шах, один туман (10 000) войска и сборные отряды. Однако моголы продолжали беспокоить набегами крепость, и в 1403 г. Тимур был вынужден отправить туда большое подкрепление во главе с эмиром Аллададом, а через год пришлось построить новую крепость в десяти днях пути от Аспары на восток.

Видимо, и после этих мер положение гарнизонов было очень непрочным. Во всяком случае, в 1405 г. после смерти Тимура начальник гарнизона Аспары Алладад счел благоразумным покинуть крепость. «При этом же он приказал своей свите и войскам, и они забрали с собой все большое и малое, и он не оставил там из того, что принадлежало ему, (даже) мертвого и ничтожного. Они поползли, пошли медленно, и временами препятствовала им земля снегом, временами же падал на них кусок неба... Первые поднялись с востока моголы, направились к Аспаре и Иссык-Кулю и распространились в этой стране...» [20, с. 91].

Последнее известие об Аспаре относится к началу XVI в.: «Зимой года девятьсот девятнадцатого (1513/1514 г.)... Касым-хан ушел в сторону Аспары ради овладения собственными странами» [21]. Однако из приведенного отрывка неясно, имеется ли в виду город Аспара или местность под тем же названием, которое сохранилось до наших дней. В середине XVI в. Мухаммед-Хайдар говорит только о развалинах городов в Чуйской долине. Таким образом, время активного существования верхнего строительного периода Аспары следует отнести к XV в., что, впрочем, не исключает возможности и более позднего обживания развалин города незначительным оседлым населением.

Археологические материалы, полученные в Аспаре, достаточно конкретны для того, чтобы судить, насколько значительным был упадок оседлой культуры в Чуй-

ской долине и как широко распространилось это явление после монгольского нашествия.

В последний раз город Аспара упоминается в сообщении Гияз ад-Дина, сопровождавшего посольство Шахруха (сына Тимура) в Китай, где город Аспара упоминается в числе городов, через которые последовало в 1419 г. это посольство.

Крупнейшим средневековым городом Шуйской долины был Баласагун. Монголы заняли его без боя, за что назвали Гобалык – «хороший город» [22, с. 355–357], но имя Баласагун сохранилось и широко употреблялось, судя по сведениям письменных источников XIII–XVI вв.

Большинство исследователей отождествляют Баласагун с известным средневековым городищем Бурана [23, с. 54–56].

Особо убедительно в пользу именно такого отождествления свидетельствуют сообщения среднеазиатского ученого XVII в. Махмуда ибн Вали (1634–1641 гг.) в его произведении «Море тайн относительно доблестей благородных». Баласагун из городов Туркестанзамина (известного под названием Моголистан) до монгольского нашествия был с чисто мусульманским населением. Из него вышло много ученых. Мустоуфи говорит: «[Баласагун] – страна обширная и приятная: из шестого-седьмого климатов. Климат его очень холодный». В некоторых летописях сообщается, что ширина его крепостной стены была в два с половиной [гяза]. Баласагун имел сорок соборных и двести будничных мечетей, двадцать ханаки и десять медресе.

Народ Баласагуна – сунниты и из общества ханифитов. В том городе науки фикх и хадис были распространены больше, чем другие знания.

Некий путешественник Кашгари во время составления сей книги в Балхе рассказывал: «Однажды правитель Кашгара вторгся в Моголистан, чтобы осудить и наказать калмыков». Схватили из числа этих неверных много пленников и при возвращении, когда дошли до того места, где [раньше] мы уведем остатки зданий, у пленников спросили название этой местности. Они ответили: «Нам известно [лишь] то, что здесь [в прошлом] был город под названием Баласагун». Словом, этот город в прошлом был одним из лучших городов этого края, но в настоящее время забыто [даже его имя] [24, с. 24].

Находки золотых монет и многочисленных кладов, в том числе чеканки XIII–XIV вв., зарегистрированные на Туране в гораздо большем количестве, чем на любом другом городище Шуйской долины, свидетельствуют о крупной экономической роли этого города.

Интересно сообщение Мухаммеда Хайдара о развалинах Монара-Бурана, его постройках и надписи на кайраке: «В стране Шу, – отмечено в Тарих-и Рашиди», – в одном месте есть следы большого города; его минареты, гумбезы и медресе в некоторых местах сохранились. Так как имени этого города никто не знает, то монголы его называют Монара. Кроме того, там есть купол и каменная плита, на которой почерком «масх» врезана надпись: “Это могила славнейшего имама, непреложного, совершеннейшего шейха, обнимавшего в себе как созерцательные, так и отныне науки, знатока как ветвей, так и основ законоведения, имама Мухаммеда факиха Баласагунского: да перестанет цвести на его могиле древо общения его с Богом, и

да будут обращены на него вечно взоры мужей достойных. Скончался он в 711 г. Написал это кузнец Омар ходжа» [25, с. 162–163].

При раскопках четвертого мавзолея Бураны в 1979 г. был найден средневековый надгробный камень с эпитафией арабским письмом. В. Н. Настич датирует его XIII – началом XIV вв. Текст кайрака содержит сведения об умершем шейхе-сыне факиха – законооведа Мухаммеда ал-Умар ал Баласагуни. В. Н. Настич отмечает заметную близость содержания этой надписи тексту надгробной плиты, описанной в «Тарих-и Рашиди». Речь идет, безусловно, о разных кайраках, посвященных, соответственно, разным лицам. Однако упоминание в обеих эпитафиях нисбы «ал Баласагуни» еще раз подтверждает предположение о тождестве Бураны с Баласагуном.

В. Н. Настич сделал следующее заключение: «Наконец вновь публикуемая эпитафия из “Тарих-и Рашиди” свидетельствует о том, что город Баласагун еще существовал в первой половине XV в., и в нем процветала традиционная мусульманская грамотность, служение богословским наукам, ремесла (в частности, кузнечное и камнерезное) и, очевидно, “суфизм”» [26, с. 167–168].

Важным аргументом стала находка серебряной монеты на городище Бурана. Монета оказалась достаточно чистой и с практически неповрежденными надписями, что позволило сразу прочесть название монетного двора Баласагун [27].

Об экономическом состоянии Баласагуна вскоре после монгольского завоевания можно судить по записках 1220–1224 гг. даосского монаха Чань-Чуня. Он сообщает, что «двигаясь вдоль северных отрогов Тянь-Шаня, прошел через владения империи киданей, и свидетельствует о существовании земледелия в окрестностях караханидской столицы, на окружающих полях население обрабатывало землю, выращивало виноград и шелковичных червей. Летом использовались оросительные каналы, по которым отводили воду из рек на поля» [28]. Здесь, безусловно, под столицей подразумевается Баласагун.

Следует отметить, что письменные источники характеризуют ситуацию Между-речья Шу – Таласа в юго-западном Жетысу как наполненную междоусобными войнами, походами Тимура, тимуридов, которые являлись причиной упадка городской жизни в регионе [30, с. 567–570]. В Шуйской долине лишь в семи городищах отмечены слои XIII–XVI вв. Это Тортколь, Ташуткуль, городище Кысмычи, Кара-Джигач, Александровское, Беловодское, Аспара [30, с. 64].

Рашид ад-Дин упоминает лишь два больших селения – Тарсакент и Каргалык-Карагайлык [1].

Археологические исследования последних лет в значительной степени конкретизировали представление о состоянии оседлой культуры на территории Шу-Таласской долины в эпоху Монгольской империи и Казахского ханства. Расширился круг позднесредневековых памятников, пополнились коллекции материальной культуры, несмотря на то, что слои XIII–XVI вв., как правило, небольшой толщины. Результаты археологических исследований городищ, существовавших в XIII – первой половине XVI в., сопоставление археологических материалов, письменных источников и нумизматических сведений позволили определить месторасположение почти всех городов на территории Казахстана в XIII–XVI вв. Также археологиче-

ские материалы XIII–XVI вв., несмотря на свою малочисленность, заслуживают внимания тем, что в средневековых источниках и народных преданиях отмечалось существование местного оседло-земледельческого населения.

### *Литература*

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Кн. 1–2. – М.; Л., 1952.
2. *Волин С.* Сведения арабских источников XI–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // *Материалы исследования по археологии Казахской ССР: Труды Семиреченской археологической экспедиции: Таласская долина. Т. 1.* – Алма-Ата, 1949.
3. *Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских источников) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин.* – Алма-Ата. 1969.
4. *Раднабхадра.* Лунный свет. История рабджам Зая-Пандиты / Перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина. СПб., 1990.
5. *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата, 1977.
6. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 1996.
7. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1. – М.: Издательство восточной литературы, 1963.
8. *Массон М. Е.* Исторический этюд по нумизматике джагатаидов (по поводу Таласского клада монет XIV в.) // *Труды САГУ, вып. IV.* – Ташкент, 1957. – С. 83.
9. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911.
10. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. – Фрунзе. 1943.
11. *Жуков В. Д.* Дукентский клад // *ИМКУ.* – Вып. I. – Ташкент. 1959.
12. *Массон М. Е.* К вопросу изучения языческих курганных погребений // *Вестник АН КазССР.* – Алма-Ата, 1965. – № 1. – С. 82–84.
13. *Бернштам А. Н.* Памятники старины Таласской долины. – Алма-Ата, 1941.
14. *Мухаммед Хайдар Дулат.* Тарих-и Рашиди. Изд. 2. Алматы: Санат, 1999.
15. *Ремпель А. И.* Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // *Труды ИИАЭ.* – 1956. – Т. 1. – С. 61–72.
16. *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // *Труды ИИАЭ.* – АН КазССР, 1958. – Т. V. – С. 3–215.
17. *Пацевич Г. И.* Историческая топография городов и поселений Южного Казахстана VII–XV вв. н. э. (по данным археологии): дисс. ... к. ист. н. – М., 1954.
18. *Муратов С. Н., Ерзакович Л. Б.* Лопатка коровы с тюркскими письменами на арабском алфавите из городища (Чуйская долина) // *Эпиграфика Востока. XVIII.* – Л., 1967. – С. 71–79.
19. *Ерзакович Л. Б.* О позднесредневековом городище Аспара // *Новое в археологии Казахстана.* – Алма-Ата, 1970.

20. Волин С. Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Новые материалы по древней и средневековой истории // ТИИАЭ. – 1960. – Т. 8. – С. 72–92.

21. Перевод В. П. Юдина из «Тарих» Шах Махмуд Бен Мирза Фазил Чораса. Рукопись ГПБ им. Ленина, лист 29а.

22. Бартольд В. В. Баласагун // Сочинения. – Москва: Наука, 1965. – Т. III.

23. Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. – Фрунзе: Илим. 1983.

24. Махмуд ибн-Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география). – Ташкент: ФАН. 1977.

25. Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. – СПб., 1866.

26. Настич В. Н. К эпиграфической истории Баласагуна: анализ изданных надписей и новые находки // Красная речка и Бурана. Материалы исследования КАЭ. – Фрунзе. – С. 167–168.

27. Петров П. Н., Камышев А. М., Акиндинов С. В. Баласагун и Орда – монетные дворы Чуйской долины в первой трети XIII в. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – № 3. – 2012. – С. 169–177.

28. Супруненко Г. П. Китайские источники (раннее средневековье) // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XVI в.) – Бишкек: Илим, 1994. – С. 73–82.

29. Бартольд В. В. Чу // Сочинения. – Т. III. – М.: Наука, 1965.

30. Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. – Кн. III. – Ч. 1. – Алматы, 2016.

*Шу-Талас алқабында отырықшы мәдениеттің жағдайын соңғы уақытта жүргізілген археологиялық зерттеулер нақтылап берді. Кейінгі ортағасырлық ескерткіштердің ауқымы кеңейіп, материалдық мәдениет коллекциясы толықтырылды. Кейінгі ортағасырлық қалаларда мәдени қабаттар айқын байқалмайды; олар сол кезеңдегі қалыптасқан мәдениеттің жалпы жағдайының көрсеткіші ретінде белгілі бір деңгейде қызығушылық тудырады. Саны аз болса да XIII–XVI ғасырлардағы археологиялық материалдар да назар аударуға лайық, өйткені қалалар болмаса да ортағасырлық дереккөздерде жер игерген жергілікті халық туралы мәлімет бар.*

*Recent years archaeological studies have largely specified the state of settled culture on the territory of the Shu-Talas Valley. The range of late medieval monuments expanded, material culture collections replenished. In the late medieval cities, cultural layers are not very pronounced; they present a certain interest as an indicator of the general state of settled culture in that period. In addition, archaeological materials of the XIII-XVI centuries, despite their small numbers, deserve attention because the existence of the local agricultural population in the medieval sources and folk was noted in the absence of cities.*

## ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ҚАЗАҚ ЕЛІ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАДИЦИИ

Надо сказать, сегодня мы с вами являемся не столько свидетелями, но непосредственными участниками невозвратных, так называемых «сингулярных процессов», последствия которых нам еще предстоит пережить и переосмыслить.

Действительно, за ничтожно малый по историческим меркам период необратимым изменениям подверглось всё и вся вокруг. Казалось, ведь только вчера, привыкая к благостям глобализма, мы стали допускать мысль о том, что являемся полноценной частью мира, как молниеносно нагрянувшая эпоха пандемии продемонстрировала нам несостоятельность лозунга «единство в многообразии», ввела социальную дистанцию, и, заметим, не только между людьми внутри государств, но и во всех внешних межкультурных, межэтнических, международных формах взаимосвязей.

Так, сегодня в тренде вновь оказалось все локальное и национальное, и мы можем наблюдать, как находящиеся в состоянии кризиса идентичности современные мультикультурные общества в целях выработки коллективного иммунитета на провокации изменяющегося на их глазах картины мира судорожно занялись поиском утерянных социокультурных ценностей и ориентиров.

Концепт идеологии любого современного создающего государства основан на исторической преемственности, традициях, и показательным примером сказанному может служить инициатива Президента К. К. Токаева о подготовке нового академического издания по истории Казахстана: «Пришла пора написать отечественную историю, учитывая новые научные подходы. Этот фундаментальный труд должен лечь в основу всех учебников. Это вопрос стратегической важности. Поэтому необходимо незамедлительно приступить к подготовке нового академического издания по истории Казахстана. От этого зависит возрождение нашего исторического сознания» [1].

Здесь стоит отметить, что аналогичные проекты по подготовке и написанию истории Казахстана за годы независимости были предприняты и ранее: «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» (гл. ред. М. К. Козыбаев. Алматы, 1993); «История Казахстана» в 5 томах (Алматы, 1996–2010); 10-томная (в 20 книгах) «История Казахстана» под ред. Х. Абжанова, 2012–2017, которая, к сожалению, так и не увидела свет; а также бурно обсуждаемая в наши дни подготовка семитомного академического издания «Истории казахского народа».

В настоящий момент инвентаризация воззрений на природу исторического познания с целью найти консенсус в вопросе достойной интерпретации целостного образа национальной истории, возрождения исторического сознания продиктованы новыми вызовами современности, новым форматом отечественной исторической мысли, изменением логики мировой исторической науки, а также накоплением новых исторических знаний, артефактов, возросшим интересом к событиям прошлого нового поколения казахстанцев.



Важная мировоззренческая функция будущего академического издания, на наш взгляд, должна заключаться в раскрытии как своеобразия и неповторимости истории казахской государственности, так и ее взаимосвязи с эпохальными процессами мировой истории. А эта задача может быть достигнута при помощи синхронизации курсов истории Казахстана и всеобщей истории, сопоставления ключевых событий и исторических процессов на территории Казахстана и мировой истории, введения в содержание образования элементов компаративных характеристик.

Стоит ли ограничиваться сегодня рамками лишь привычному нашему восприятию содержания «Истории Казахстана», в котором национальная история рассматривалась вне контекста мировой цивилизации? Возможно, необходимо внедрить совершенно новые дисциплины, например, «Казахстан в контексте мировой истории», «Древний мир и кочевники Евразии», «Всемирная история и Тюркская цивилизация», «Казахстан в системе Восток – Запад», «Сравнительное изучение цивилизации кочевников Евразии» и др. Данный посыл послужит ключом к целостному пониманию новым поколением казахстанцев собственной национально-государственной идентичности.

В связи с этим, думается, необходимо отойти от фактологии и событийной истории, привычной подачи материала в виде нескончаемого перечня «мертвых» фактов, дат, побед и неудач, стараться интерпретировать исторические источники «изнутри», с позиции действующих лиц, рассмотреть за любым историческим феноменом живую человеческую жизнь, проще говоря, несколько оживить историю. При этом немаловажно также помнить, что содержание нового академического издания должно быть нацелено на формирование у молодого поколения казахстанцев чувства гордости и патриотизма за историю и культуру своего народа. Пора, наконец, избавившись от «детской болезни» уязвленного национального самосознания, выходить на уровень мировых координат. Ведь на самом деле обладая богатым культурным наследием, будь то бесчисленные свидетельства духовной и материальной составляющей казахского народа или же унаследованная государственность со всеми подобающими атрибутами, мы все еще не можем доходчиво и аргументировано разъяснить специфику архитектуры собственной национальной государственности.

И потому своеобразными маркерами новых подходов к исследованию исторических процессов должны выступать нижеследующие концептуальные аспекты:

- междисциплинарный характер исторических исследований;
- актуализация и переосмысление основных категорий и концептов теоретических исследований;
- концептуальное переосмысление национальной истории как закономерной и неотъемлемой части общемирового исторического процесса;
- понимание национальной истории как специфического проявления культуры и культурной идентичности казахов и других этносов;
- изучение национальной истории в разрезе ключевых реалий современности – это объективный неизбежный процесс, направленный на сохранение исторической памяти и формирование идентичности Қазақ Елі.

Думается, что изучение национальной истории в разрезе обозначенных ключевых аспектов – это объективный неизбежный процесс, направленный на сохранение исторической памяти и формирование идентичности народа Казахстана.

Бесценное духовное и материальное наследие цивилизации кочевников евразийских степей, традиции государственности Түркі Елі и Ұлық Ұлыс, славные традиции-институты эпохи Казахского ханства, Ұлы Жібек жолы, войны и сражения, победы и поражения, народная дипломатия, религии, языки, культура, традиции, обычаи, искусство – всё это служит вечным контекстом современной формы казахстанской государственности и ее идеологии, поскольку любой государственности свойственна своя специфика формирования, собственные исторические условия и причины возникновения, личные черты и характеристики и пр. Ибо государственность – это «...порождение естественно-исторического развития. Возникает спонтанно: без предварительно поставленной цели и не по заранее намеченному им плану. Иначе говоря, государственность – не артефакт...» [2, с. 9].

Вопрос национальной государственности относится к числу не требующих по отношению к себе каких-либо определений и официальных признаний, реально тонких, сугубо деликатных проблем этнополитогенеза, понятных прежде всего на историко-генетическом уровне представителям данной политики, поскольку речь идет об историческом процессе формирования единой политической и правовой культуры в определенном ареале.

Следовательно, затрагивая вопросы комплементарности исторического опыта политико-правовой культуры, проблемы исторической преемственности, а также традиций и ценностей Қазақ Елі, невозможно перешагнуть через принимаемые за веру в кочевом обществе принципы, устойчивые убеждения, на которых, собственно говоря, выстроена своеобразная формула национальной государственности казахов, все разновидности традиционных социополитических институтов-традиций: старейшин-аксакалов, каганов-ханов, биев-батыров-жырау. Речь идет о принципах меритократии, геронтократии, коллективных представлениях о родовом единстве, религиозных верованиях, легендах, нормах морали и права, служивших для казахов-кочевников одной из «фундаментальных мотивационных установок», ориентированных на «тегін тану» – самопознание, что обозначало: жақсылық пен жамандықтың, тектілік пен тексіздіктің, көрегендік пен көргенсіздіктің, әділеттілік пен әділетсіздіктің арасын айыра білу (различение категорий «хорошо» и «плохо», вопросов происхождения и наследственности, моральных установок, благовоспитанности).

Наряду с этим, атрибутами преемственности национальной государственности Қазақ Елі служат: «Алтын адам», курганы и городища, руническое письмо, ювелирное искусство мастеров из Жалаулы, кюи Қорқыта, суфийские учения Яссауи, мазары Жошы и Алаша-ханов, мудрость Асан-Қайғы, походные песни Қазтуған и Ақтамберді жырау, образцы ораторского искусства Төле, Қазыбек, Әйтеке биев, красноречие Сырым батыра и пламенные речи Махамбета, научное наследие Шоқана и царство поэзии Абая, алфавит Ахмета, «Алаш Орда» Әлихана, «Путь Абая» Мұхтара, исследования Марғұлана... И этот список можно было бы продолжать до бесконечности ...

Сущность казахской государственности определяется не только реально существующим соотношением сил, но и накопленными в ходе исторического развития представлениями о мире, ценностях, образцах поведения и другим культурным капиталом. Соответственно, характеристики государственности Қазақ Елі на разных этапах ее развития содержат научную оценку того, что и когда было эффективно и полезно по критериям качества жизни, то есть «человеческого измерения», а что, наоборот, было ошибочным, вредным, вело в тупик и порождало неразрешимые противоречия. Все это, разумеется, необходимо рассматривать с учетом конкретных исторических особенностей, знаний казахской культуры, традиций, национальной и социальной психологии, религиозного и в целом духовного развития Казахстана на том или ином отрезке исторического времени.

Таким образом, для осмысления архитектуры государственности Қазақ Елі необходимо изучение государственной власти в генезисе, начиная с ранних кочевых государств саков, гуннов, уйсыней, тюрок, монголов, казахов, учитывая наиболее значимые государственно-правовые реформы, начиная с эпохи правления Меде шаньюя, каганов Бумына, Істемі и заканчивая преобразованиями собственно казахских ханов – Есім, Қасым, Тауке, Кенесары. Ведь именно в результате консенсуса феномена кочевничества, тюркских традиций политической культуры, «монгольского» компонента и институтов-традиций собственно Казахского ханства была создана своеобразная матрица конституции национальной государственности казахов!

Так, в традиционном казахском обществе обладающему добродетелями, умом, порядочностью, справедливостью, храбростью, мужеством, благородством и благоразумием казаху предоставлялась возможность беспреградного перемещения вверх по социальной лестнице. При этом не принадлежность к «Алтын ұрық», не формальный социальный статус, а заслуженный авторитет среди народа служил параметром общественного отношения к такой личности. Примером тому могут быть запечатленные в исторической памяти казахского народа имена таких выдающихся лиц («ханнан бетер қадірлі»), как Төле би, Қазыбек би, Әйтеке би и многие другие.

В данном контексте необходимо различать функциональную особенность таких институтов вертикальной социальной мобильности в традиционном казахском обществе, заключавшихся в выполнении не столько вопросов политико-правового характера, сколько комплекса социальных, культурно-духовных начал, их целостного разрешения. Например, изначально заложенная в тюркскую концепцию государства «первая и основная обязанность правителя – это способствовать проживанию народа в благоденствии. По традициям, правитель должен был накормить и одеть свой народ. Из этого соображения вытекала и другая его обязанность наведения порядка в вооруженных силах, завоевания новых земель, покорения новых стран...» [3, с. 54].

Не оправдавшие доверие народа, не справившиеся с обозначенными выше обязанностями степные правители нередко подвергались со стороны своих подданных обычаю «хан талау». В случае дальнейшего игнорирования представителями знати общественного мнения, назревающий конфликт обычно разрешался мирной откочевкой населения. Страницы истории Казахстана содержат немало аналогичных примеров, в частности, в рассматриваемых хронологических рамках достаточно

было бы упомянуть имена казахских ханов Бурундука и Тахира, вызвавших своим недеянием «период смут» в Казахском ханстве и бесславно закончившим свою жизнь на чужбине в связи с изгнанием их собственным народом [4, с. 218].

Нетрудно заметить, что в традиционном казахском обществе всякий отдельно взятый индивид пользовался трехуровневой системой защиты со стороны властных органов: во-первых, ханов, призванных защищать интересы государства и всего народа, во-вторых, биев – на уровне племен и жузов, и, наконец, в-третьих, аксакалов на родовом уровне. В связи с этим уместно было упомянуть примечательный обычай казахов «хан сарқыты», отсутствующий у других народов, суть которого заключалась в разделе поровну между соплеменниками скота избранного хана, поскольку считалось, что хану скот ни к чему, у него не должно быть иных забот, кроме благополучия своего народа, если скот есть у его народа, значит, есть и у хана: «...самое большое оскорбление, которое мог заслужить степной правитель – это обвинение в скупости» [5, с. 132].

Специфика вертикальной социальной стратификации традиционного казахского общества заключалась в том, что она представляла собой не закрытую (более характерную для геосоциальных организмов), а открытую, демократическую, пронизанную духом критики, легко изменяющуюся и приспособливающуюся к обстоятельствам внешней среды, основанную на морали «социальной справедливости», самобытную потестарно-политическую систему, базировавшуюся на принципе генеалогического родства «Қарға тамырлы қазақ». Очевидными элементами констатируемого факта выступают всенародные курултай, мажилисы, право не только участия в которых, но и голоса в решении принимаемых в них государственных вопросов, согласно «Жеті Жарғы», имел «всякий, могущий носить оружие» свободный казах, достигший 15-летнего возраста; Советы ханов, биев, институты жырау, батыров, правовые традиции и обычное право казахов, основанных на кодифицированной системе юридических установлений, как: әдет (обычай), заң (закон), шешім (решение), кесім или же үкім (приговор), ереже (положение).

Государственность Қазақ Елі утвердилась на легитимной основе волеизъявления большинства таких «я», кто идентифицировал себя этнонимом «казах».

Степная традиция государственности, основанная на идеологии «от рода к государству», неизменность базиса и переменчивость надстроечных институтов, неэгалитарный, демократичный принцип организации социополитических институтов в традиционном казахском обществе вкупе отразились на специфике констант триады государства: территория – население – власть, обладавших опять же ценностно-символической природой.

Апогеем уникальной по сути, универсальной по содержанию тринарной модели целостной архитектуры государственного строительства на территории Казахстана выступает все же жузовая структура казахов.

Отточенная веками, совершенная система казахских жузов как исторический феномен и по сей день сохраняет свое влияние, прежде всего как социальный, культурный и духовный треножник – «тарих шындаған ұштаған» – синкретическое явление, суть которого заключается в принципиальной сочетаемости, соединяемости разнородных начал, отражающих разные стороны общественного бытия, в то же

время дополняющих друг друга с точки зрения функционирования социума как целостного организма. Необходимо особо отметить идеологическую составляющую жузов как механизма сохранения исторической памяти. Казахские жузы – своеобразный природный институт-инструмент сохранения баланса и стабильности традиционного казахского общества, олицетворение единства и целостности, гармонии и процветания Қазақ Елі.

Все затронутые аспекты имеют прямое отношение к истории национальной государственности казахов и являются вечным источником для ее дальнейшего развития и процветания. В этом и заключается на наш взгляд суть идеологии Мәңгілік Қазақ Елі.

Как видим, историческая преемственность – это основной фактор и важное условие развития социальных организмов, будь это семья, община, род, племя, страна или государство. Неся объективный и всеобщий характер, она, как внутренняя культурная и духовная связь, способ передачи социальных, культурных ценностей от поколения к поколению, многострадального исторического опыта и традиций, как сама связь времен, веков и эпох, выступает главным и основным детерминантом исторического прогресса.

### *Литература*

1. Токаев К. К. Независимость превыше всего. [Электронный ресурс]. <https://24.kz/ru/news/top-news/item/446936-polnyj-tekst-stati-k-tokaeva-nezavisimost-prevyshe-vsego>
2. Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. – М.: Норма, 1998.
3. Гюлер А., Акгюль С., Шимшек А. Исторические сведения о тюркской нации. – Анкара, 2001.
4. Оразбаева А. И. Формула государственности казахов. – М.: Press-book.ru, 2017.
5. Крадин Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

*Автордың пікірінше, Қазақ Елі мемлекеттілігінің негізгі белгісі: ұлы даланың ландшафты, оның негізгі фигуралары: Еуразия көшпенділері, түркі және моңғол дәстүрлері, құндылықтық-мағыналық архетиптер, әлеуметтік-саяси институттар, жүздер жүйесі; бұлардың барлығы біріге келе Қазақ Елі ұлттық мемлекеттілігінің бірегей матрицасы мен конституциясын қалыптастыруға үлес қосты.*

*In author's opinion the main denominators of Kazakh stateness: landscape of the great steppe, its main figures – nomads of Eurasia, Turkic and Mongolian traditions, value-semantic archetypes, socio-political institutions, The Zhuz system, all of them together contributed to the creation of a unique matrix and the constitution of the Kazakh national statehood.*

*З. Д. ШАЙМОРДАНОВА*

### **ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Ш**ведский Институт политики безопасности и развития в Стокгольме (The Institute for Security and Development Policy/ ISDP) является некоммерческой и непартийной научно-политической организацией, целью которой является исследование взаимосвязи между безопасностью, конфликтами и развитием. Деятельность института направлена на стратегический анализ в сфере международных отношений, основанный на глубоком и всестороннем знании культуры и истории изучаемых регионов и стран, а также постоянного взаимодействия с широким кругом исследуемых обществ.

В рамках программы изучения Шелкового пути (Silk Road Program) институт занимается исследованием Казахстана, Центральной Азии, Кавказа, северных широт Ближнего Востока, а также Восточной Европы.

Программа исследований Шелкового пути фокусируется в основном на центральной и западной частях Евразии, включая Центральную Азию. Одно из последних исследований – это стратегия и политика ЕС в отношении Центральной Азии, его авторами стали Сванте Е. Корнелл и Фредерик Старр [1].

Напомним, что Фредерик Старр – автор большого труда объемом в 574 страницы «Просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана», вышедшего в московском издательстве «Альпина Паблишер» в 2016 году и посвященного вкладу региона в развитие науки и культуры [2].

Исследователи Сванте Э. Корнелл (директор ISDP) и С. Фредерик Старр анализируют новую стратегию ЕС для Центральной Азии как новую веху в постепенном развитии отношений между ЕС и регионом.

В ноябре 2020 г. прошел круглый стол «Форум ISDP: Роль Казахстана в международном посредничестве при Первом Президенте Нурсултане Назарбаеве» [3].

На примере астанинских переговоров по Сирии в ходе работы круглого стола была показана роль Казахстана как важного игрока в мире медиации международных споров, что подтверждает высокий статус страны в многосторонних организациях и доказывает два аспекта внешней политики Казахстана: многовекторность внешней политики страны и ее активность в международных институтах. Начало посредничеству было заложено в конце 1991 г., когда Казахстан стремился стать посредником в конфликте между Арменией и Азербайджаном.

Оказывая содействие в изгнании из страны свергнутого президента Кыргызстана Курманбека Бакиева, Казахстан способствовал ослаблению напряженности в стране. Были отмечены такие инициативы Казахстана, как отказ от ядерного оружия, организация Конференции по взаимодействию и укреплению доверия в Азии на примере иранской ядерной программы, когда Президент Назарбаев в 2013 году



успешно провел в Алматы два последовательных саммита, предложив разместить у себя международный банк низкообогащенного урана. Далее Казахстан сосредоточился на ослаблении напряженности между Россией, Турцией и Западом, своими близкими партнерами.

В ходе дискуссии было отмечено, что многовекторная внешняя политика направлена на достижение положительного баланса во внешних отношениях, а функция и обоснование казахстанских посреднических усилий направлены на обеспечение геополитической стабильности Евразии, которая является определяющим фактором для собственной стабильности. Отличительной характеристикой посреднической деятельности Казахстана является нейтралитет страны, он не выражает чьи-то интересы, не принимает никакую сторону. Эти характеристики укрепляют и усиливают международный авторитет Казахстана.

Пандемия COVID-19 выявила многие скрытые проблемы практически в каждой стране мира, но и открыла и открывает новые возможности для развития. Статья «Открывая возможности в пандемию? Четыре сценария экономического ответа для Центральной Азии» Фарруха Ирназарова, заканчивающего докторантуру по международным исследованиям в Университете Гронингена, и Романа Вакульчука, старшего научного сотрудника Норвежского института международных отношений (NUPI, Осло, Норвегия), действительно представляет четыре сценария стратегии экономического реагирования для региона в целом и для Казахстана:

«Сценарий 1 (Протекционистская автаркия): сохранение стабильности, ограниченные реформы, усиление роли государства и протекционизм.

Сценарий 2 (Эффективная диверсификация): усиление социальной поддержки, усиление роли частного сектора, всесторонняя диверсификация и усиление регионализации.

Сценарий 3 (Инерционная асимметрия): селективные меры поддержки, способствующие уменьшению неравенства, регламентированная диверсификация и ограниченные реформы, товарный рынок в формате «бизнес как обычно», растущая регионализация.

Сценарий 4 (Свободный рынок): крупные институциональные реформы, ориентированные на прямые зарубежные инвестиции (Foreign direct investments / FDI), экономическая открытость, скачок от стагнирующих к развитым рынкам» [4, p. 47].

Вопросы религии, особенно в условиях исламского радикализма в контексте новых государственных подходов к религии, освещены уже знакомыми нам исследователями Сванте Э. Корнеллом и С. Фредериком Старром, а также Джулиан Такер в статье «Религия и светское государство в Казахстане». Авторы раскрывают пять различных моделей взаимодействия между государством и религией: «С одной стороны, это “Слияние”, слияние политической и духовной сфер. Следующим шагом является “Доминирующая религия”, в которой религиозные меньшинства терпимы, но государство поддерживает одну конкретную религию. В середине континуума находится модель “Государственного нейтралитета”, примером которой являются Соединенные Штаты; за ней следует то, что мы называем “Скептической / Изолирующей” моделью, как во Франции, которая стремится регулировать и контролировать

религиозное влияние на государство и общество. Наконец, последняя модель – это «Враждебная» модель, к которой можно отнести советский атеизм» [5]. В статье дан глубокий анализ положения религии в Казахстане в советский период, появления у мусульман и христиан Казахстана новых, иностранных религиозных влияний, конкурирующих за влияние. До 2005 г. Казахстан не сталкивался с серьезным вызовом со стороны религиозного экстремизма. Однако проблемы экстремизма обусловлены влиянием Северного Кавказа, афгано-пакистанского региона и зоны сирийско-иракской войны. Вместе с тем, в международном контексте казахстанские верующие выделяются противостоянием политическим проявлениям религии. Авторы выписали казахстанскую модель светского управления, в которой сочетаются скептическая и изолирующая модели, т. е. модель «Доминирующей религии».

Общеизвестно, что после террористических инцидентов в 2016 г. правительство Казахстана создало Министерство по делам религий для защиты секуляризма и умеренных религиозных традиций, вводя более жесткие ограничения в религиозной сфере.

То есть события последнего десятилетия привели казахстанские власти к выводу, что они недооценили угрозу, исходящую от экстремистских религиозных групп, что привело к вмешательству государства в дела отдельных лиц и общин, которых власти считают экстремистскими или нетрадиционными. Шведские исследователи отмечают, что Казахстан действует на основе принципа, отличного от многих зарубежных моделей: обязанность государства регулировать религиозные дела, обеспечивать возрождение традиционных религиозных общин, стабильность и согласие в обществе, и называют эту политику антагонистическим подходом. Это вызывает критику со стороны зарубежных аналитиков и экспертов.

Исследователи приходят к выводу, что казахстанская модель светского государства не идеальна, и что необходимо работать над совершенствованием политики страны в религиозной сфере. Это совершенствование поможет нашей стране разработать модель, имеющую отношение к мусульманским обществам в других странах.

Как показывает анализ последних работ шведских исследователей, политика медиаторства оценивается положительно. Относительно вопроса религии в Казахстане предлагается совершенствование казахстанской политики в религиозной сфере, которая может стать моделью для других стран. В плане возможных сценариев развития центральноазиатских государств, как мы видели, выделено четыре сценария. Представляется, что Казахстан пойдет по пути развития в соответствии с четвертым сценарием.

### *Литература*

1. *Edward Lazzarini*. Ismail Gasprinsky and Muslim modernism in Russia 1879–1917. W1. Svante E. Cornell, Starr S. Frederick. A Steady Hand: The EU 2019 Strategy & Policy Toward Central Asia // Silk Road Paper. – 2019. – November. – P. 71.

2. *Starr S. Frederick*. Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – 680 p.

3. ISDP Forum: Kazakhstan's Role in International Mediation Under First President Nursultan Nazarbayev. – Access mode: <https://isdpeu/news/isdpeforum-kazakhstanrole-in-international-mediation-under-first-president-nursultan-nazarbayev>. Accessed 10.02.2021.

4. *Irnazarov F., Vakulchuk R.* Discovering Opportunities in the Pandemic? Four Economic Response Scenarios for Central Asia // *Silk Road Paper*. – 2020. – July. – P. 47. Access mode: <https://silkroadstudies.org/publications/silkroad-papers-and-monographs/item/13380-discovering-opportunities-in-the-pandemic?-four-economic-response-scenarios-for-central-asia.html>

5. *Svante E. Cornell, Starr S. Frederick, Tucker J.* Religion and the Secular State in Kazakhstan // *Silk Road Paper*. – 2018. – April. – P. 96.

*Стокгольмдегі Швед қауіпсіздік және даму саясаты институтының (The Institute for Security and Development Policy) Орталық Азия мен Қазақстандағы зерттеулері Жібек жолын зерттеу бағдарламасына бағытталған. Соңғы уақыттағы мұндай зерттеулер Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті Н. Ә. Назарбаевтың кезіндегі Қазақстанның халықаралық делдал есебіндегі рөліне, дін дамуының қазақстандық моделіне, пандемиядан кейінгі кезеңдегі тұтас Орталық Азия аймағы мен Қазақстан үшін сындарлы сәттердегі экономикалық стратегиялардың даму болжамының сценарийлеріне бағытталғанын талдаулар нәтижесі көрсетіп отыр. Дағдарысқа қарсы мұндай сценарийлер Орталық Азия елдерінің саяси-экономикалық таңдауларының негізінде жатқан ескі және жаңа механизмдерді қолдана отырып, бірегей даму траекторияларына бастауы мүмкін.*

*Research on Central Asia and Kazakhstan at The Swedish Institute for Security and Development Policy in Stockholm is focused on the Silk Road research program. The analysis showed that studies in recent years focused on the role of Kazakhstan as international facilitator of the First President of Kazakhstan N. A. Nazarbayev, Kazakhstan's model of the development of religion, forecasts of development of economic strategy in postpandemic period for Central Asia in general and Kazakhstan. These scenarios of anti-crisis measures can lead to unique development trajectories using old and new mechanisms underlying the political and economic choices of the countries of the Central Asian region.*

## НЕКОТОРЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ТЮРКОВ

Самыми первыми историографами тюркских племен, и вообще кочевой «варварской» периферии, были их южные соседи – китайцы. Набеги на территорию Поднебесной империи (Китая) составляли важную статью функций родоплеменных вождей, их внеэкономическую деятельность. Течение и ход происходивших внутри кочевых обществ явлений на протяжении многовековой истории Китая были главными задачами внешней политики, эти знания использовались для защиты от вторжений номадов. Именно китайской историографии мы обязаны устоявшимися представлениями о ходе основных исторических процессов в обществах номадов, их периодизации и верховной власти.

Благодаря политике сбора информации об иноземных народах, их землях, военной силе, вождях, родоплеменных делениях, языке, культуре и т. д. при китайских династиях, на протяжении веков создавалась продуманная система накопления информации. Однако все собранное и зафиксированное было направлено и использовалось только в собственных интересах. Поэтому этот материал грешит значительными недостатками, которые не только исследуются учеными, но и объясняются.

При переводах летописей синолог является и исследователем в освещении идеологических особенностей традиции китайского летописания. Переводы летописей и комментарии по ним, сделанные такими синологами, как С. Жюльен (S. Julien), Н. Я. Бичурин (Иакинф), Э. Шаванн (Ed. Chavannes), Лю Мао-цай (Lui Mau-tsai), В. С. Таскин и многие другие, составляют важный не только источниковедческий, но и историографический материал.

Вышедшие в 1958 г. работы профессора Цэнь Чжун-мяня – двухтомный сборник материалов «Сводная история тюрков» и ее отдельная часть «Дополнения к “Материалам по истории западных тюрков” и исследования» [1] стали качественно новым достижением тюркологии. До выхода этого труда для всех ученых, работающих по китайским летописям, неизменным правилом было привлечение в качестве единственных источников только специальных разделов или отдельных фрагментов из этих летописей. Таковы хорошо известные востоковедам переводы С. Жюльена, Н. Я. Бичурина, Э. Х. Паркера (E. H. Parker) и Э. Шаванна.

Некоторым шагом вперед, по сравнению с упомянутыми авторами, была работа западногерманского сиолога Лю Мао-цай. В его двухтомный сборник «Китайские сообщения о восточных тюрках», кроме специальных разделов о них, вошли некоторые биографии политических и военных деятелей, фрагменты из «Основных анналов» (Беньцзи) по текстам династийных летописей и выборки из записок государственных деятелей о тюрках (Вэнь Да-я, Чжан Цзю-лин и др.) [2]. В этом же плане выделяется работа французского исследователя Р. Жиро (R. Giraud), посвященная истории восточных тюрков периода правления Эльтериш-кагана,

Капаган-кагана и Бильге-кагана. Исследователь использует как сведения китайских летописей, так и Большие тюркские надписи [3, с. 27–31]. И между тем обе эти работы бледнеют при их сравнении с трудом Цэнь Чжун-мяня; они уступают ему в главном – широте охвата источников и глубине тюркологических наблюдений.

В противоположность предыдущим исследованиям Цэнь Чжун-мянь собрал значительную часть существующих документов по династийным летописям (от «Бэй ци шу» до «Ляо ши») и более 50 сочинений, имеющих отношение к тюркской тематике. Сопоставление параллельных сообщений из разных сочинений впервые было введено в научный оборот с прекрасными критическими комментариями. Более того, исследователем были также приведены переводы надписей Тоньюкука [1, с. 858–877], Бильге-кагана [1, с. 908–926] и Кюль-тегина [1, с. 877–908] на китайский язык и подкреплены комментариями по китайским хроникам. Вся работа аналогична характеру исследования Э. Шаванна «Документы по истории тюрков» [4], и так же, как у него, подкреплена разделом приложений [1, с. 927–1123]. Основную их часть составляют статьи и переводы автора, среди которых обычно особо отмечается статья «Краткая история тюркских династий» [1, с. 927–1003], написанная на основе собранных в книге первоисточников. Г. А. Ларионов с восхищением назвал труд Цэнь Чжун-мяня «полным собранием извлечений из китайских источников по истории тюрков» [5, с. 207].

В 1967 г. в Токио вышла в свет монография известного к тому времени тюрколога Мосао Мори под заголовком «Кодай торуко миндзоку си кэнкю» («Исследования по истории древних тюрков») [6]. В 1971 г. увидел свет второй том этого исследования [7]. Основные положения первого тома были озвучены ученым на XIII Международном конгрессе исторических наук, проходившем в Москве в августе 1970 г. [8, с. 3–6].

В первом томе разбирается ряд важных вопросов тюркской истории. Среди них надо отметить следующие: политическая и социальная структура каганата восточных и западных тюрков [6, с. 3–60, 94–160], согдийцы в тюркском государстве [3, с. 61–94], заметки по древнетюркским надписям [6, с. 439–554], отношения между тюрками и се-яньто [6, с. 161–224] и другие.

Среди работ М. Мори, непосредственно связанных с институтом каганской власти, отметим исследования, вошедшие в основном в его второй том. Это заметки о «теории божественного права царей» среди тюркских племен, концепция о суверенной власти тюркских каганов [9, с. 256–290], вопросы о титулатуре (каган, шад, эльтебер, иркин) [9, с. 32–42]. При этом большое значение приобретают исследования, посвященные идентификации исторических личностей, например, Ашидэ Юаньчжэня и Тоньюкука, Бёгю-кагана и Боцзюя [9, с. 58–86].

Говоря о племенах ашина и ашидэ, исследователь отмечал, что союз между ними выступал неким гарантом целостности верховной власти, передаваемой по мужской линии племени ашина. По мнению М. Мори, власть тюркских каганов была генетически связана с верховной властью ашина в ранний период прототюркских и протомонгольских племен [6, с. 79–101]. Концепция власти тюркских каганов выводится из представлений о его божественном праве, о его связи с высшими божествами Тенгри и ыдук Йер-Суб, которые и дают ему кут (царственную харизму),

как право на власть. Следуя орхонским надписям, автор показывает, что кагана характеризовали такие черты, как геройство, смелость, воинственность (тюрк. *alp*) и мудрость (тюрк. *bilgä*).

Важным исследованием в области тюркологии и истории тюрков являются монографии японской исследовательницы Наито Мидори «Ниси токкэцу си но кэнкю» («История западных токкэцу-тюрков») [10]. Прекрасное знание китайских летописей дало ей возможность не просто переводить тексты и делать к ним комментарии, а сопоставлять сведения из китайских летописей с письменными источниками на других языках, корректировать даты и открывать известные события в истории древних тюрков с новых позиций. Хотелось бы обратить внимание на подтвержденный Наито Мидори факт уточнения даты значительного события в истории Тюргешского каганата – войны с восточными тюрками, сделанного еще Цзнь Чжун-мянем. Со времен Дж. Маркварта, В. В. Бартольда и других это событие, описанное в рунических памятниках, датировалось 712 г. В известном исследовании С. Г. Кляшторного благодаря этой дате стало возможным связать эту тюрко-тюргешскую войну с арабскими завоеваниями и тюрко-согдийскими отношениями в Средней Азии. Исследуя это событие в китайских источниках, Наито Мидори еще раз обратилась к вопросу о его значимости и несовпадении с арабским завоеванием, а также ролью в этих событиях восточных тюрков. В своей монографии ученый так и назвала целый раздел «Тюргешский поход восточных тюрков-туцзюе во 2-м году периода Цзинь-лун, 708 г.». После исследований Н. Мидори стала очевидной важность понимания исторических дат, принятых в китайской историографии, появилась возможность восстановления событий по согдийским источникам и внимательное отношение к тюркским руническим памятникам, содержащим данные об этих событиях.

Историографическая работа по руническим надписям в 1960-х годах была выполнена С. Г. Кляшторным [11]. В этой монографии надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана были в центре внимания, и, как замечает автор, «наблюдения, сделанные при изучении этих двух текстов, давно уже стали нормативными, а сами памятники превратились в своеобразные эталоны, с которыми сравнивают чуть ли не все другие рунические надписи», но все же, по его мнению, «лингвистов и литераторов, историков и этнографов, обратившихся к этим памятникам, ждет немало неожиданного» [11, с. 65]. Новая оценка политической значимости этих надписей для истории восточных тюрков может явиться итогом долгих поисков многих ученых.

Тюркские рунические надписи в этой работе рассматривались как основной источник по истории Средней Азии. Ученому удалось осветить немало сложных вопросов истории как восточных, так и западных тюрков. Несмотря на критические отзывы на эту монографию [12], она стала одной из значительных в советской тюркологии и на долгие годы определила ее общие положения и выводы.

В исследованиях С. Г. Кляшторного вопрос о власти тюркских каганов освещался не однажды, получив более частный характер в работах последних лет. Им были определены следующие конкретные функции каганов по орхонским надписям: «а) поселяет и переселяет побежденные племена, т. е. заново определяет их



территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устраивает» тюрков «в стране Отюкен», т. е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть племенных земель в своей собственной стране каким-либо группам иммигрантов (например, согдийцам)». При этом, как отмечает автор, надо учесть, что «орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, в немалой степени была свойственна политическая тенденциозность» [13, с. 171–172]. Парадигма представления о тюркской власти была выведена ученым через горизонтальную последовательность взаимосвязей «каган – эль – тёрю» [14; ср. 15, с. 492]. Концепция власти тюркских каганов, данная С. Г. Кляшторным, основана исключительно на текстологических исследованиях орхонских надписей, т. е. каганских, в которых даны политические позиции ашина. Надпись Тоньюкука, отстаивающая иную позицию, осталась в стороне. Очевидно, что сравнительный анализ текстов трех надписей, принадлежащих высшим представителям власти каганата, позволил бы дать объективную картину концепции власти тюркских каганов.

Последующие авторские и совместные работы С. Г. Кляшторного в основном обобщали и генерализировали раннее исследуемые темы по древнетюркской истории [15; 16], не внося существенных изменений в раннее высказанные выводы, тогда как сравнительно-сопоставительный анализ орхонских памятников и текста стелы Тоньюкука, а также подключение Онгинского памятника дает новое понимание цели возведения этих аутентичных тюркских памятников [17; 18].

Поисками культурно-мировоззренческих истоков, фундаментальных основ существования древних и средневековых обществ кочевников отличаются исследования Ю. А. Зуева. Изучение генеалогических преданий о тюрках по китайским источникам, социальные полномочия племен ашина и ашидэ, этимологизация названия племени «ашина» и его исторические корни, существование триумвирата племен ашина-ашидэ-басмыл и многие другие вопросы истории ранних тюрков были даны еще в его диссертационном исследовании [19]. Вопрос об этимологии имени каганского племени ашина вызвал споры и непонимание в те годы. Однако к настоящему времени предложенная этимология признается рядом ученых [20; 21].

В дальнейшем эта работа продолжалась и переосмысливалась, вылившись в исследования по сотенной организации кочевых племен [22], божественному пантеону тюрков [23], культурным взаимодействиям тюркских племен и их историко-культурным корням [24; 25; 26] и истории Тюргешского каганата [27].

Особое место принадлежит вопросу о сотенной организации кочевников как одной из основополагающих этносоциальных организаций, которая выступала первоначальным и возможным консолидирующим ядром государственно-политических образований [22, с. 95–100]. Как было указано ученым, образование Тюргешского каганата (699–766 гг.) уходит корнями к сотенной организации. «Сумма рассмотренных явлений составляет уникальный этносоциальный и идеологический феномен, нашедший концентрированное выражение в создании и внутривнутриполитической истории Тюргешского каганата» [27, с. 100].

Тема тюркского манихейства и ее разработка принадлежат Ю. А. Зуеву [17]. Работы по тюркскому манихейству являются новыми для казахстанской

исторической науки, тогда как российские археологи обнаружили поминально-храмовые сооружения манихейских святилищ, а этнографический анализ тюрко-монгольских верований выявляет пласт манихейских воззрений [28; 29]. Своевременность изучения вопроса о проникновении и судьбе одной из мировых религий доисламского периода в тюркскую среду и обоснование на этой основе этимологии названия племени «ашидэ» является новым и вызывает неоднозначный интерес широкого круга исследователей истории кочевников.

Монотеизму предшествовали такие формы верований и религиозных учений, основой которых был дуализм, борьба и одновременно союз противоположностей составляли основу мироздания. Более того, в мировых религиях, существующих в настоящее время (кроме ислама, и то с оговоркой) присутствуют некоторые элементы дуалистических представлений (ад – рай, бог – дьявол, святость – грех и т. д.). Между названиями двух правящих племен восточных тюрков, ашина и ашидэ, лежит близнечная сущность, как воплощение единства противоположностей. Первое из племен было каганским (отцовским для правящего кагана), а второе – катунским (материнским для правящего кагана), и динамика отношений между этими племенами определяла внутривосточный фон в каганате. Двуединство правящей коалиции ашина-ашидэ являло собой не только ядро социально-политических связей тюркских племен, но и его идеологическое единство, основанное на мифологической концепции ранних представлений и верований, которые получили каноническое оформление под влиянием манихейства. Поэтому логика в исследовании тюркского манихейства существует и требует всестороннего изучения.

В своем монографическом исследовании по истории и идеологии ранних тюрков [17] Ю. А. Зуев собрал наиболее проработанные и целенаправленные изыскания многих лет кропотливого труда. Основной целью работы стал вопрос о «преемственности идеологических традиций» в кочевых обществах древности и средневековья. Этот вопрос он рассматривает, привлекая широкий круг письменных источников, главным образом китайских летописных материалов, передает и анализирует их содержание. Сведения по истории юэчжей, канцзюй, восточных тюрков, тюркшей, кимеков, кыпчаков и др. составляют главный источник этого исследования. Впервые ставится вопрос о причинах появления Больших тюркских надписей [17, с. 10, 172–173].

Институт каганской власти значительно укрепился во Втором восточно-тюркском каганате, повлиявшем на бурные военно-политические события 716 г. По заключению Ю. А. Зуева, «острый ее кризис, вызванный попыткой перехода к чисто патриархальному (каганскому) моноправлению, породил гражданскую войну в Восточно-тюркском каганате в начале VIII в. Это и было главной причиной создания разнопозиционных по своему содержанию и направленности больших древнетюркских рунических надписей Монголии» [17, с. 10].

Проблемы тюркологии, и в частности изучение истории тюркских каганатов до монгольского времени, в настоящий период не столь актуальны. Но все же в российской академической школе можно выделить двух исследователей: В. В. Тишина и С. А. Васютина. Первый из них – ученик классической востоковедной школы в Санкт-Петербурге, второй – исследователь новосибирской школы.

Диссертация и основные труды С. А. Васютина посвящены проблемам изучения социальных и политических отношений в тюркских каганатах. В диссертации «Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.» делается сравнительный анализ потестарно-политических структур в кочевых империях тюрков, уйгуров и киданей и их роль в мировой истории. Актуальность исследования видится в анализе генерализированных исторических схем, не способных отражать специфику опыта эволюции каждого имперского образования номадов. Такое исследование обусловлено существующим в настоящее время стремлением углубленного понимания кочевого социума, происходивших в нем процессов объединения и формирования политий, характеристикой устойчивости родоплеменных отношений, сохранением на протяжении длительного времени идентичности скотоводческой культуры. С. А. Васютиным была разработана «авторская типология кочевых империй», которая нашла отражение в ряде публикаций. Особую ценность представляет исследование политических институтов и общественных структур номадов, определивших состояние происходивших политических процессов в истории тюрков, уйгуров и киданей, например, понимание термина «кул» в аутентичных и других письменных источниках в значении военно-политического подчинения племенных групп [30, с. с. 21, 27]. На примере тюрков, уйгуров и киданей им был исследован иерархический состав элит, их значение в формировании культурных традиций, тенденции к сословному обособлению [30, с. 20–21]. Тезис о том, что «власть была главным источником социальных трансформаций», формируется ходом изложения позиций автора в ряде публикаций. Вместе с тем, эта верховная власть была зависима от родоплеменных связей и отношений и формировалась в ее рамках как необходимая структура социума.

С. А. Васютиным выяснено, что в кочевых империях Центральной Азии структура власти была адекватна задачам управления обществом, вместе с тем, происходили изменения в структуре управления от тюрков до киданей. В работах выделены модели-типы общественных систем, включающих в себя традиционные, имперско-кочевые и номадно-оседлые. политическая система также подразделялась на типы-модели: акефальные и сегментарные общества, аналоги вторичных сложных вожеств земледельцев, кочевые империи, традиционные государства [31; 32]. В Империи Ляо из-за необходимости управления земледельческим социумом сформировалась наиболее сложная система власти в форме традиционного государства. С необходимостью управлять земледельческими обществами в западных частях Тюркской империи и в Средней Азии столкнулись тюрки, в этой части складывались политические и общественные структуры со своими особенными чертами, в целом не противоречащие выявленным в работе моделям-типам политических и общественных систем. Эти вопросы, к сожалению, не нашли своего отражения в связи с существующими по настоящее время школами изучения региональных проблем, а не в комплексе проблем академических. Например, для новосибирской школы с развитым китаеведением не изучались проблемы Средней Азии, а брался Дальний Восток, территории, граничащие с Китаем.

Новым для казахстанских исследователей является применение методов изучения ранних государственных образований западных специалистов по социальной антропологии и политогенезу.

У западноевропейских исследователей имеется ряд известных работ по истории кочевых обществ в свете теоретических работ по социальной антропологии. Это работы таких исследователей, как Л. Крэдер (L. Krader), М. Фрайд (M. Fried), Э. Сервис (E. Service), Т. Ёрл (T. Earle), Н. Ди Космо (N. Di Cosmo) и др. Среди ряда теорий политогенеза выделяются две: «интегративный» (E. Service) и «конфликтный» (M. Fried). Как в первой теории, так и во второй важное место занимает вопрос о вожестве (Chiefdom) как явлении стадийного порядка, свойственного и кочевым, и оседло-земледельческим обществам. Появление вожества стало первым в истории человечества опытом введения политической иерархии и преодоления локальной автономии общин. Попытки применения теории «вожества» к кочевым обществам имеют место в ряде исследований. При этом ученые различают состояния вожества и государственности. Одним из существенных отличий было качественное преобразование структуры управления.

Интересный взгляд на кочевые образования и этапы истории кочевников в Центральной Азии (автор пользуется территориально более широким понятием «Внутренняя Азия») в период средневековья был представлен Николо Ди Космо. Он характеризует пасторальные империи кочевников как ранние государства и выдвигает оригинальную теорию генезиса таких политий. Н. Ди Космо полагает, что уязвимая и бедная кочевая экономика обуславливала хроническую внутреннюю нестабильность кочевых обществ и вызывала социальные кризисы. Насилие становилось преобладающим в жизни кочевников. Оно разрушало установленный социальный порядок, разделяло семьи и разрушало племена. Степь охватывали мелкомасштабные набеги на соседей с целью кражи скота, рабов или женщин. Социальная дезинтеграция, по мнению ученого, приводила к объединению наиболее бедных и смелых членов племени в полузаконные сообщества, из среды которых выходили удачливые лидеры. Они становились катализаторами новых форм политической организации в виде империи. Н. Ди Космо учитывает при этом и влияние других факторов (изменение экологических условий, влияние соседних кочевых и оседлых обществ, военные поражения и др.). Кризис и зарождение кочевых государств, как полагал исследователь, сопровождались милитаризацией общества, формированием корпуса телохранителей, дружины, военной аристократии, а военные походы становились для большей части мужского населения сферой профессиональной деятельности. Н. Ди Космо показывает и внутренний механизм складывания империи: члены побежденных вражеских племен включались в племя «харизматического» хана; вслед за этим повышался уровень подчинения, а с ним появлялись должности, назначались командующие, постепенно вырастала административная пирамида. Милитаризация, согласно концепции исследователя, имела и другое следствие – регулярное участие в военных действиях негативно отражалось на кочевом производстве и изнутри подталкивало номадов к приобретению внешних ресурсов [33, р. 9–11].

В период урегулирования социального и экономического кризиса обычно, как пишет Н. Ди Космо, появлялось несколько лидеров, которые стремились создать новый порядок и таким образом восстановить мир. Наиболее способный из них добивался сначала главенства в своем племени, а затем и над другими племенами.

Пример Модэ, по его мнению, наглядно показывает, что такие лидеры были способны создать большие конфедерации, обладали индивидуальными амбициями, военными талантами, личной харизмой и могли игнорировать традиционные правила старшинства [33, р. 4–7].

Инвестирута «надплеменного» лидера, как считал исследователь, давала хану право определить себя как «находящегося под защитой Неба» или «назначенного Небом». Через подобную инвестируту власть собрания (хурултая), которое выбирало лидера, передавалась персоне хана, который таким образом становился верховным лидером, наделенным божественной харизмой, и сакральной персоной. Легитимация империи тем самым завершалась. В концепции Н. Ди Космо это означало появление мощного центра власти, субординация по отношению к которому «переориентировала социальные и политические связи с ... полуэгалитарного на иерархический уровень». Происходила замена клановой власти на значительно более мощную, иерархическую и автократическую власть, в рамках которой принятие коллегиальных решений было ограничено маленькой группой людей. Племенная аристократия не подчинялась безоговорочно, пытаясь сохранить свои полномочия, поэтому конфликты между интересами племенной аристократии и «центральной властью являются одной из важнейших тем истории Внутренней Азии». В этой связи хан вынужден создавать надплеменные структуры гражданского и военного управления [33, р. 7–12].

Н. Ди Космо полагал, что содержание созданных имперских структур за счет ресурсов кочевого общества было невозможно, поэтому основные усилия кочевых лидеров были направлены на территориальный захват, грабеж, получение даней. Хан, монополизируя полученные доходы, давал чиновникам, аристократической элите и армии за поддержку награды. Другим источником доходов ученый называет торговлю. Однако наиболее надежной формой доходов Н. Ди Космо называет регулярное налогообложение подданных, особенно оседлых. В этом отношении ученый считал уникальным опыт династии Ляо [33, р. 14–17].

В соответствии с тенденцией накопления управленческого опыта Н. Ди Космо выделил четыре периода в истории Внутренней Азии: 1) от хунну до жуаньжуаней (209 г. до н. э. – 551 г. н. э.) – время существования даннических империй; 2) каганаты тюрков, уйгуров и хазар (552 – начало X в.) – торгово-даннические империи; 3) с 907 по 1259 гг. доминировали дуально-административные империи (империи дуальной администрации); 4) в 1260–1796 гг. существовали империи прямого налогообложения [33, р. 21–31]. Несмотря на то, что оппоненты отметили явную схематичность предложенной Н. Ди Космо периодизации и указывали на то, что кочевники в разные периоды практиковали разнообразные формы эксплуатации земледельцев [34, с. 38], определенная логика в позиции Ди Космо просматривается. Прежде всего периодизация ученого отражает постепенное накапливание номадами политического опыта, усложнение форм управления как оседло-земледельческим, так и кочевым населением, и методов изъятия прибавочного продукта. В целом, исследователь говорит о «прогрессивной адекватности кочевых империй в мировой истории» [33, р. 19–21].

Таким образом, изучение историографии по тюркскому периоду позволило нам выявить уровень, характер и тенденции существующих разработок в вопросе

преемственности институтов кочевой государственности. В историографии на сегодняшний момент существует большая исследовательская база, которая рассматривает разные вопросы политической и социальной истории, ставит конкретные проблемы, позволяющие углубить наши знания о закономерных явлениях, периодизации и роли кочевников в мировой истории. Вместе с тем, существует достаточно плодотворная тенденция применения теорий политической и социальной антропологии в понимании развития общества кочевников, а с другой стороны – исследования в жизни кочевников мировых религий и мир-системных связей. Сравнительный анализ социальных и политических структур в хронологически разных каганатах дает возможность выявить эволюционные сдвиги и показать преемственность институтов государственной власти. Именно этот аспект историографии и сведений письменных источников представляет большой интерес и вызывает пристальное внимание. Состояние письменных источников не дает ясного представления о проблемах преемственности институтов власти, однако они являются главными первоисточниками содержания истории кочевников, а их внимательное изучение в контексте поставленных проблем может опровергнуть или подтвердить существующие мнения.

Рассмотренная нами историография наиболее важна для понимания преемственности институтов политической власти, она отражает развитие тюркологии и кочевниковедения в целом, а также всесторонне охватывает общество и государство кочевников в Центральной Азии.

### *Литература*

1. Цэнь Чжунмянь. Туцзюэ цзи ши (Сборник материалов по истории тюрков). – Пекин, 1958. – 1027 с.
2. *Lui Mau-tsai*. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T`u-küe). – Wiesbaden, 1958. – Bd. I–II. – 831 с.
3. *Giraud R.* L'Empire des Turcs Celéstés. Les Régne d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734). Contribution à L'histoire des Turcs d'Asie Centrale. – Paris, 1960. – 308 с.
4. *Chavannes Ed.* Documents sur les T`ou-kiue (Turcs) Occidentaux. – St.-Pb., 1903. – 375 с.
5. *Ларионов Г. А.* Чэнь Чжун-мянь. «Собрание сведений по истории тюрков» // НАА. – М., 1961. – № 3. – С. 205–207.
6. *Mori M.* Кодай торуко миндзоку си кэнкю. – Токио, 1967 (1992). – Т. I. – 634 с.
7. *Mori M.* Кодай торуко миндзоку си кэнкю. – Токио, 1971 (1992). Т. II. – 624 с.
8. *Mori M.* Политическая структура древнего государства кочевников Монголии // Сборник научных трудов XIII Международного конгресса исторических наук. – Москва, 16-23 августа 1970 г. – С. 1–10.
9. *Mori M.* The T`u-chüeh Concept of Sovereign // АА. – 1981. – № 41. – С. 47–75.
10. *Наумо Мидори.* Ниси токкэцу си но кэнкю. – Токио, 1987.
11. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.



12. Юдин В. П. Рецензия на книгу С. Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» (М., 1964) // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. – 1968. – № 1. – С. 64–71.

13. Кляшторный С. Г. Образ кагана в орхонских памятниках // *Studia in honorem Stanislai Stachowski dicata. – Folia orientalia. – Vol. XXXVI. – Krakow, 2000. – С. 171–174.*

14. Кляшторный С. Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Доклад на Международной конференции «Номадизм и урбанизация: история и проблемы», 24 мая 2003 г.

15. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб, 2003.

16. *Klyashornyj S. G. Les Points Litigieux dans l'Histoire des Turcs Anciens. // Histoire des Peuples Turcs à l'Époque Pré-Islamique. – Berlin, 2000. – С. 146–176.*

17. Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – 338 с.

18. Торланбаева К. У. Историческое значение Больших памятников Монголии (памятники в честь Кюль-Тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука) // Сборник статей «Взаимоотношения Турции и Центральной Азии в контексте расширяющейся Европы». – Алматы, 2006. – С. 336–359.

19. Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. дис. ... канд. исторических наук. – Алма-Ата, 1967. – 18 с.

20. Шервашидзе И. Н. Еще раз об этимологии имен *Ašina* и *Attila* – Авитохоль // СТ. – 1989. – № 3. – С. 79–81.

21. *Klyashorny S. G. The Royal Clan of the Turks and the Problem of Early Turkic-Iranian Contacts // AOSH. – 1994. – Т. XLVII. – № 3. – С. 151–154.*

22. Зуев Ю. А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (сравнительно-типологическое исследование). // Сборник научных трудов «Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья)». – Алматы, 1998. – С. 49–100.

23. Зуев Ю. А., Агелеуов Г. Е. Буд-Тенгри – божество древнетюркского пантеона // Сборник научных трудов «Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана». – Алматы, 1998. – С. 106–116.

24. Зуев Ю. А. Этнокультурные связи ранних кимеков // Известия АН РК. Серия общественных наук. – Алматы, 1992. – № 5. – С. 26–38.

25. Зуев Ю. А. Сармато-аланы Приаралья (Яньцай/Абзоя) // Сборник научных трудов «Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации». Материалы международной конференции. – Алматы, 1995. – С. 38–68.

26. Зуев Ю. А. Кыпчакский Урбе-хан в эпосе и истории // Сборник научных трудов «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности». Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 10-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы, 2001. – С. 419–430.

27. Зуев Ю. А. Создание Тюркешского каганата: история и традиция // Сборник научных трудов «Эволюция государственности Казахстана». – Алматы, 1996. – С. 30–34.

28. Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – М., 1998. – № 3. – С. 8–35.

29. Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологиях народов Сибири и Центральной Азии // Сборник научных трудов «Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье» (История и культура). – М., 1981. – С. 130–160.

30. Васютин В. С. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в. Автореферат дисс. ... д. и. н. – Улан-Удэ, 2016.

31. Васютин С. А. Дискретность сложных форм социально-политической организации у кочевников Центральной Азии в период раннего средневековья // Хуннугий эзэнт Улс ба Монголын эртний туухийн судалгаа. – Улаанбаатар: Соёмбол принтинг, 2012. – С. 533–545.

32. Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография / Научный редактор Н. Н. Крадин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. – 400 с.

33. Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // Journal of World History, University of Hawai'i Press, 1999. – Vol. 10. – No. 1. – С. 1–40.

*Осы күні тарихнамада саяси-әлеуметтік тарихтың әр түрлі мәселелерін қарастыратын, көшпенділердің дүниежүзілік тарихтағы рөлі мен кезеңденуі секілді заңды құбылыстар туралы білімді тереңдетуге мүмкіндік беретін, нақты мәселелерді көтеретін үлкен зерттеу базасы бар. Мақалада қарастырылған тарихнама саяси билік институттарының сабақтастығын түсіну үшін аса маңызды, ол түркология мен көшпенділіктің жалпы дамуын бейнелейді, сонымен қатар Орталық Азиядағы көшпенділердің қоғамы мен жағдайын жан-жақты қамтиды.*

*For today, in historiography there is a large research base that examines various issues of political and social history, raises specific problems that make it possible to deepen knowledge about natural phenomena, periodization and the role of nomads in world history. The historiography considered in the article is most important for understanding the continuity of the institutions of political power, it reflects the development of Turkology and nomadology in general, and also comprehensively covers the society and state of nomads in Central Asia.*

*Д. МАСИМХАНУЛЫ, А. АБИДЕНКЫЗЫ*

## **ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННУЮ КИТАЙСКУЮ КУЛЬТУРУ\***

Изо дня в день становится все яснее, что основоположниками древней культуры всего человечества были кочевники. Известный американский ученый, профессор, исследовавший историю Средней Азии, У. М. Макговерн в своей книге «Древние государства Средней Азии» пишет: «В современном обществе сложилось такое мнение, что древние обитатели Средней Азии были дикими и ни к чему не приспособленными. Но интересным является тот факт, что последние археологические раскопки доказывают обратное – искусство и культура древних жителей Средней Азии были развиты на высшем уровне» [1, с. 2]. У. М. Макговерн отмечает, что Средняя Азия с древних времен непрерывно является связующим звеном, золотым мостом между культурами Индокитая и Запада, при этом активно обогащая свою культуру. Он доказывает обоснованными фактами, что благодаря кочевникам культура человечества развилась и обогатилась.

По мнению других исследователей истории культуры, степные кочевники являются не только основателями, распространителями и продолжателями, но и главными авторами и отчаянными пропагандистами древней культуры [2, с. 4]. Однако сотворенные разумом кочевников образцы материальной и духовной культуры в оседлой жизни приобретали иной характер, все больше процветая и развиваясь. Таким образом спустя десятки, сотни веков эти образцы превратились в собственную культуру оседлых народов.

Элементы культуры древнетюркских племен в традиционной китайской культуре постепенно стали настолько «китайскими», что поверхностно взглянувший человек не заметит их. В действительности, издавна было известно, что влияние тюркской цивилизации на древнюю культуру Китая было особенным. Во-первых, родиной предков тюрков, вольно скакавших верхом на лошадях в долинах просторной Евразийской степи, является Монгольская возвышенность, окрестности Алтайских гор, бескрайняя степь вокруг современной Китайской стены. Во-вторых, известно, что когда «небом повелевал Бог, а землей тюрки», народ Табгаш сотни лет был в подчинении у тюрков. В-третьих, не секрет, что в ходе большой кочевки в истории многие тюркские племена перекочевали в Китай. В ходе этого непрерывного процесса обмена и слияния, продолжавшегося несколько веков подряд, невозможно было предотвратить влияние тюркской цивилизации на китайскую культуру.

Если говорить о следах тюркской цивилизации в традиционной китайской культуре, в основном они выражены тюркизмами в китайском языке. Об этом в своей книге «Связь тюркского и китайского языков» пишет подробно исследовавший данный вопрос наш синьцзянский родственник, ученый-тюрколог Ясин Кумарулы. В объемном научно-исследовательском труде он делает подробный анализ свыше

---

\* Статья дается в авторской редакции, редакция за содержание статьи ответственности не несет.

ста отдельных тюркских слов, вошедших в древнекитайский язык, а также слов, которые используются в современном китайском языке и сохранились в разных диалектах этого языка [2, с. 126]. По мнению ученого, в китайском языке насчитывается несколько сотен слов, имеющих фонетическую и лексическую схожесть с тюркским языком. К тому же, если отметить, что в большинстве случаев зарождение этих слов произошло в ходе кочевой жизни, то мы, безусловно, убедимся, что они пришли в древнекитайский язык из тюркского.

Еще один факт, который дает возможность определить следы тюркской цивилизации в китайской культуре – мифы. Сравним сегодняшние китайские мифы с мифами тюркских народов.

О зарождении мира, неба и земли в мифах двух народов говорится, что «мир сначала был разлившимся морем», великий Творец (у нас «Создатель», у китайцев «Пангу»), «поделив его пополам, создал небо и землю», затем «мир, шаг за шагом расширяясь, начал увеличиваться». Конечно, закономерным фактом является то, что Создатель у народов называется по-разному. Самое главное, о чем можно сказать – различий в основных положениях и истории о создании Вселенной не наблюдается. В китайских и казахских мифах о зарождении человечества также имеется сходство. У обоих народов Великий Создатель «сначала создает Вселенную, затем из глины лепит человека и вселяет в него душу». Конечно, мы не скрываем, что утверждение о том, что «первого человека Бог создал из глины», существует во многих мифах народов мира. Однако удивительно, что в мифах тюрков и китайцев, языковая система, религия, менталитет, форма существования и другие сферы жизни которых далеки друг от друга, есть, несмотря на это, схожие мотивы, на которые, несомненно, стоит обратить внимание. В казахском мифе о происхождении первого человека говорится, что «Көк апа» создала мальчика и девочку и даровала им жизнь, в китайском мифе – что создавший человека из глины Нуиан также является Создателем женщины. Если мы обратим внимание на древнее значение слова «Нуи» в китайском языке (女 – в современном китайском языке это слово переводится как «женщина», а древнекитайское значение этих слов – «мама, мать») и древнее чтение слова «уа» (媯 – на современном китайском читается как wa, а на древнекитайском kwok или kwak), то удивительно, что получается «мать неба». К тому же в тюркских (казахских) и китайских мифах наблюдается сходство в таких явлениях, как всемирный потоп, конец света, оставшиеся в живых после этих катастроф благоверные, солнце и луна и др.

В книге населявшего южную часть Китая племени Изу (народ, родственник с китайцами) «О 18 тысячах вселенных» создание Вселенной описывается таким образом: «Густое облако, охватившее небо, вышло из семи слоев земли. Буран, охвативший землю, пришел из трех слоев неба» [3, с. 47]. А в казахском мифе «Создание вселенной Всевышним» говорится, что в начале «земля состояла из трех слоев, и небо из трех, но со временем оба они достигли семи слоев». Между тем, мы ясно понимаем, что в мифах обоих народов есть два схожих мотива. Первый о том, что земля и небо разделены, они описываются как два понятия, две материи, отделенные друг от друга. Второй – в обоих мифах земля и небо состоят из нескольких слоев. При этом интересным фактом является схожесть святых, почитаемых цифр – три и семь.

Влияние искусства танца и музыки древнетюркских племен на этническую китайскую музыку и танец является ядром отдельного фундаментального исследования. В китайских письменных источниках содержится много фактов о том, что музыкаль-

ные произведения и искусство танца племени канлы были прекрасно развиты, даже оказали неопределимое влияние на китайское искусство. Об этом пишет синьцзянский профессор Амантай Асейинулы в своей научной статье «Корни казахских народных инструментов». На основе древних китайских сведений он подробно рассуждает о том, как искусство танца и музыки тюркских племен проникло в китайскую культуру [4, с. 70]. В «Суй-шу. Под покровом о музыкальных инструментах» пишется: «На праздник императора государства Чжоу специально были заказаны музыкальные инструменты из народа канлы и кошан», а в «Воспоминаниях эпохи Тан» говорится, что «Чжоу-Уди взял в жены тюркскую девушку. Пришедшие на праздник гости вручили им музыкальные инструменты народа канлы, кошан и сулык» [4, с. 70]. В свое время музыкальное искусство гуннов было развито на высшем уровне и повлияло не только на соседние, родственные племена, но и на музыкальное искусство китайского народа. Например, известный музыкант (играл на жетигене) Цай-Ион (蔡邕), творивший в последнюю эпоху императора Восточного государства Хань, с малых лет приучал свою дочь Цай-Уынжи (蔡文姬) к искусству музыки. Однако, когда она подросла, когда ее талантом только начал восхищаться народ, солдаты гуннов воруют ее во время баранты, и таким образом она 12 лет проводит на земле гуннов. Она становится женой Солбилге, кагана гуннов, и рождает ему двух детей. Позже китайцы, одарив дорогими подарками гуннов, возвращают ее. Возвратившись в родные края, девушка сочиняет кюя «Мотив Хужиа» (胡笳十八拍). Это произведение завоевало любовь народа. Оно распространилось по всему Китаю, передавалось из поколения в поколение и дошло до наших времен [4, с. 71]. Основной его секрет, безусловно, в новизне мотива. Если учесть, что китайские музыкальные инструменты пипа, арху и жанры кюя (на китайском қи – 曲), жыра (на китайском геґ – 歌儿) пришли из племени тюрков, то бесспорно, что тюркская цивилизация на самом деле очень сильно повлияла на развитие культуры китайской музыки.

В целом происходило слияние тюркского народа с народом Хань (этническими китайцами), но между этими народами в истории не раз происходили такие слияния. Теперь несколько слов о схожести с тюркской цивилизацией в китайской культуре, искусстве, образовании, которые в разные времена внедрились в китайскую цивилизацию, о неугасаемых трудах общественных деятелей, которые внесли вклад в развитие китайской культуры. Когда мы говорим «неугасаемый труд», мы имеем в виду не общее количество произведений, не широкий их охват, мы прослеживаем в них тюркские «характерные особенности», которые они вносят в китайскую культуру. Точнее говоря, в те далекие времена жившие во время правления династий Суй, Тан такие знаменитые художники, как Сау Чжунда, Дихармашын, Уайжра Узекен, Сексен Анда, Уайжра Куйши, певцы-композиторы Уайжрахан, Химанзы, Пейчеңен, Хыто, Пейшыңфу, Сужуп, Уайжра Келте и многие другие акыны, писатели, общественные и государственные деятели не только превознесли культуру Китая, они вдохнули жизнь, придали свежий импульс искусству и культуре китайского оседлого народа [5, с. 2]. Такая тенденция продолжалась до эпохи Юань (1206–1368 гг.). Об этом пишет в своей книге «История казахской культуры» китайский ученый, профессор Су-Бейхай, который высоко ценит труды таких тюркоязычных ученых-историков, как Токтай, Таштемир, Тайбука, акынов – канлы Букума, карлука Найжана, и труды многих других деятелей искусства, которые, несомненно, внесли неоценимый вклад в развитие китайской культуры. «После завоевания Чингиз-ханом казахской

земли многих казахов призвали в ряды армии, а некоторых заставили заниматься культурой. И многие из них, впитывая китайскую культуру, достигли высот в каждой сфере деятельности. Особенно необходимо отметить таких ученых, как Тото, Темиртас, Тайбука, которые внесли заметный вклад в китайскую историографию. Особенно ценятся их неугасаемые труды об истории трех империй: Ляу, Зинь, Сун» [6, с. 287], – эти слова ученого открывают для нас новые направления в истории.

Кроме этого, как мы уже говорили, немалый вклад внесли в развитие древнекитайского музыкального искусства и танца тюркоязычные племена. Об этом ученый, профессор Уан-Рун, исследователь культуры древнего Шелкового пути пишет так: «В эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), а особенно в эпоху Тан (618–907 гг. н. э.), между странами западных краев (речь идет о Средней Азии – Д. М.) и внутреннекитайскими империями стали усиливаться политические, экономические взаимоотношения, к тому же взаимобмен в отраслях музыки и искусства развивался как никогда на высшем уровне. В частности, искусство музыки и танцев западных народов Кусен, Удун, Коктан начало двигаться прямо по внутреннему Китаю, равномерно распространяясь во дворцах и степи». Таким образом, на тихий, спокойный Восток хлынуло новое живое дуновение культуры. В результате этого в китайской культуре произошел переворот, который способствовал новому руслу развития. Вместе с тем танец и музыка успели приобрести удивительную значимость в китайской культуре. В то время и без того возвышенная музыка и танцы западных краев масштабно вливались во внутренний Китай. С одной стороны, можно сказать, что китайская культура не чуждится от другой культуры, она не обособленная, а с другой стороны – искусство музыки и танца западных краев завладело китайской культурой волшебной манящей силой» [7, с. 101].

Первые исторические сведения о распространении в Китае искусства танца и музыки народов Средней Азии встречаются в исторических документах «Комментарии Джоу. Дворец весны». То есть можно понять, что во время существовавшей три тысячи лет назад до нашей эры империи Чжоу (XI в. до н. э. – 256 г. до н. э.) танцы и музыка тюркских племен сплошь внедрились на территории внутреннего Китая. Уже в начале существования западной империи Хань (206 г. до н. э. – 25 г. н.э.) «песни тюркоязычного народа удун распространились по внутреннему Китаю, даже имеются сведения о том, что песни народа удун часто исполнялись во дворце императора» [5, с. 70]. Позже, когда Кусен хан Санбен женился на Деши, дочери кунби Уйсин, императрицы Джие-Ю, по нашим расчетам, в 65-х годах, многие музыкальные инструменты «западных краев» были привезены в тогдашнюю столицу Китая – Чанан. Из этого можно сделать вывод, что танцы и музыка западных краев сыграли важную роль в развитии музыкального искусства в китайской стране. А во времена правления династий Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий (220–580 гг.) в Китае между тюркским и китайским танцевальным и музыкальным искусствами произошло некоторое смешивание. Даже этот факт сам по себе оказал особо благое воздействие на развитие танцевального и музыкального искусства в Китае. Теперь обратим внимание на тот факт, что первый главнокомандующий ханства Чинь (221–206 гг. до н. э.) Луи-Гуан по приказу императора многочисленным войском напал на народы западных краев. Более тридцати государств признали поражение. Завоевав народ, Кусен навьючил на 20 верблюдов добытые ценные вещи и восхитительные произведения искусства, взял более 10 тысяч лошадей и возвратился на Родину. Но кроме произведений искусства он



привез танец, музыку, театрализованные постановки и цирковые игры захваченных народов. Вот таким образом музыкальное искусство в своем разнообразии попадает на территорию Китая. Во времена правления династии Хань, при зарождении Великого Шелкового пути, между империей Хань и тюркоязычными странами укрепились взаимоотношения. Это событие заложило начало непрерывному слиянию западной культуры с китайской. Даже знаменитые «духовые мелодии», которые в те времена исполнялись в империи Хань, пришли с запада. Правитель империи Хань – Хань Линди настолько проникся искусством западных краев, что даже призвал свой народ жить по-кочевому. Прочитаем эти сведения: «Император Лин-Ди очень сильно полюбил одежду, дом, дастархан, еду, музыкальные инструменты и танцы кочевников. Даже аристократы, жившие в центральных городах, не остались равнодушными» [6, с. 16]. Таким образом, в одеянии мужчин была схожесть с одеянием кочевников, а у женщин – в танце. Одним словом, быть как «кочевник» в те времена стало модным для китайского общества. Когда император Джоу женился на турецкой султанше Ашине, каждое турецкое племя в виде приданого для девушки устраивало концерт в столице Чанан. Этот концерт настолько понравился столичным жителям, что все до единого несколько раз ходили любоваться зрелищем. После этого император У-Ди издал указ о том, что этот турецкий ансамбль будет «Оркестром Орды» [6, с. 16]. Позднее, во времена династий Суй и Тан (581–907 гг.), влияние танцевального и музыкального искусств тюркоязычных стран на китайскую культуру достигло своего пика. После того, как по приказу Тан-Гаузу г. Чанан снова стал столицей, спрос на западную музыку и танцы особенно повысился.

Также в эпоху Тан количество народных песен (кюй орды) увеличилось с девяти до десяти, семь кюев пришли с запада. Среди них «Кюи Кусен», «Мелодии Ан-кок», «Кюи Канлов», «Напевы народа Шалык», «Кюи Коктан», «Напевы народа Симян», «Индийские напевы». Стоит отметить, что в те времена не только произведения искусства, но и многие деятели искусства тюркоязычных стран – композиторы, кюйши-исполнители, певцы и танцоры приезжали в Китай и пропагандировали культуру и искусство своей страны. Среди них знаменитый музыкант народа Кусен Сатбай, Бамда, знаменитый барбиши народа Шалик Пешенгул, Пешеннур, танцор Пешенкун, певец Педенем, музыканты народа Удун Гуйшекен, Гуйшежан, барбиши народа Канлы Курым и многие сотни, тысячи деятелей искусства, внесших весомый вклад в развитие культуры Китая того времени. Наше мнение разделяет китайский ученый, профессор, исследователь искусства народов Средней Азии Ван Жун, который говорит: «同时，西域乐理，乐制，乐谱和乐器也传到中原，对汉民族乐舞艺术产生了革故鼎新的深刻影响» («Теория музыки, композиторское искусство, ноты и музыкальные инструменты западных краев (речь идет о Средней Азии – Д. М.) влились в искусство китайского народа, возродили искусство танца и музыки и заставили звучать его еще громче, мелодичнее») [7, с. 17].

Из этого нетрудно сделать вывод, что тюркоязычные народы внесли немалый вклад в развитие древнекитайского искусства музыки и танцев.

В целом ясно, что в те времена кочевники были основоположниками именно музыкального искусства. Ведя кочевой образ жизни, они сливались с природой в одно целое, черпали несметное вдохновение, природа одаривала их удивительной фантазией. А когда рожденное из такого несметного вдохновения, удивительной фантазии музыкальное искусство приходило в замкнутый круг мыслей оседлых на-

родов, музыка становилась волшебной силой звучания самих Небес. Об этом ученый-искусствовед, профессор А. Сейдимбек говорит так: «Кочевники смогли подарить миру неповторимое, удивительное искусство. С помощью допона наполненного высочайшим духом искусства кочевники мечтали о равности человеческого бытия с бытием Всевышнего. Среди искусств высочайшего духа самым священным, которое приравнивалось к языку Всевышнего, была музыка. Древние тюрки называли кюй «Кук» и считали музыку посредником между Всевышним и ими. Поэтому каждый день сочинялись новые хвалебные кюи для каганов, которых приравнивали к богам. Китайским императорам нравилась такая традиция древних тюрков. Они считали за честь пригласить музыканта и певца в свои украшенные золотом дворцы, чтобы восхититься их талантом» [8, с. 12].

В заключение можно сказать, что когда-то господствовавшие на просторах Евразийской степи гунны, саки, канлы, уйсуну, тюрки не только силой войск заставляли других признать их могущество, но смогли получить признание мира своей богатейшей культурой.

### *Литература*

1. *William Montgomery Mc Govern. The Early Empires of Central Asia* (Қытайша аудармасы: 麦高文 W. M. (美). 中亚古国史. – 北京: 中华书局, 2004. – 364 页).
2. *Кумарулы Я.* Наследие далеких краев. – Пекин: Минзу, 2003. – 243 с.
3. *Маулитканулы А.* Казахские мифы о возрождении и философские взгляды об этом // Синьцзянская общественная наука. – 2005. – № 2. – С. 38–55.
4. *Асейинулы А.* Корни казахских музыкальных инструментов // Синьцзянская общественная наука. – 1998. – № 4. – С. 70–81.
5. *Сайрамы А. М.* Древнетюркские художники династий Суй и Тан. – Пекин: Минзу, 1993. – 324 с.
6. 苏北海. 哈萨克文化史. – 乌鲁木齐: 新疆大学出版社, 1989. – 555 页.
7. 王嵘. 西域文化的回声. – 乌鲁木齐: 新疆青少年出版社, 2004. – 354 页.
8. *Сейдимбек А.* Қазақтың күй өнері. – Астана: Култегин, 2002. – 832 с.

*Көне өркениеттер мен түркі халықтары мәдениетінің қарым-қатынасына ғылымда бұрындары көп көңіл аударылмағаны белгілі. Этносаралық және мемлекетаралық қарым-қатынастар аясындағы мәдени байланыс та біржақты бола бермейтіні түсінікті. Бұл тұрғыдан алғанда осы мақалада көне түркілердің дәстүрлі қытай мәдениетіне тіл, әдебиет, музыка, би, тұрмыстық техника, өнеркәсіптік жабдықтар, дін сияқты салалардағы ықпалы талқыланады.*

*As you know, before, much attention was paid in science, to the influence of ancient civilizations on the culture of Turkic peoples. It is well known that in the context of interethnic and interstate relations, cultural exchange is also not always one way. In this context, this article discusses the influence of the ancient Türkic on traditional Chinese culture in areas such as language, literature, music, dance, household and industrial equipment, and religion.*

**DISCOVERY OF THE ECONOMIC LAW OF THE DOMINANT RISING  
OF SPIRITUAL NECESSITIES: STRENGTHENING IN MODERN  
CONDITIONS THE ROLE OF CHARITY OF THE RICH, INCLUDING  
BILLIONAIRES AND MILLIONAIRES**

**T**his scientific law was opened at the Institute of Social Economy and Finance. In 2014, as a result of wide scientific expertise, the International Academy of Authors of Scientific Discoveries and Inventions issued to the author of this article a diploma for discovery No. 62-S. The formula of the discovery means that a previously unknown law of socio-economic harmony has been established, which consists in the dominant rise of moderate spiritual necessities over reasonable material necessities and the desires of individuals, due to real phenomena of the dual world and connection between types of needs. The duality of the world is determined by the priority of one or another type of needs.

The state of spiritual and material necessities in the minds of people changes depending on the level of spirituality. Abstraction from spirituality is methodologically untenable, and practically leads to errors in the study of objective reality (in economy management). Moreover, it is not consistent in the conditions of coming era of spirituality on our Earth. This is evidenced by the rapid spread of the Islamic religion across the continents and countries of the world. It has become a worldwide trend. The concept of spiritual necessities includes, first of all, religion, especially the monotheism of Judaism, Christianity and Islam (in chronological order) and the adequate mentality of the peoples. In our opinion, thanks to the peculiarities of the mentality of the peoples of Scandinavia, especially Sweden, the Swedish model of social economy was formed and developed. The author has written about this in his previous publications, in particular, in his book «Social Economy». Harmony of Economy and Society The Paradigm of «D + 3D», Laws and Problems» (USA, 2014).

The term «Raising necessities» is found both in our research and in the economic literature. However, behind the terminological coincidence it is necessary to see the different content of the concepts. In our work, the concept of «Raising necessities» is given a broader meaning than is usually accepted in economics. In a harmonious economy, it includes not only and not so much the growth and improvement of the needs of society, but the relative importance of certain constantly reproduced necessities for formation of social Harmony – a deeper, determining the value of spiritual necessities than material and immaterial ones. This differentiation of the significance of diverse necessities is the starting methodological position. In our research, the main spiritual necessities of individuals and societies as a whole include, first of all, religion and the mentality of the people conditioned by it. Spiritual necessity also includes the need for learning the science, art, in creativity and in the pursuit of all other moral values. A comprehensive interpretation of spiritual necessities also presupposes the priority (to a certain extent) of satisfying spiritual necessities, with the exception of cases defined in spiritual knowledge.

Spiritual necessities put barriers to material necessities during the production and consumption of goods that are harmful to human health and life (drugs, tobacco, alcohol, weapons, etc.) and services (gambling, etc.) This also means their rise. The main economic law also focuses on the rationality of necessities, and therefore, the rationality of their satisfaction. Reasonable necessities have a double meaning: on the one hand, they do not include requests and habits, goods and services that are harmful to individuals and societies; on the other hand, reasonable necessities presuppose their moderation, i.e. the absence of excesses associated with both super-wealth and extreme poverty and misery. The level of reasonable necessities is not an arithmetic average, but a large zone of moderate values between the maximum and minimum, which is formed depending on religious, national, psychological characteristics of life, income of individuals, and climatic conditions, finally. Reasonable also includes the necessity for charity, technical and financial assistance, cooperation, dialogue of civilizations.

Reasonable necessity serves as an initial principle, a «triggering mechanism» for consumption of material goods in necessary and sufficient quantities without over-consumption by some individuals and groups, under-consumption by other individuals and groups. It is incompatible with whims, greed, immeasurable selfishness in consumption. As Charlie Chaplin's aphorism says: «The saddest thing in life is the habit of luxury». Moderation ceiling in somebody's own needs is set by each individual himself, in accordance with his capabilities, without excesses, if he has an internal spiritual and moral regulator (conscience) in his mind. At the same time, in a harmonious society and economy, reasonable necessities, desires, and requests are satisfied by permitted, civilized ways of earning income (labor activity, first of all, state benefits, pensions, charitable donations, etc.). The essence of the discovery under consideration lies in the basic law of social Harmony about a moderate rise of the spiritual over the material in the sphere of economics, in the spheres associated with it (demography, democracy) with the fundamental role of the sphere of spirituality (personal faith, first of all). The newly discovered law operates along with the law of the rise of material necessities. This phenomenon is disclosed in economic science for the first time.

The essence of discovery of the social Harmony law is revealed as a dominant rise of moderate spiritual values over reasonable material and non-material necessities and desires of individuals. This law reflects the relationship between the target attitude of a person (spiritual improvement) and the conditions of his existence (consumption of goods), and the goal, obviously, in any system prevails over the conditions and the ways of achieving it. Moreover, this goal constitutes the meaning of human life, which is established in the Holy Books of the Single Creator. Faith plays a major role in a person's life, it is impossible not to see it. Studying the objective world, science cannot ignore realities, otherwise it ceases to be such. Due to the fact that this objective law contains both the goal and the conditions of social life, it should be considered as the fundamental one, the basic one.

Thus, the basic law characterizes the relationship between the goal of life of individuals and society as a whole and the conditions for achieving the goal. Since the human needs, including the reasonable, are constantly reproduced, then the basic law fixes their rise in dynamics, as a reproductive process. Reproduction of necessities is associated with their

satisfaction, for which they serve as the strongest motivation, and for which they are the driving force of the economy.

This discovery reveals the logical connections between the concepts of «truly spiritual», «material and non-material necessities», «moderation» and «rationality in consumption», «raising necessities» in the context of social Harmony. The reliability of the Basic Law of social Harmony is confirmed by the fact that:

– the goal of a person's life consisting in spiritual improvement based on personal faith, is formulated in the Holy Book of the Koran, as well as in other Holy books. This gives the spiritual necessities of believing individuals the status of a target setting, which is formulated in the Basic Law as «a moderate rising of truly spiritual values». As a result of quantitative and structural features in the needs of believers and non-believers, the economic laws of supply and demand undergo changes depending on the confessional structure of the population. As the spirituality of the people grows, and this is the current trend, the scope of the laws of social harmony will obviously expand;

– the principle of moderation (in the Basic Law – «moderate rising...») is also contained in the Koran text and runs like a red thread through the entire Holy Book. Everyone can observe from the experience of true believers who spend their time budget also to performance of religious rites (daily prayers, systematic visits to mosques and churches, pilgrimages, etc.) as well as the performance of labor duties, many people work in different spheres of society (economy, education, science, art, culture, etc.). The combination of religious and labor functions is a confirmation of the principle of moderation in everything, a person does not devote his life only to one of them, and therefore, he is moderate, i. e. does not exaggerate in his reasonable necessities and desires. Moderate rising is a term partially new to science. While the rising of necessities is known in economic theory, then «moderate rising» has not previously been used in the scientific theory of priority of necessities. The reasonableness of material necessities is evident from the way of life of believers. «Bad habits» (consumption of tobacco, drugs, alcohol, etc.) are excluded, which is widely known, the level of necessities is reasonable, sufficient, i. e. with no frills.

It is well known from spiritual knowledge that truly spiritual values mean a personal faith of a man in a single Creator (monotheism). There are as many bearers of spiritual values in our world as there are people who believe in a single Creator in all countries. According to the Christian website Laborers Together, in 2011, in particular, 1.58 billion Muslims lived in the world. Making daily decisions on their way of life, in particular, according to the laws of social Harmony, billions of adherents of religions become subjects of objective laws studied by science. Therefore, the differentiation of the population of countries and continents by confessions that determine the lifestyle of individuals, their spiritual values, material and non-material necessities and desires, is a necessary condition for studying the category and laws of social Harmony. The category «social Harmony» based on spirituality and morality, in our opinion, will have a great influence on the development of science, on its synthesis with spiritual knowledge. The reliability of the discovery is proved by the following facts and statistical data on the variety of forms of Basic Law manifestation, in particular, on the primary source of the law, spiritual economic model, pilgrimage, charity:

1) Using (as a starting point) provisions from the Holy Books about the purpose and meaning of human life (cooperation and openness, spiritual improvement), about the principles of moderation, rationality and justice in everything mentioned above.

2) Practical experience available in the economic systems of many countries of the world. Thus, the application in the world (this is the trend) of the principles of Islamic economics and finance is expanding, which is due to the rise of spiritual values over material needs. This model is aimed at honesty, social responsibility, business transparency, which practically excludes the shadow sector and corruption, fairness in economic relations, moderation in consumption (see the author's articles in the bibliography), which realizes the need of individuals to help those in need.

Basic Law of social Harmony operates in various forms. According to the concept and practice of the Islamic economic model, which is most deeply integrated with spirituality and morality, operation of this law is seen through as follows:

- production of exceptionally useful products and services that do not harm the health and life of the population, a ban to bad habits (the use of alcohol, tobacco, drugs, creation of offensive weapons, etc.);

- elimination of the speculative component in business, the use of reasonable prices for goods and services, interest-free loans, fixed exchange rates, restriction of monopolistic activities;

- partnerships between companies and financial institutions with sharing of risks and revenues (losses);

- development of microcrediting for small businesses and the population to eradicate poverty.

The law of the dominant rising of moderate spiritual necessities over the reasonable material needs and desires of individuals operates in various forms. Let's dwell on some of them.

Nowadays, various charity funds are being created in the world. This phenomenon has different sides. When they are formed with pure intentions without any violation of divine and secular laws, they should be supported in every possible legal way. Unfortunately, there may be cases that do not fully correspond to good intentions. But in our opinion, the various foundations that exist require a lot of respect. It is known that many rich people, including billionaires and millionaires around the world, primarily in the United States, in many countries of Europe, Asia, Africa, Latin America, provide great help to those in need, especially people with the appropriate religion. The author, as one of the founders of the Batyr Bayan Charitable Foundation, is pleased to express his deep gratitude to all philanthropists. Charitable activity fits well into the formula of the law of the dominant rising of spiritual necessities over reasonable material ones.

The index researchers note that the practice of participating in charity often depends on socio-cultural factors [2], as well as disasters and emergencies, when the tendency to help other people increases. It cannot be denied that the methodology for calculating the index requires further improvement. Indeed, in Islamic countries, charity is not always disclosed in order to avoid some window dressing. Nevertheless, the use of the index makes it possible to more or less adequately assess the picture of charity in our world [1].

Rating indicators for charity for the first Five countries out of 155 countries.



Country / place	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Indonesia	1	2	7	22	13	17	7	49	50
Austria	2	6	3	5	6	7	1	3	1
New Zealand	3	4	4	3	5	2	4	4	1
USA	4	5	2	2	1	1	5	1	5
Ireland	5	8	9	9	4	5	2	2	3

As we can see from the table, charity index for the reviewed 9 months shows that the leading position among the 155 countries, undoubtedly belongs to the USA. It is not an occasional fact, because this country has a lot of well-known famous billionaires who do charity work for the world's poor.

In addition to charity, volunteering is common in the modern world. It covers a wide range of activities, including traditional forms of mutual aid and self-help, fundraising, formal provision of assistance and other forms of civic participation, which are carried out voluntarily for the benefit of the general public without reward.

Thus, the considered new law of rising necessities in the current conditions of a pandemic and financial and economic crises continues to operate in full force. The most important task of economic science and practicing community, as well as the governing bodies, is the conscious use of this law in their practice. It is by such methods that one can actively overcome the difficulties faced by humanity and embark on the path of stable economic development based on true spirituality and morality in various countries of the world. May our Great Creator help us all!

### Bibliography

1. [Electronic resource]. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%91%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>

2. Zischka L. Giving Behaviours and Social Cohesion. How People Who ‘Give’ Make Better Communities. – UK: University of Reading, 2019. – 240 c.

*Адамның қажеттіліктері руханият деңгейіне байланысты өзгереді. Негізгі заң жеке адамдардың және тұтастай қоғамның өмірлік мақсаты мен мақсатқа жету шарттарының арасындағы байланысты сипаттайды және әр түрлі көріністерде, атап айтқанда, қайырымдылық ретінде әрекет етеді. Пандемия мен қаржылық-экономикалық дағдарыс жағдайында аталған заң толығымен әрекет етіп отыр.*

*Уровень потребностей человека меняется в зависимости от его духовного развития. Основной закон характеризует соотношение между целью жизни индивидов и социума в целом и условиями достижения целевой установки и действует в различных проявлениях, в частности, как благотворительность. Закон возвышения потребностей в современных условиях пандемии и финансово-экономических кризисов продолжает действовать во всю свою силу.*

**ҰЛЫ ДАЛА ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІ ЖӨНІНДЕ ШЫҒЫС  
ПЕН БАТЫСЕУРОПАЛЫҚ ДЕРЕККӨЗДЕРДЕН АЛЫНҒАН  
ҮЗІНДІЛЕР**

---

**ЕР ОЛЖАБАЙ**

*Олжабай батыр туралы Молдажан Жадайұлы, Жаяу Мұса Байжанов, Ертай Құлсариевтер жазып, жинап, сақтап қалдырған жыр нұсқалары Орталық Ғылыми кітапхана мен М. О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының қорларында сақталған (ОҒК, 381-бума, 2-дәптер; ӘӨИ, 609-бума, 1–2-дәптер, ОҒК. 801-бума).*

*Бұл қолжазба академик Әлкей Марғұланның отбасылық жеке қорынан алынды. Авторы Шәймерден Торайғырұлы. Жырды мұқабасы жоқ дәптердің екі жақ бетін белгілеп отырып, өз қолымен араб графикасында жалпы 28 бетке түсірген. Шәймерден Торайғырұлының бұл жырлаған нұсқасын алғаш рет араб әрпінен қазіргі қазақ жазуына аударып, баспаға әзірлеген Бағдат Дүйсенев.*

(1)<sup>1</sup> Батырдың әңгімесінің басынан он ауызы жоғалған. Ата тегі және шешесі Балуан келін атанып, көш жөнекей Баян батырмен алысқаны, жыққаны.

Сом дене, түйіршік сіңір, болат сүйек,  
Қырандай жемге тойған ер көкірек.  
Нар иық, қақпан жаурын, бөлек балтыр,  
Емендей құзға шыққан көдес білек.

Кең маңдай, піл сауырлы, ұшқын көзді,  
Жар қабақ, тікен түкті, суық жүзді.  
Ат жақты, омақа бас, сұңғақ мойын,  
Көп ойлап, аз сөйлейтін салқын сөзді.

Ұзын мұрт, айыр сақал, шеңгел тұмсық,  
Кең мықын, тас омақа біткен ұршық,  
Түк басқан төс алаңы жота-дөңес,  
Арланның айбатындай қара қылшық,

Сайысқан Олжабаймен жаулар ұрысып,  
Талай бас доп болатын көкке ыршып.  
Білген жан жекпе-жекке шыққан емес,  
Қан тартып, айдамаса ажал қырсық.

<sup>1</sup> Жақшаның ішіндегі цифр қолжазбаның бет саны.

Ел үшін аямаған жаудан өзін,  
Қайнатқан күш-намысын өткір сезім.  
Өмірде қорғаны ел мен жері,  
Турашыл, екі айтпаған батыр сөзін.

Қос қабат жібек қаттау сауыт киген  
Топ жарып, қалың жауға жалғыз тиген.  
Шіреніп қос толқынмен садақ тартып,  
Білектей жұмыр болат темірді иген.

Жай жылқы көтермейтін ер денесін,  
Толқытқан тұлпардың да белдемесін.  
Ат қойса Олжабайлап қалың жауға,  
Қырғандай құнығатын жер кенесін.

Абылайдың қол басшысы ту ұстаған,  
Жау көрсе жауар күндей құрыстаған.  
Қолының қоспасынан оқ өткенде,  
Ту қозғап, қан майданнан жылыспаған.

(2) Білген жау Олжабайға жұғыспаған,  
Мың ерге жалғыз тиіп қылыштаған.  
Боялып қызыл қанға жалғыз қалар,  
Ақ сауыт үзбелі етек құрыштаған.

Толық қайрат, ерлігі арыстандай,  
Ашуы ұстама жын жабысқандай.  
Төрт түрлі ерлік, қайрат, сабырына,  
Таң қалған тас кеуде деп хан Абылай.

Алмадай ұшыратын жауды ұрып,  
Талайының мойнын қолмен алған жұлып.  
Егесіп қалың жауға жалғыз шауып,  
Кететін кең майданды қанмен жуып.

Ақ сауыт жылан көзді, ауыр батпан,  
Шарайна белдігіне күміс жапқан.  
Ақырып алып қолмен найза ырғаса,  
Тұлпары толарсақтап жерге батқан.

Қан жұтқан Олжабайдың егескені,  
Жауды алған қиан қия белестегі.  
Тамшылап қызыл маржан сағасынан,  
Тас тілген, темір турап – наркескені.

Ел үшін аямаған батыр жанын,  
Қорғаған қол күшімен бас пен малын.  
Соғыста жанын қинап, таңдай кеуіп,  
Ұрттайтын ат үстінен жаудың қанын.

Қарт тартқан қанды майдан өмір жасын,  
Ел сүйіп, кәдірлеген ердің басын.  
Серуенде батырлармен егескенде,  
Көтерген нар бурадай таудың тасын.

Шеп бұзып, ту ұстайтын ер Олжабай,  
Ұзақ қырғын соғыста қажып талмай.  
Майданның өлім өрті қанды жалын,  
Көп қолды қойдай қырған батыр талай.

Жекпе жек ерің ойнап алысқандай,  
Күш тасып, ерлік қонбас намыстанбай.  
Ат қойса қалың жауға ту көтеріп,  
Өлімді есіне алмас жарысқандай.

(3) Мың қолға жалғыз тиген ер шошынбай,  
Бояйтын майдан ішін қан жосындай.  
Алып күш, құрыш дене, мүйіз жүрек,  
Қайраты жаудан асқан бір тосылмай.

Сүйетін елін батыр өз жанындай,  
Жан ұясы жүректің іш қанындай.  
Қорғаған сыртқы жаудан ел мен жерін,  
Найза ұшы, қол күшімен ер жалынбай.

Елін сүйген мінезі күн шағылдай,  
Жібек жел, қоңыр еспе жаз шағындай.  
Қайратын тасытатын ел намысы,  
Ел үшін ханнан кеткен ер бағынбай.

Тілейтін бейбітшілік жау сағынбай,  
Сөйлейтін әділдікті ол жағынбай.  
Хандардың талайлары ол кездегі,  
Өткен жоқ Олжабайға бір табынбай.

Міндетін өтеген ер елін сүйіп,  
Ел үшін қайғы тартқан жаны күйіп.  
Ер еді ел намысын жібермейтін,  
Ұстаған жанынан да арын биік.

Бел шешпей ел күзеткен сауыт киіп,  
Үстіне жасыл алмас қаруды үйіп.  
Қиратқан қалың қолды арыстандай,  
Жасанған жауды қырған жалғыз тиіп.

Құрыштан қақтап жапқан дулығасы,  
Үзбелі көкше болат шарайнасы.  
Сауыты тоғыз көзді жылан бауыр,  
Күмістей Ыстамбұлдың ақ алмасы.

Қаттауы қызыл жібек Бұхар қолы,  
Тебен көз, қылыш өтпес, мойын торы.  
Наркескен қызыл құрыш сағым жүзді  
Кездескен ажалына жаудың соры.

Қақпақтай қарғы ілген қалың қалқан,  
Көтерген ер тұлғасы сіңір салқам.  
Садақтың оқ жыландай нәсірінде,  
Бетке ұстап талай жауды қылған талқан.

(4) Желекте жасыл сүңгі емен сапты,  
Көтерген жан кешуде ерлік бақты.  
Оң, теріс, атты, жаяу бәрі бірдей,  
Найзагер ер ыңғайы екі жақты.

Бас қару, жан торитын ажал – найза,  
Жарасқан алып күшті балғын бойға.  
Ырғағы тегеуріннің темір тесіп,  
Ағызған қанды көбік екі ұдайда.

Жасыл төс, жұмыр болат, арқа садақ,  
Ер таққан батпан қару бойға қалап.  
Темірі қызыл сағым құлпырады,  
Майданда тойғандықтан қанды жалап.

Жан алған талай жаудан сертке жарап,  
Көзделсе дәл жүректің басын қадап.  
Жылан тіл жай оғындай жасыл алмас,  
Кеспеген қапы соғып жанамалап.

Сом алмас солқылдайтын тартса толғап,  
Құтқармас құй жебеден сауыт қорғап.  
Лақтырған желді күнгі тымақтай боп,  
Ұшатын ат үстінен жауы сорлап.

Қорамсақ жібек баулы көк сәуірік қап,  
Оқ салған қозы жауырын жүзден санап.  
Соғыста күндіз-түні белін шешпей,  
Жүретін оң жамбасты ер арқалап.

Құс жүзді қызыл құрыш бүкір сапы,  
Шыдамас қан жүзіне жанның дәті.  
Бауырдай сілтегенде темір турап,  
Түсетін ерегісте істің сәті.

Тұлпары қызыл нардай Көксерек ат,  
Қырандай көкті кезген ерке қанат.  
Төсенгі қызған сайын үдей түсіп,  
Сайысқа алты күнгі талмай жарап.

Жаясы бота тірсек, құлан бауыр,  
Сіңірлі, ойынды етті, сүйегі ауыр.  
Тар мықын, үлпер шекті, қысқа бақай,  
Жел ескен желісінен құйын дауыл.

(5) Салық төс омырауы, ұзын мойын,  
Қолдары шыға біткен терең қойын.  
Үстінен қол жетпейтін биік шоқтық,  
Қос құлаш деуге болар ұзын бойын.

Қой басты, етсіз жақты, қамыс құлақ,  
Топ кекіл, қара құсты, үнгір сағақ.  
Отты көз, қарыс кірпік, таяқ азу,  
Жал-құйрығы қайратты қылшық жанат.

Тік бәшай, мүлтігі жоқ жұмыр тұяқ,  
Құс қабырға, қос қанат, шыққан қияқ,  
Бүйені белдеменің қайнап біткен,  
Қол өткен сіңірінен бөкен сирақ.

Үдере ақ жібектей көбік шашқан,  
Құтылмас көз көрмейтін жауы қашқан.  
Көлденең қия жартас жар кездесе,  
Тік етіп, ақ маралдай қарғып асқан.

Бөлетсе қара терге сомпайтұғын,  
Жарыста алдына мал салмайтұғын.  
Көлденең кезіксе садақ оғы,  
Маңына жанасалап бармайтұғын.



Сары сүйек қан сорпаға қажымайтын,  
Құландай дым боп жарап арымайтын.  
Жаралған қылқұйрықтан жүйрік тұлпар,  
Басқа атқа ер тақымы жарымайтын.

Тер ақса тебінгіден батыр айдап,  
Бой бермес ауыздықты қия шайнап.  
Қашқан жау көшкен елдей мамырлайтын,  
Көксерек бауырын жазса құйынша ойнап.

Ер жеңген елдің жауын атын сайлап,  
Алыпты дұшпандарын тірі байлап.  
Аты мен ер күшіне жекпе жекке,  
Екі жақ таң қалатын тамаша айлап.

Ұрыста айдаһардай түсі суық,  
Қан жабар өтті көзін ашу буып.  
Әперген сыртқы жаудан елдің кегін,  
Ел үшін ер анадан үздік туып.

(6) Айтатын ертегіні ескі тарих,  
Мың жылғы өткен істі еске салып.  
Арқаға Абылайдың хан болғаны,  
Қазақтың келген кезі Сырдан ауып.

Ол кезде Сарыарқада қалмақ елі,  
Қандары тақұт құрған аула жері.  
Қазақты бірнеше рет шауып алған,  
Атақты қара құмай Көбен ері.

Жауласқан іргелес ел қазақ-қалмақ,  
Атысып ауыл шауып, жылқыны алмақ.  
Өлтіріп адамдарын, мүлкін талап,  
Күндікке аруларын алған таңдап.

Қорлаған қазақ елін қоңсы қонған,  
Соғысып бірнеше рет қырып салған.  
«Құба қалмақ барында мал бар деме»,  
Деген сөз мәтел болып содан қалған.

Қалмақтың ол кездегі аты Ежен,  
Қолбасшы ту ұстаған батыр Көбен.  
Ордалы ел хандығын қорғайтұғын,  
Ерлігі жолбарыстай Ебен, Себен.

Ауған ел ұрпақтары орта жүздің,  
Аңындай босып жүрген жапан дүздің.  
Қараөткел, Көкшетауға тоқыраған,  
Тарихы айтуынша ескі сөздің.

Билеген орта жүзді хан Абылай,  
Ерлікті сақтайтұғын ерлері сай.  
Бұзатын тас қамалды Малайсары,  
Қанды қол, қара қабан қарт Бөгембай.

Алып күш, алғыр болат Ер Жасыбай,  
Өткен ер өлгенінше бір жасымай.  
Сан рет қалың қолды жалғыз қырған,  
Қауданға жазғы түскен көк жасылдай.

Қолбасшы, ел тірегі Ер Олжабай,  
Ат қойған жау санына көзін салмай,  
Көтерген сарала ту күміс шашақ,  
Айнала ұран жазған, алтынды ай.

(7) Абылай жібермеген жауға кегін,  
Қайтарған елді шауып алған жерін.  
Соңғы рет Жасыбайды аттандырған,  
Көк таудан арылтуға қалмақ елін.

Ол бір кез елді қинап ертеде өткен,  
Момынның көз жасы мен қанын төккен.  
Күрделі патшалықтар аз ұлттарды,  
Өзара өшіктіруге уын сепкен.

Шығысты қыстап қалған моңғол ханы,  
Батыста феодалдық патша заңы.  
Көшпелі қазақ-қалмақ кірме ұлттардың,  
Қиналған тас құрсауда мал мен жаны.

Ескінің феодалдық хандық салты,  
Халықты қан жылатқан Темір Талқы.  
Хандары қарашаны айдап салып,  
Қырқысқан қалмақ пенен қазақ халқы.

Жауласқан туысқан ел жерге сыймай,  
Сан рет қырғын тапқан елді кинай.  
Көк тауды мекен еткен қалмақ елі,  
Соғысқан жанын түйіп жерді қимай.

Созылған қырғын соғыс үш ай жарым  
Қинаған талай батыр ердің жанын.  
Қалмақты осы жолы қазақ жеңіп,  
Есепсіз судай төгіп адам қанын.

Соғыста Жасыбайдың болған жолы,  
Шегінген күші жетпей қалмақ қолы.  
Ері өліп, ірге тепкен жерден ауып,  
Қайнаған момын елдің қалың соры.

Көкдомбақ, Ақкеліннен ауған қалмақ,  
Жиналған Қандыадырға тосқауылдап.  
Көштерін алдын ала аттандырып,  
Атысқан қаша жүріп, тау паналап.

Андыған тосқауылдан ердің жолын,  
Жасыбай қойдай қырған жаудың қолын.  
Қандыадыр осы күнде атанады,  
Бекінген Қалмаққырғын тапқан орын.

(8) Жеңілген қалмақ қолы кейін қашқан,  
Шойынды көл тұсында таудан асқан.  
Бөгеуге Жасыбайды Құба мерген,  
Жел байлап, садақ құрып, шыңнан тосқан.

Жасыбай ер өкшелеп қалмай жаудан,  
Қоршаулап талқандауды қылған арман.  
Негізгі хан әскері кездескенше,  
Өз қолын ысырмақшы аула, таудан.

Биік тау, қия жартас, қиын асу,  
Құздан күйға құлатады шалыс басу.  
Сом темірмен қопарып бөгет салған,  
Оңай ма тас байлауды қолмен ашу?!

Жасыбай батырларын қасына алып,  
Құлатты тау-тастарды күшке салып.  
Піл құсап орман бұзған омыраумен,  
Тынықпақ ең жоғары шыңға барып.

Қызыл шың, тас кереге, жайған қанат,  
Құлпырған күн нұрынан сәуле қадап.  
Жаяулап тас қопарған Ер Жасыбай,  
Әскерін бастап келеді шыңға қарап.

Қиналған тас бұзудан ердің жаны,  
Тасқындап сыртқа теуіп жүрек қаны,  
Сорғалап кең маңдайдан ащы тері,  
Шалқайта бастау киген дулығаны.

Аунатып ауыр тасты жолды түзеп,  
Тынығып, демін алып, қатпай күрек.  
Таянып Қызыл шыңға келген кезде,  
Садақпен Құба мерген тартты көздеп.

Маңдайдан садақ оғы кетті өтіп,  
Құлады ер теңселе қапы кетіп.  
Үш ауыз достарына сөзін айтып,  
Сол жерде өлді сабаз ажал жетіп.

Ақырғы Жасыбайдың айтқан сөзі,  
Айдынды қанталаулап нұрлы жүзі.  
Аңғалдық себеп болған ажалы ма,  
Өкініп арман еткен ердің өзі.

(9) Кім өлер көңілінде арман қалмай,  
Кейі сал, кейі халық таң қалғандай.  
Сүйегін өлі құшқан жарым қалды-ау шулап,  
Қоштасып өлерімде кешу алмай.

Қан майдан жекпе жекте өлген қандай,  
Армансыз қару жұмсап қапы қалмай.  
Аңғырттық ажалыма себеп болды,  
Асқаным жау артынан барлау салмай.

Ел алыс хабаршыға жері шалғай,  
Қансырап жан қиналып кепті таңдай.  
Жортуыл жол үстінде ажал жетті,  
Өшіріп жау қарасын кегімді алмай.

Сәлем де, кешу айтсын Хан Абылай,  
Ер құнын еселесін Ер Олжабай.  
Басыма Малайсары белгі орнатсын,  
Көз салсын жетімдерге қарт Бөгембай.

Соны айтып көзін жұмды батыр сабаз,  
Ышқынып, өңі кетіп, жатты біраз.  
Қан құсып, халық үшін тас жастанып,  
Өмірге қош айтысты ер дауыппаз.

Түнеріп нөсер төкті шілделі жаз,  
Күй тартты жыршы құстар қайғылы наз.  
Саңқылдап тау қыраны дабыл қағып,  
Үн косты көл кербезі ақбауыр қаз.

Қолбасшы Ер Жасыбай қаза тапты,  
Хабарға Абылай ханға кісі шапты,  
Бекболат жауды барлап, қол басқарып,  
Келуін Олжабайдың тосып жатты.

Күн түспес қызыл жартас көлеңкесі,  
Байқалмас Ер Саянның ерте-кеші.  
Жасыл ну, жұпар иіс аясына,  
Тас табыт, қызыл қына ер денесі.

Жинап алып Хан Абылай барлық қолын,  
Есептеп жау жағының оң мен солын,  
Қарулы барлық күшін түгел жұмсап,  
Екіге бөлген еді жорық жолын.

(10) Бірнеше негізгі әскер міндет артып,  
Жұмсамақ халық үшін күшін сарқып.  
Қалмақтар басып алған мал мен жерді,  
Алмақшы қан майданда күшпен тартып.

Атақты батырлардың көбі сонда,  
Атанған қиын кешу ұзақ жолда.  
Қолбасы ер Олжабай әскерді ертіп,  
Жөнелген Абылай аспас сары жонға.

Сары жон қалмақтардың батыс жағы,  
Қаптаған мал кеңдігі елдің бағы.  
Бүгінгі Қарқаралы кең аймақтың,  
Тауынан жылап аққан сүт бұлағы.

Кең қоныс қалың қалмақ мекен еткен,  
Қазақтан тартып алып орын тепкен.  
Терістік сыртын ала Ресей жақ,  
Олжабай батыс ала тиген шеттен.

Бөгембай, Малайсары, Ер Олжабай,  
Қалмақтың қалың қолын қырып қойдай.  
Ақтау, Ортау, Қоянды, Жастар таудың,  
Бостырған елі менен бірін қоймай.

Сол жолдан келгеніне үш күн өткен,  
Той істеп Абылай хан ерді күткен.  
Ордада қолбасшылар отырғанда,  
«Өлді деп Жасыбай батыр» хабар жеткен.

Қайғырды Жасыбайға жолдастары,  
Тар жерде жан қиысқан сырластары.  
Қар жауып қабағынан батырлардың,  
Байқалды кегін алмай тынбастары.

Ел еріп, жасын төкті Жасыбайға,  
Ер өлсе елдің көңілі жасымай ма?!  
Қан майдан ажал орны жекпе жекте,  
Ер еді қайраты асқан екі ұдайда.

Жасыбай қайғы салды батырларға,  
Ер өлсе елде тиыш жату бар ма?!  
Аттандап қайғылы күн күйін тартып,  
Дауыс қып қара салды қатындар да.

(11) Орта жүз жыр тотысы Бұхар жырау,  
Қайғылы, қабағынан жауды қырау.  
Теңселіп боз жорға аттай айыр көмей,  
Сөйледі ханға қарап қоймай сұрау:

Атам қазақ болғалы,  
Үдере көшіп қонғалы,  
Қоныстанып тұрақтап,  
Іргесі Орда болмады.

Үш жүз болып құралмай,  
Бір орда болып тұра алмай,  
Сарыарқаны шарлады,  
Жолда жортқан құландай.

Шығыстан моңғол жабысты,  
Аяққа басты намысты.  
Қызыл қарын жас бала,  
Еңкейген қарт ата-ана,  
Қысымы күшті қорлықтан.  
Озбыр өкім, зорлықтан,  
Қан жылады, зар ішіп.

Сырдан ауып келгенде,  
Ел тиыштық көргенде,



Орта жүз боп бас қосып,  
Іргені белден көмгенде,  
Шүршіт-қалмақ жау болды.  
Таласы аула тау болды.  
Ерді өлтіріп, малды алып,  
Арада бітпес дау болды.

Елдің ері жиналды,  
Ел үшін жаны қиналды.  
Қанды кекті қайтарып,  
Қанмен жауы сыйланды.

Ел үшін еңбек қылғаны,  
Елден адал туғаны.  
Ел үшін қанын төккені,  
Адамдық сертке жеткені.  
Ел үшін құрбан болғаны.

Ер туысы ақталып,  
Ел ауызында сақталып,  
Таңғы жарық шолпан боп,  
Еліне туған сұлтан боп,  
Мәңгі бақи тұрғаны.

Кешегі батыр Жасыбай,  
Көкше шақпақ тасындай,  
Сойы қатты сом болат,  
Өмірі өтті жасымай.

Жылағаннан не пайда,  
Өлімге жоқ түк айла.  
Дәм таусылып, дем бітсе,  
Әйеліне қарай ма?!  
Өзелде жазу осылай,  
Тыңда мені, Абылай!  
Қайғыменен қарымай.  
Жортуылда ер өліп,  
Елің отыр жарымай.  
Қайратты бол қажымай,  
Тақта отырып арымай.

(12) Болар істің қамын қыл,  
Жадырап шілде жазындай.  
Тыңда мені, ерлерім,  
Жау аса алмас белдерім.

Ердің қанын қанмен жу,  
Сендер едің сенгенім.

Жолдарың болар жорықта,  
Тыю болар зорлыққа.  
Өзі тиген өкінбес,  
Күш жұмсасаң қорлыққа.

Қойдан қоңыр ел едік,  
Сыйласқан елге кең едік.  
Ел мен жерім аманда,  
Таусылмас қазына кен едік.  
Қазақ-қалмақ туыстас,  
Кірме емес тең едік.  
Көрші ел болып қоныстас,  
Жауласпаспыз деп едік.

Ол сөзде қалмақ тұрмады,  
Үнемі зорлық қылғаны.  
Талай батыр ерлерім,  
Елдің болды құрбаны.

Кінә жоқ бізде жазық жоқ,  
Зорлыққа тұрақ қазық жоқ,  
Өкпелемес Ежен хан.

Өзі көрер өзінен,  
Айныған байлау сөзінен,  
Уағдадан тайғанын ұрғанын,  
Момын елді күйдірме.  
Ханы тартсын жазасын,  
Ел шаруасын бүлдірме.  
Қайтарар бір күн азасын.  
Хан ордасын талқанда,  
Ер екен деп санасын.

Бас басына батырлар,  
Арнап міндет артамын.  
Ата-аналық хақым бар,  
Алдарыңа тартамын.

Ел тойғызып өсірді,  
Сендердей батыр арланын.  
Қорға жаудан еліңді,  
Панасы сендер Арқаның.

Қара қабан Бөгембай,  
Қайтпа жаудан кек алмай.  
Ерім өлді арманда,  
Сапарынан келе алмай.

Малайсары батырым,  
Күшіңе сай ақылың.  
Ер билігі жоқтайтын,  
Жаттан өлген жақының.

Жауды жайрат аянбай,  
Ер Көкше мен Баяндай.  
Қиын қыстау, тар жерде,  
Бұзушы едің қамалды-ай.

Қанды жорық Олжабай,  
Болат тіреу ордам-ай!  
Жау байлығын әперген,  
Жолда жатқан олжадай.

Қолды баста, тез аттан,  
Ту көтеріп үш жақтан.  
Ер күндеген шапақта,  
Нөсер төгіп садақтан.

(13) Болат қару тарланым,  
Арыстандай арланым.  
Сен тіріде құламас,  
Сары ала туы орданың.  
Сен туған соң кегімді,  
Жат жауынан алғамын.  
Байырлатып елімді,  
Төріне орда салғамын.  
Қалмақ қолын қиратсаң,  
Жасыбайдан қалғаның.  
Аула тауды босатсаң,  
Ердің құнын алғаның.  
Хан Ордасын құлатсаң,  
Тұтанар өшіп жанғаның.  
Елге сауға сұратсаң,  
Өлімге өктеп барғаның.  
Келісетін сөз болса,  
Бітер сәті кез болса,  
Жеңемін деп желігіп,  
Ашулы күшке елігіп,

Қарысып қатып қалмағын.  
Хан әскері жеңгенде,  
Ел шетіне енгенде,  
Іште қан боп қататын,  
Көрге бірге жататын,  
Елге бүлік салмағын.

Елші жүрсе араға,  
Жеңілді деп санама,  
Өзінді тым-ақ зор тұтып,  
Өзгені малға санама.

Бағындырар күш болса,  
Алдыңа салар іс болса,  
Тынымын қыл екі елдің.  
Әдеті сол шын ердің.  
Өлген қайтып келмейді,  
Төгілген тұтас толмайды,  
Өткен іске қарама.

Төлебай, Жаман батырлар,  
Бұл соғысты мақұлдар.  
Ерді өлтіріп, ел шапқан,  
Жауға аяздай сақылдар.

Ер Шотана, Ақсары,  
Құралып тұр бастары.  
Сан майданды қайралған,  
Сайдың көкше тастары.  
Құрбы-құрдас жастары,  
Елдің болат бастары.  
Шотана айғай салғанда,  
Бұзылған жаудың жапсары.

Табылдыдай ерім бар,  
Ордалы байтақ елім бар.  
Бал өзені тулаған,  
Мал кіндігі жерім бар,  
Соны қорғап бағыңдар!  
Жауға қарсы барыңдар.  
Кеткен жерді қайтарып,  
Ежен ханнан алыңдар.

Нағра дабыл ұрыңдар!  
(Қамданыңдар, тұрыңдар).

Бет күйдірген айбатпен,  
Тас үгетін қайратпен,  
Жау әскерін қырыңдар!

Аңсаған құлан қадірін,  
Айдалада қақ білер.  
Төс айылдың батқанын,  
Иесі білмес ат білер.  
Ер жігіттің қадірін,  
Ағайын білмес жат білер.  
Жорық жолын болуын,  
Қария білмес сәт білер.  
Ердің күші асуын.  
(14) Қайрат білмес бақ білер.  
Өлімнің ерте-кештігін,  
Бір жаратқан Хақ білер.

Тәуекелге бел байла,  
Хабар тарат маңайға.  
Құрбандық шал, Абылай,  
Қанды соғыс оңай ма?  
Елдің болат ерлері,  
Қару қайрап даярла.  
Ердің алып күштері,  
Жыр боп жетер талайға.  
Ердің қанын алуға,  
Елдің кегін алуға,  
Жауға қырғын салуға,  
Есте мәңгі қалуға,  
Қамданыңдар қалмаққа!

Қамданды қалың әскер кешке қарай,  
Бел шешіп қан кешуден дамыл алмай.  
Түгел кеп қан ордадан басын қосты,  
Ту ұстап, тұлпар мінген ерлер талай.

Тынымсыз әзірленіп үш күн ұдай,  
Болаттай басын қосты өңшең құмай,  
Боз төбел арғымақты құрбан шалып,  
Әскерін аттандырды хан Абылай.

Бұхардың сонда берген ақ батасы,  
Қолда деп Арғын баба ел ағасы.  
Ақжолдың жортуылда жолын беріп  
Елімнің аман келсін ер баласы.

Қаз тізбек қалың қолды бастап солай,  
Алдында оқшау барады Ер Олжабай.  
Артында тас тосқауыл Малайсары,  
Орталық ту ордасы қарт Бөгембай.

Үш тулы қарулы қол соңына ертіп,  
Желіккен тұлпар мініп, көңілі серпіп  
Олжабай Сарыарқаны күңіреңтті,  
Абылайдың «Қара жорға» күйін тартып.

Батыр бар неше түрлі жүрген еріп,  
Замандас, тілегі бір, жаны серік.  
Алысқан ауыздықпен тұлпарлары,  
Жер сүзіп, қарыстырған қолды керіп.

Шырқаған сыбызғыға үнін қосып,  
Құландай желге беттеп, ауған жосып,  
Жел кескен сағымша ойнап Көксерек ат,  
Із түскен қара жерге қардай жосып.

(15) Тік ұшқан бозторғайдан орғып, шошып,  
Жез бауыр, тигендей-ақ бауырын осып.  
Батырдың қарын сілкіп, жер тебініп,  
Алады көз көрімнен тосып-тосып.

Қос құлақ қайшыланған терлеп түбі,  
Құлпырған масатыдай тұлпар түгі.  
От шашқан болат тұяқ дүмпуінен,  
Түстіктен естіледі жер дүбірі.

Көксерек көкке қарғиды алып ұшып,  
Тұқырып, кейде орғиды тізе құшып,  
Есінеп, басын шұлғып, кербез басса,  
Жамбыдай жарқырайды көбік түсіп.

Тұлпарлар екпінімен ауа кескен,  
Торғындай бетті желпи самал ескен.  
Қолбасы Ер Олжабай үздік барады,  
Кек қайнап, ерлік тасып, қайраты асқан.

Тұлпарлар жер тамырын сүзе тартып,  
Бой бермей кідіріске жерді тарпып.  
Шағылып күн нұрына алтын тулар,  
Жұлдыздай ағып барады жерде қалқып.

Көрінді көк дулыға таудың басы,  
Қан бояу қызыл қына шыңның тасы.  
Сыбызғы жоқтау күйін шырқап тартып,  
Ат қойды «Ой, бауырым!» деп ер жолдасы.

Ту теңсеп, ат ойнатты Ер Олжабай,  
Шотана күркіретіп салды айғай.  
Тепкісі топ тұлпардың жерді теңсеп,  
Толқытты Шойынды көл суын шайқай.

Тер ағып тебінгіден Малайсары.  
Сүйенген боз жорға атты ердің жары.  
Желбіреп басын тартқан қара торғын,  
Өртеніп күйіп барады ару жаны.

Дауысына күңіренді тас күмбез үй,  
Зар толғап сыбызғыдан төгілді күй.  
Шомылып қайғы-зардың теңізіне,  
Таскынмен тартып барады Тайкелтір би.

Бекболат карауылдап шықса тауға,  
Көрінді көз ұшында Жаман аула.  
Сол таудың терістігін тозаң басып,  
Келеді қалың әскер ел ме, жау ма?!

Сор тұтастырған жердің шаңын,  
Күңгірттеп жасыл торғын көк-аспанын.  
Оқшадан көтерілген тозаң перде,  
Батырға байқатпайды қолдың санын.

Қырағы Қызыл шыңнан қарап тұрып,  
Таниды Абылайдың туын көріп.  
Алдынан Олжабайдың шауып шығып,  
Көрісіп, аттан түсіп, жаяу келіп.

Жасыбай қолбасшымыз ту ұстаған,  
Жекеге қалмақ ері шығыспаған.  
Шеп бұзып, топқа кірген батырлардан,  
Қырылып Қандыадырдан ығыстаған.

Ер еді мүйіз жүрек жауға батыл,  
Өлшеусіз бойға біткен күш пен ақыл.  
Әскердің жау алатын айдыны еді,  
Алып күш, беті жалын, сүйегі асыл.



Ажал кеп есіл ердің қанын төкті,  
Сақтанбай қапы қалып, арманда өтті.  
Ел үшін жау қолынан шейіт болды,  
Артқыға аманат етіп қанды кекті.

Батырлар Бекболаттың соңынан ерді,  
Тау асып, зияратқа жаяу келді.  
Еске алған Жасыбайды ер сөзіне,  
Қызыл шың қайғылы үнмен күніренді.

Сен өлдің алтын бесік елің үшін,  
Құрбан боп ел анаға өмір көшің.  
Ер өлер, ел өлмейді ер туғызған,  
Сақталар ел ауызында ерлік ісің.

Батырға ауырып өлу емес мұрат,  
Пайдасыз ұзақ өмір кәрілік сұрап.  
Ер туып елі үшін құрбан болса,  
Аты өлмес, күші сөнбес гауһар шырақ.

Бүгін бар, ертең – өлім, өмір – шолақ,  
Туған жан ажал күтер күнін санап.  
Сақтаса ел кәдірлеп ердің атын,  
Дүниеге келудегі мақсат сол-ақ.

Олжабай қатуланып жауып қабақ,  
Ант берді зияратқа, кегін алмақ.  
Кіргенше қара жерге қаныңды іздеп,  
Қырармын майдан сайын мыңдап қалмақ.

(17) Ақсақал көк шапанды боз жорға аттай,  
Сөйлемес айыр көмей кезін таппай.  
Тұнжырап терең ойдың түбін күзеп,  
Шыққалы Тәңір қатқан бір сөз қатпай.

Келген соң сыбағалы сөзден кезек,  
Тұрар ма сөз тұлпары бойын тежеп.  
Бұхарда 17 жыл билік айтқан,  
Сөйледі Тайкелтір би тілін безеп:

– Батырларды сақта, еліңді сүй,  
Ел үшін аязға тон, жалынға күй.  
Жіберме ердің қанын, ел намысын,  
Ел үшін қаныңды төк, жаныңды қи.

Келінжан, Ақмаралым, есіңді жи,  
Қазаға сабыр қылып, жасыңды тый.  
Ер туып, елі үшін құрбан болса,  
Ол қымбат тағдыр тартқан ең үлкен сый.

Сөз тұлпары түйдектеп,  
Тілдің майын тамызып.  
Әуелі жылы сөйлеп кеп,  
Кетті тарлан ағызып.

Ер жігіттің белгісі,  
Ар-намыстан аттамас.  
Елге өнеге-үлгісі,  
Ұр-зорлықты жақтамас.  
Сүттен таза жүрегі,  
Арамзалық сақтамас.  
Әділет, теңдік тілегі,  
Арамдықты ақтамас.  
Төгілетін қан үшін,  
Шығатұғын жан үшін,  
Пенде болып дұшпанға,  
Темір талқы қысқанда,  
Имес батыр жатқа бас.

Елеусіз ынжық жан өлсе,  
Елін сатқан хан өлсе,  
Қара салып, қамығып,  
Қайғы жұтып, жабығып,  
Ел еңіреп жоқтамас.  
Жылағанмен дем алмай,  
«Қой!» дегенге тіл алмай.  
Өзіңді қинап қайғырып,  
Қажисың-ау, жеңе алмай!

Құлыншағым, келінім.  
Сөзін сыйла еліңнің,  
Сабыр етіп қазаға.  
Қайырын тіле еріңнің.  
Ерің өлді амал не?!  
Тумақ-өлмек әуелден  
Өлмей жүрсе туған жан,  
Сыя ма адам әлемге?!

(18) Өмірін сұра қалғанның,  
Тұтанар өшіп жанғаның.

Тәубе қылып, сабыр ет,  
Пәрменіне Алланың.  
Өмірге адам өкінбес,  
Алғы өмірден түңілмес,  
Шайтан ісі сабырсыз,  
Күнәға қарсы жүгірмес.  
Сел ағызып көз жасын,  
Қайғыға салып өз басын,  
Бусанған жас қабірді,  
Тебіrentпес жолдасын.  
Құшақтамай қабірді,  
Келін жаным, көтер бас!  
Тасқа сокпай сағыңды,  
Есіңді жинап, мауқың бас.  
Амал бар ма, құлыным,  
Жан өзегім жұлыным,  
Алла ісіне тоқтамас.

Аурудың қайғы өртіне іші жанып,  
Қадалған қасірет оғы өзек жанып.  
Бусатып жас қабірді құшқан құшақ,  
Әлсіреп құлап кетті бойы талып.

Сорғалап мөлдір меруерт көздің жасы,  
Қобырап қара жібек қолаң шашы.  
Оқ тиген ақ маралдай сылқ еткенде,  
Қынжылап төмен түсті ердің басы.

Сол күні тауға қонды адамдары,  
Белгісіз ертеңгі күн не болары.  
Қанды ауыз кімнің алдын көр тосып тұр,  
Хабарсыз ажал келіп кімді алады.

Шошытты таңғы дауыс тас жарғаны,  
«Аттан» деп Олжабайдың жар салғаны.  
Адамның сырттанының дауысын танып,  
Тығылды тас үңгірге тау арланы.

Сап түзеп, даярланды батыр қолы,  
Жебеші темір қаттау оң мен солы.  
Шыңғыртып таңғы ауаны жел дабылы,  
Жөнелді қанды сонар жорық жолы.

Басқарып тубасылар әрбір тұстан,  
Күш тасып, арқа мұздап, ашу қысқан.

Қол бастап Ер Олжабай жүріп кетті,  
Шөгелдей қанға жерік шабытқа ұшқан.

Тізбектеп топқа бөлген батырлары,  
Қан кеппес жез тебінгі тақымдары.  
Желбіреп жібек тулар шалқып барады,  
Белгісіз кімді өлімнің шақырғаны.

(19) Саңқылдап көк қыраны темір шеңгел,  
Жаңғыртты жазғы ауаны жасыл шеңбер.  
Ер дауысын бұлтты жарып, күнге косты,  
Серке алған қанды балақ сары шөгел.

Таң самал, көк жетілген жердің сәні,  
Сайраған орман іші бұлбұл әні.  
Жадырап бұлт астынан шыққан күндей,  
Бөленді ырахатқа ердің жаны.

Төрт тулы сегіз мың қол сан шамасы,  
Құралған қабыландай ердің басы.  
Жебесіз Абылайдың туын алған,  
Ер Шәуке Ақбураның ер баласы,

Ұстаған орта туды Ер Төлебай,  
Әдіс, қайрат, ерлігі батырға сай.  
Жебеші оң жағында Алып Сары,  
Жауға шапса көңілі болатын жай.

Үшінші ту қазығы қарт Бөгенбай,  
Жебеші батыр балуан Ер Қабанбай.  
Майданда ақ алмастан ажал сеуіп,  
Сусайтын қырған сайын қанға тоймай,

Төртінші ту тірегі Ер Бекболат,  
Өлшеусіз бойға біткен алып қайрат.  
Жау тобын талқандайтын жалғыз шауып,  
Қой көрген аш қасқырдай көзі жайнап.

Қолбасшы Ер Олжабай алдын созып,  
Әскерден көз көрім жер кетті озып.  
Көргенде жау қарасын сабыр таппай,  
Шымырлап бұлшық еттер күші қозып.

Қатерлі қан жорықта белін шешпей,  
Дұшпанның майдан жерде басын кеспей.

Олжабай тыным алып жадырамас,  
Ту жығып, жау тобының қарасы өшпей.

Жайланып соғыс бітпей ішпес тамақ,  
Қатерлі қарауылды өзі қарап.  
Ыстықта ақ малтаның суын сорып,  
Құлшынар нар бурадай батыр жарап.

(20) Қазақтың өңшең көкжал батырлары,  
Таң ата Серектасқа жақындады.  
Құрсаулап темір қыспақ қырғын бермек,  
Ерлердің қол бастаған ақылдары.

Қалмақтың қарауылы Серектастан,  
Көрген соң қалың қолды ту ұстаған.  
Ері өліп, елі ауып өшіккен жау,  
Топтанды жауар күндей құрыстаған.

Жау қолы тау іргелей жайып қанат,  
Ортаға сары шашақ туын қадап.  
Алтындай Абылайдың туын танып,  
Таңырқап тау құлжадай тұрды қарап.

Әскері Абылайдың қатар түзеп,  
Найзамен дабылды ұрды қанды желек.  
Көтеріп Абылайдың ала туын,  
Батырлар алдында тұр балуан білек.

Екі орта сары жазық мидай дала,  
Қалтарыс көрінбейді сай мен сала.  
Әскердің әдеттегі қалпын сақтап,  
Сөйлесті екі жағы елші сала.

Бастаған қалмақ қолын батыр Көбен,  
Тосқауыл жау жолатпас Құба мерген.  
Ерікті он мыңдай бар жау шамасы,  
Батыры аты шыққан Балуан Себен.

Туы екен сары шашақ Ежен ханның,  
Аймағы әскер толған темір желек (желең).  
Алтын мен күміс жауып, кесте тіккен,  
Келістіріп хан суретін қолдан жасап.

Білетін барлық қалмақ Олжабайды,  
Ерлігін жау болса да қорламайды.

Көрген соң төніп келген мұзбалақты,  
Қояндай қалмақ қолы қорғалайды.

Батыр көп қалмақтарда неше алуан,  
Күші асып, беті қайтпай жүрген жаудан.  
Ортаға ат ойнатып шыға келді,  
Ақырып, жекпе жек деп Себен балуан.

(21) Шағылып күнге күміс ердің қасы,  
Гауһар тас жарқырайды дулығасы.  
Сырттанның арқа қара қылшығындай,  
Асып тұр дулығадан маңдайшасы.

Отыз бес шамасында жеткен жасы,  
Тұлғасы тұтас біткен құздың басы.  
Тартысқан томағасы ақиықтан,  
Кемітер адам емес ердің басы.

Астында қара тұлпар көкке шапшып,  
Тақыммен бірге ойнайды жүрсе жалт-жұлт.  
Ақ сауыт, болат қару алтындаған,  
Шағылған күн нұрына көзге жарқ-жұрқ.

Тепсініп майдан жерге салды айғай,  
Кернеген ашу-қайрат бойға сыймай.  
Батырға өлімнен де намыс ауыр,  
Ер емес жасқанатын жанын қимай.

Олжабай жекпе жекке барды өзі,  
Жайнаған қанталаурап ердің көзі.  
Жел күнгі қалың өрттің жалынындай,  
Бетіне шыдар емес жаудың жүзі.

Тұрған жоқ тізгін тартып, атын тежеп,  
Жолды асып, жасы үлкенге беріп кезек.  
Қайрат пен ашу қысқан екі батыр,  
Тебініп қарсы ұмтылды найза кезеп.

Тұлпарлар бой бермейді көкке қарғып,  
Таңданып екі жақтың есін дал ғып.  
Жалтылдап оқ жыландай болат найза,  
Ториды ақ сауыттың көзін аңдып.

Жартасқа көк төнгендей тұлпар тоқтап,  
Найзаның жез үгінен салған нықтап.

Батырлар тақым қысып ырғағанда,  
Аттары жерге батты толырсақтап.

Үскідей жасыл алмас темір тесіп,  
Қанжардай қалың қаптау жібекті есіп.  
Елетпей ет жарасын қайратты ашу  
Бірғайды омыраулап жаннан кешіп.

(22) Қан ішер жасыл алмас түйреп жанды,  
Ағызды қырмызыдай қызыл қанды.  
Ажал кеп арада тұр кезек қарап,  
«Қайсының біреуісін» деп «шығар жанды».

Жүйрік пен батырларды найза сүзіп,  
Алып қол толғауымнан қанға жүзіп.  
Тebініп, тұлпар мініп ақырады,  
Алмадай алмақшы боп жанын үзіп.

Тасқындап екі ердің қайрат, күші,  
Қаттасып тотыққандай беттің түсі.  
Жан алу, жан беру де қан майданда,  
Елі үшін басын берген ердің ісі.

Қайысып дүлдүл тұлпар мінген аттар,  
Солқылдап көк шыбықтай емен саптар.  
Алысқан екі арсылан елі үшін,  
Ойда жоқ арын сатып, жанын сақтар.

Олжабай ұшқын көзден ұшқын шашып,  
Ақырды ашу кернеп, күші тасып.  
Найзаның дүмін төске беріп,  
Қамшыны Көксерекке қалды басып.

Арандай жаны ашынып, аузын ашып,  
Тік атты Жезбауырдан тұлпар сасып.  
Толқындап күш салды ма толарсақтап,  
Ұмтылды көкке шапшып жанталасып.

«Әуіп» дейді күшпен батыр найзаны ырғап,  
Сом білек, тас төсті аттай тулап.  
Көк желек сауыт бұзып, қаттау тебіп,  
Сақылдап қанға жүзді кеуде бойлап.

Шодырайтып омырауын ердің атын,  
Шыдатпай темір тепкі жанның дәгін.



Ер Себен ат артынан ойыспады,  
Босатып тебінгіні қысқан тақым.

Шоңқайып қара тұлпар жерге шөкті,  
Екі ерден көтере алмай түскен жүкті.  
Көргенде тітіреніп майдан жерін,  
Олжабай Ер Себеннің қанын төкті.

(23) Қалмақтың батыры өліп, қайғы басты,  
Қаралы ту көтеріп төкті жасты.  
Жекеге Олжабайға ер шыға алмай,  
Қойдай боп қасқыр көрген құты қашты.

Өлтірді Ер Себенді кегін алып,  
Қайратын суғарғандай қанға малып.  
Майданда ат ойнатып, жауға қарап,  
Шақырды жекпе жекке айғай салып.

Көксерек есінейді шиыршық атып,  
Созылып қақпан белі, бауыры қатып.  
Құлаулы ит тигендей шалқып, тулап,  
Тарпыды қашау тұяқ жерге батып.

Тосып тұр Ер Олжабай жеке балуан,  
Тақымда тұлпар ойнап неше алуан.  
Ұйлыққан арсыланнан қой секілді,  
Батырға ер шықпады қалың жаудан.

Батырдан жау қорғалап, қайраты асты,  
Күш кернеп тұла бойын судай тасты.  
Отты көз ұшқындатып арқа мұздап,  
Тұлпарға Ер Олжабай қамшы басты.

Жезбауыр Көксерекке тиді қатты,  
Серпілді Есілдей боп, аспанға атты.  
Суырып қызыл құрыш наркескенді,  
Олжабай қалың қолға жалғыз шапты.

Қапта деп Ер Бөгембай құйды атты,  
Қабанбай Абылайлап ұран тартты.  
Батырлар жолбарыстай алдын сүзіп,  
Тасқындап қанды топан бара жатты.

Олжабай бұрын барып араласты,  
Суырып сағасынан ақ алмасты.

Иықтан доп сияқты ұшырады,  
Жарқ етіп, қызыл құрыш кескен басты.

Кей кезде көк сүңгісін қарына алып,  
Тұлпары орғып, ойнап топты жарып.  
Құлатқан қарақшыдай түсіреді,  
Кеуде ұңғысынан қанға малып.

(24) Ақырды арсыландай Олжабайлап,  
Дауысынан ажал дабыл жау қорғалап.  
Жақ ілген емен найза қызыл бояу,  
Ағып жүр қылышынан қан сорғалап.

Жол ашып, қиратады қалың қолды,  
Тез жұмсап бар қаруды оңды, солды.  
Жусаған жемтік томар ми қорық боп,  
Сай-сала қызыл нөсер қанға толды.

Бөгембай қара қасқа тұлпар мініп,  
Таң қалды қайратына көзі көріп.  
Ұшырып қан сүңгуір мылқау басты,  
Майданда баудай турап, алмас тығып.

Көп жаудың ортасында Ер Қабанбай,  
Қырып жүр күші қызып өш қабандай.  
Ұрттайды ат үстінде қызыл көбік,  
Шаң жұтып сосын тілеп кепсе таңдай.

Қан жүзіп тебінгіден Малайсары,  
Майданда шарықтайтын ердің бағы.  
Қырылған мұз бұршақтан шегірткедей,  
Селдіреп жатып қалды жүрген жағы.

Жауырын қақпақтай боп Сары балуан,  
Көрсетті өлім түрін неше алуан.  
Қылыштан тамшылаған адам қаны,  
Секілді себелетіп жаңбыр жауған.

Ту ұстап, сол қолына Шәуке батыр,  
Кіреді қалың топқа сонда батыл.  
Тоғыз кез оң қолында желек найза,  
Орнатты жауға қырғын омақа қып.

Аймағын түгел жайпап Ер Бекболат,  
Қос жүзді көк алмаспен жанды турап.

Қылыштан морт түсіріп ұшқан басты,  
Шүлдіреп домалайды аттай тулап.

Сыналған ердің бірі Бағылды еді,  
Арғыннан шыққан батыр арғы тегі.  
Әйтекей айбалтамен белден қиып,  
Қозады қырған сайын қанды кегі.

(25) Ағызды ат бауырынан қанды қызыл,  
Тым шапшаң бидайықтай Төлебай ер.  
Жұмсайды қылыш, найза екі жақтан,  
Өлікте омақ ойып Байеділ жүр.

Байеділ қан қақсатқан жүрген жағын,  
Сындырған талай батыр, ердің сағын.  
Құлмерген садақ тартқыш шапшаң дағы,  
Көтерген жан алқымда ердің бағын.

Үстінде үш пұт шынжыр, болат сауыт,  
Жасқанып жау оғынан қылмас қауіп.  
Қалмақтың жау жақтағы жолын кесіп,  
Майданды жарып өткен бұза шауып.

Атақты үш батырды қасына ертіп,  
Құрсаулап, артын орап, кейін серпіп.  
Тықырып оқ қамаумен орталыққа,  
Түсіреді жау қанатын кезек кіріп.

Тұлпары астындағы қозы күрең,  
Соғады өмір-үміт қолды керіп.  
Тапсырған Тобылдың міндеттерін,  
Кетеді кейде ұмытып ортаға еніп.

Жебелеп садақшының оң қанатын,  
Көрсетіп жүр енді ерлік салтанатын.  
Шығармай бекініске қаусырмалап,  
Тықсыра жайратып жүр жаудың артын.

Әр жақты тосқауылдап Батыр Жұман,  
Шендескен жау қалған жоқ онан аман.  
Кейде атып, кейде түйреп, кейде шауып,  
Көрсетті қырғын әдіс неше алуан.

Жарқырап ай орнатқан көк дулыға,  
Тынымсыз қимылдайды болат тұлға.

Садақтың оғыменен қайтармалап,  
Бір жауды босатпайды Серекшыңға.

Шотана күн сықылды күркірейді.  
Қашқан жау қойдай үркіп дүркірейді.  
Сыпырған тас түлекті сипап өтті,  
Қызыл қан өткіншідей сіркірейді.

(26) Сол жақта Тобылдымен тізе қосып,  
Жау артын талқандап жүр ойран салып,  
Ебенді Гүсөбізбен шеттей жүрген,  
Ұмтылды ер қыранның көзі шалып.

Кертайлақ тебінгенде жерді теуіп,  
Арандай аузын ашып, танау кеуіп,  
Уатып болат тұяқ, тиген тасын,  
Боратты бытырадай құмды сеуіп.

Ебеннің ерлік күші қанға қозып,  
Қыл құйрықтап шығады озып-озып.  
Көбенді оң қанаттан жеке алып,  
Байқайды батырларды мойын созып.

Найзасы қызыл белдеу, көк желекті,  
Талайдың жанын түйреп, қанын төкті.  
Орталық қан құрысқа түсіп кетпей  
Бір шеттен түсіріп жүр төңіректен.

Шотана көрген емес ерден шошып,  
Қыздырды Кертайлақты санын осып.  
Қырандай төніп келген ерді көріп,  
Ұмтылды Ебен батыр найза тосып.

Тұлпардың екпінімен екі батыр,  
Қорқаудай қарсы шауып келе жатыр.  
Темір төс, екеуі де тас дулыға,  
Өлімге өкініш жоқ құны татыр.

Айқасып арсыландай найза салды,  
Кек-намыс аяттырмай шыбын жанды.  
Ебеннің ақ сауытын нұрдай бұзып,  
Өкпеге үнгісінен найза барды.

Құлатты керек қылмай ақ сауытты,  
Ер еді жау жақтағы бір қуатты.

Шотана ат ойнатып, қалқан ұрды,  
Көрсетіп кереметті бір сәулетті.

Сол бетімен өрледі кейін қайтпай,  
Құлатты жолындағы жауды талай.  
Қайта кеп Тобылдымен қанаттасып,  
Барабар ерді өлтіріп, батыр Құмай.

(27) Қалмақтың Көбен батыр асқан ері,  
Қолбасы алтын тулы өжет пері.  
Өлген соң тас тығырық Себен балуан,  
Қиналып шықты бүгін ащы тері.

Тұлпары қызыл бурыл, киікше ойнап,  
Кірмейді қалың топқа терең бойлап.  
Атақты батырлардың сыртын алып,  
Шеттете тосып жүр шаңында ойнап.

Жұлдыздай орағытқан кейде ағып,  
Сырт сілтеп жолдағының басын қағып.  
Қалқанын қарға төсеп оқшау жерде,  
Алады ақ семсерін жанып-жанып.

Садақшы шеткі бұққан Құба мерген,  
Адам жоқ әзір байқап, оны көрген.  
Бетке ұстап Отау тасты дәлдеп атқан,  
Оғынан талай сарбаз қапыда өлген.

Көздеді Тобылдыны сонау дөңнен,  
Тосып ап отыр кезін дәл бүйірден.  
Армансыз кең жауырынын қиғаш салып,  
Токтады өкпе тұс деп көлденеңнен.

Құй жебе оқ жыландай сумаң қағып,  
Қадалды шарайнаның көзін жарып.  
Сауыттың тоғыз көзін түгел бұзып,  
Оқтады тұтқыр жібек қаттау барып.

Тобылды дүмпуінен бір теңселіп,  
Батырды әкеткен жоқ оқ еңсеріп.  
Тұлпардың басын тежеп, көлденеңдеп,  
Қарады жау жағына көз төңкеріп.

Сары жазық Отау тастың айналасы,  
Көрінді садақшының бой қарасы.

Тұлпардың екпінімен озып кетіп,  
Оқ жетер нысана емес екі арасы.

Ер Жаман жебеші еді бүйірдегі,  
Қан қозып тұлпар қызған күйіндегі.  
Батырды шетке апарып сарайынан,  
Жүгіртеді ақ болатпен түйіндегі.

(28) Оқ артын Құба мерген тұрды бағып,  
Қар тартты садағына шақпақ тағып.  
Танданып өзіне өзі күбірледі,  
«Апырмай аман кетті батыр нағып?!».

Тобылды оқ садақты тез қолға ап,  
Оқ атқан Отау тастың түбін болжап.  
Шіреніп ат үстінен бір мықындап,  
Тістеніп қос толқынмен тартты толғап.

Оқ зулап Құба мерген ерге жетті,  
Тас жанып, тау бұзатын күшпен тепті.  
Қос қабат тас сауытын бұзды жыртып,  
Жауырыннан жай оғындай жарып өтті.

Олжабай әлсіретіп қалмақ қолын,  
Қайнатты қанды желек жаудың сорын,  
Шақырып жебешіні қасына алып,  
Болжады шығыстағы жаудың жолын.

Түйет батыр жаудың қоршап артқы жағын,  
Боялған қызыл түске бұлдыр сағым.  
Күн бұғып, қанды Серек бойы тозаң,  
Уақыттың байқатпады мезгіл шағын.

Ел үшін сан қинаған батыр жанды,  
Ағызып ат бауырынан қызыл қанды.  
Бекініп Сұлу шыңнан үзбей бағуын,  
Майданның ар жағына көзін салды.

Қараса әскерінің артын орап,  
Тік атқан тұлпарынан тозаң борап.  
Қос арқау жебешіні қанатқа алып,  
Бір батыр ойран сап, шоршытты жанап.

Селт етті Олжабайдың ашу күші,  
Түнерді жауар күндей беттің түсі.

Көрген соң жау өлтірген өз әскерін,  
Жалынды от боп кетті ердің іші.

Тұлпардың кер айылын баса тартып,  
Жұмсайтын келді кезек күшін сарқып.  
Шеттегі Ер Көбенге тура тартты,  
Жел тұрған қалың өрттей қайта шалқып.

Ер Көбен жау жақтағы қара құмай  
Кек алған қан майданда жаудан талай.  
Жау баққан жебешіге хабарлады.  
Берік бол келді деді Ер Олжабай.

### **Жазған Шаймерден Торайғырұлы**

*Versions of the epic poems about Olzhabai batyr by Moldazhan Zhadayuly, Zhayau Musa Bayzhanov, Ertai Kulsariev are kept in the funds of the Central Scientific Library and the Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov. Here is the version of Shaymerden Toraigyruula, kept in the family personal fund of Academician Alkey Margulan, first translated from Arabic script into modern Kazakh writing by Bagdat Dyusenov.*

*Версии эпических стихов об Олжабай батыре Молдажана Жадайұлы, Жаяу Муса Байжанова, Ертая Кульсариева хранятся в фондах Центральной научной библиотеки и Института литературы и искусства им М. О. Ауэзова. Здесь представлена версия Шаймердена Торайғырулы, хранящаяся в семейном личном фонде академика Алкея Маргулана, впервые переведенная с арабской графики на современную казахскую письменность Багдатом Дюсеновым.*



## РЕЦЕНЗИИ

**М. Х. АБУСЕИТОВА**

### **«КАЗАХСКОЕ ДВОРЯНСТВО. XIX – НАЧАЛО XX ВВ.»**

Монография «Казахское дворянство. XIX – начало XX вв.» авторов Г. С. Султангалиевой и У. Б. Тулешовой, вышедшая в Алматы в издательстве «Қазақ университеті» в 2020 году, посвящена очень важной и практически не изученной теме вхождения представителей казахского населения в состав привилегированного дворянского сословия Российской империи. Благодаря этому исследованию мы видим, что это явление имело место в истории казахского народа, и на протяжении XIX – начала XX в. сложились казахские дворянские династии. В результате работа заставляет нас увидеть сложную историю отношений православной монархии с кочевым мусульманским населением, найти в ней точки разрывов и взаимодействия.

Важно отметить, что в монографии особое внимание обращено на социальную историю казахского кочевого общества, где рассматриваются социальные процессы и изменения, в отличие от традиционной истории с ее акцентом на политических событиях или действиях политических деятелей. Детально и скрупулезно изучаются факторы, способствовавшие трансформации социальной структуры казахского кочевого общества, адаптации казахского населения к изменившимся условиям жизни в имперский период и появлению новых сословий, таких как казахское потомственное дворянство, почетное гражданство.

Представленные в монографии предисловие и раздел «Что значит быть кочевником – дворянином Российской империи» вводят читателя в проблематику и показывают контекст исследуемого вопроса, а также раскрывают пути и механизм включения представителей казахского населения в привилегированное сословие Российской империи, их статус и права.

Основная часть монографии представляет собой подборку новых, не введенных ранее в научный оборот архивных документов XIX – начала XX вв., свидетельствующих о существовании записи казахов-кочевников в дворянские родословные книги Оренбургской, Астраханской, Самарской, Уфимской губерний, подтверждающие их социальный статус в Российской империи. С особой тщательностью собраны исторические документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстана (Алматы), Федерального архива Российской Федерации – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург), Государственного архива Республики Татарстан (Казань), региональных архивов РФ – Государственный архив Астраханской области (Астрахань), Государственный архив Оренбургской области (Оренбург), Государственный архив Самарской области (Самара), которые позволили доказать нам тенденции и законы функционирования казахского потомственного дворянства.

В первом разделе, посвященном казахским потомственным дворянским родам, авторами определены следующие потомственные казахские дворянские роды: Баймухамедовы-Айчуваковы, Бекмухамедовы, Беркимбаевы, Валихановы, Газы-

Букеевы, Джаикпаевы, Байтокины-Джалгарины, Джантюрины, Коченовы, Тяукины, Тезековы, Шанхаевы, Чингисовы-Турсуновы, Худаймендины-Конур-Кульджины и др. Личные дела казахских дворян, представленные в монографии, показывают, что все они находились на службе в системе местного управления, имели военный или гражданский чин в соответствии с Табелем о рангах 1722 года, что давало им возможность вхождения в привилегированное сословие Российской империи. В монографии представлены и интересные документы о гербах казахских дворян, которые являлись важным атрибутом российского дворянства, делали это звание «видимым» и придавали особый символ этому сословию.

Второй раздел, посвященный титулованному казахскому дворянству, включает документы по получению потомками хана Внутренней орды Джангира (Сагиб-Гирей, Ибрагим, Ахмет-Гирей, Губайдулла) княжеского достоинства Российской империи. В этом разделе впервые введен в оборот документ, указывающий на то, почему потомки хана Джангира обозначены именно как князья Чингисы, но не Джангировы. Этот раздел интересен и тем, что показан механизм ликвидации ханской власти во Внутренней орде и появление такого нового привилегированного сословия, как казахские князья.

Интерес представляет и раздел о прошениях казахов, ходатайствующих о включении их в привилегированное сословие Российской империи – потомственное дворянство. Но по ряду причин и объективных обстоятельств (потеря патентов на военный или гражданский чин, свидетельств на медали и ордена и других документов) они не вошли в состав потомственного дворянства, в частности султаны Ибрагим и Салим-Гирей Букейхановы, штабс-капитан Ногайбек Джетбысбеков и другие.

И, наконец, последний раздел посвящен личным дворянам. Право на личное дворянство приобретали лица, награжденные обер-офицерскими чинами со старшинством, а их потомки могли претендовать на почетное гражданство. Авторами выявлены фамилии казахских династий потомственных почетных граждан: Языевы, Кауменовы-Алдияровы, Кийкины, Нурмухамедовы, Асауовы и др.

Вне всякого сомнения, монография является значительным вкладом в изучение истории Казахстана периода Российской империи и представляет собой издание высокого академического качества. Ведь только на основе тщательного социально-исторического анализа архивных документов мы можем понять многогранную картину развития казахского кочевого общества XIX – начала XX вв.

Представленная монография дает пищу студентам, аспирантам, историкам для развития качественно новой тематики и проблематики изучения истории Казахстана нового времени.

*Г. С. Сұлтанғалиева мен Г. С. Төлешованың «Қазақское дворянство. XIX – начало XX вв.» монографиясына жазған М. Қ. Әбусейітованың рецензиясы. Монография қазақ халқы өкілдерінің Ресей империясы ақсүйектері құрамына кіруінің маңызына арналған және бұл тақырып іс жүзінде зерттелмеген.*

*A review by M. Kh. Abuseitova on the monograph of G. S. Sultangalieva and G. S. Tuleshova «Kazakh nobility. XIX – early XX centuries». The monograph is devoted to the important and practically unexplored topic of the entry of representatives of the Kazakh population into the privileged nobility of the Russian Empire.*

**R. R. MUZAFAROV**

**INTERNATIONAL WEBINAR ON YOUTH AND NAURYZ  
TRADITIONS SAFEGUARDING**

*26 March 2021, City of Shymkent, Kazakhstan*

The City of Shymkent celebrates its 2200th anniversary. It has been included in the List of anniversaries which UNESCO is associated in 2020-2021. The Mayor of Shymkent and the National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ISESCO invited representatives of the National Commissions from the countries which have celebrate Nauryz holidays for centuries. This provided a unique possibility to share the experience of transition of traditional knowledge and ritual practices from its ancient origin to the global contacts and modern IT technologies. The main topics for discussion were the youth involvement to learn, study and safeguard the rich cultural heritage of the predecessors and historical memory, and resume of the cultural interaction at the Great Silk Road.

The webinar was held on 26 March 2021 at the City of Shymkent at the Al Farabi Library from 10 am to 4:30 pm local time (Kazakhstan is 6 hours ahead of GMT). It compiled of 76 participants from 12 countries – Afghanistan, Azerbaijan, India, Iran, Japan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Republic of Korea, Tajikistan, Turkey, Turkmenistan and Uzbekistan. The experts from nine countries - Afghanistan, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkey, Turkmenistan and Uzbekistan – shared the country case studies and discussed the recommendations for future.

Mr. Murat Aitenov, Akim (Mayor) of the City of Shymkent welcomed participants in ancient hospitable Shymkent which counts on 22000 years on the Great Silk Way. The Shymkent citizens were grateful to UNESCO for recognizable the historical facts. He recalled to the fact that the outstanding personality - Abu-Ali-Nasr-al-Farabi, the great scientist, astronomer, mathematician and philosopher was born at Shymkent area. The memory of the people is the best tool for preservation of the nation culture. One of the most important tasks of UNESCO in the field of cultural heritage preservation is to link and strengthening ties between generations. The person identifies himself in the world and human civilization through culture which the senior generations transfer to young people. Therefore, it is so important that youth hands picked up and spread further the tradition and knowledge of national culture. Mr. Tim Curtis, Secretary of the UNESCO Convention (2003) on Safeguarding the Intangible Cultural Heritage (UNESCO, Paris) thanked the City of Shymkent for its hospitality and congratulated the citizens and the mayor with the 2200-years anniversary. He noted the importance of communities' friendship throughout

Nauryz celebration in different countries which found the common ground in conducting of such a festive event which shows the great cultural diversity. Important to mention that Nauryz holiday is conducted in harmony with nature. It is also a celebration which links generations and strengthen their ties. It provides mutual understanding in cultural values and solidarity among communities at the time when the world is experiencing the serious difficulties and challenges in the globe pandemic. This is the spirit of harmony and cooperation which we would like to keep in the dialogue and in fruitful discussions within the webinar. Ms. Anar Dutbayeva, Secretary General of the Kazakhstan National Commission for UNESCO and ISESCO, congratulated the Akimat of Shymkent, the ICH Kazakhstan National Committee and the UNESCO Chair on Science and Spirituality at Suleimenov's Institute of Oriental Studies for design and supporting this important event. She emphasized that a symbol of renewal, associated with Nauryz, gives us each time strength, optimism and new hopes for the future. Traditions, customs and omens that envelop this holiday have a special sacred meaning. Our ancestors passed on this accumulated knowledge from generation to generation and put special symbols in each action of this holiday, which today most of us already repeat unconsciously at the level of the cultural code. Through the centuries Nauryz celebrations have developed and expanded, accumulating more social, religious and cultural influences and spreading to an estimated 300 million people. It is impossible to break away from original culture and unique traditions that make up national identity. Nauryz Spring Festival will always reflect the variety of cultures, colorful manifestations and recall to the living treasures of our nomadic civilization. Therefore, this inheritance should be preserved for present and future generations. The collective memory of the peoples of the world is of vital importance in preserving cultural identities, in bridging the past and the present and in shaping the future. Ms. Crista Pikkat, Director, UNESCO Cluster Office for Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan, congratulated the Municipality of the City of Shymkent, Municipal Department of Culture, Archives and Language Policy with the 2200th anniversary of the City. Each year, Nauryz brings us new hope, new start for endeavours and new plans. This year, the Nauryz spirit is more vital than ever, this year is special for Shymkent and all people of Kazakhstan. Mr. Olzhas Suleimenov, Director, UNESCO International Centre for Rapprochement of Cultures (Almaty) warmly welcomed the participants and reminded about his personal commitment in supporting the inscription of Nauryz to the UNESCO list in 2009. He highlighted the main goal of the event – transmission of the autochthone knowledge like Nauryz to next generation. Future looks in the past through the mirror of young generation. Present time searches in its memory the reasons for its existence. He emphasized that Nauryz was the diamond part of the unique common cultural heritage of humanity throughout the Great Silk Road. The ancient Shymkent was one of the important crossroads of this great way. Dr. Mohammad Hassan Talebian, Deputy Minister of the Iranian Ministry of Cultural Heritage, Tourism & Handicrafts; and Chairman of the Tehran ICH Centre Governing Council congratulated all invitees and participants on the 2200 year establishment anniversary of the ancient and beautiful city of Shymkent – 'Chimkand', one of the Silk Road cities that provided security for this stretch of the Silk Road with its Caravanserais. Dr. Mohammad Talebian mentioned that the inscription of Norouz, as a shared heritage between the peoples in

the region, was a valuable step in introducing this priceless heritage to the people of the world; and it began with the cooperation between Kazakhstan and five other countries. He noted that the life and survival of any element of the intangible cultural heritage hinged on its transfer from previous to the next generation. Within the transfer process, the youth have the most significant role. If the youth do not accept a tradition and if they do not start practicing that tradition, they will not be able to transfer it to the next generation; and the chain of traditional transfer will be broken and that element will eventually fade away. The youth are the links between the past generation with the future. The youth learn the tradition from their parents and they teach it to their own children and thus will guarantee the survival of Intangible Cultural Heritage elements. Mr. Gi Hyung Keum, Director-General, UNESCO International Information and Networking Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region (ICHCAP) congratulated representatives of 12 countries, which do share tradition of Navruz festival for this meaningful celebrating event. He reminded that spring always gives us the feeling of fresh and new beginning. In Korea, spring is coming with a warm breeze, flowers are blooming and preparing for a new birth. He also emphasized the new ICHCAP initiative – ICHLINKS project – which reflects many different images and videos on Navruz as well, and one can also find similar festive events in other countries. This can provide valuable data on the universality and diversity of human culture. Without youth engagement, there is no development. Youth should also be the main actor who transmits the heritage and develop in their own creative ways.

The experts from nine countries – Afghanistan, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkey, Turkmenistan and Uzbekistan – presented the country case studies and their recommendation on future Navruz traditions safeguarding.

Prof. Dr. Meruert Abusseitova, Institute of Oriental Studies (Kazakhstan) and Head of UNESCO Chair on Science and Spirituality, reminded that the culture of communities and its traditions resulted from close contacts and interaction of Kazakhs, Uzbeks, Kyrgyz, Tajiks, the Turkmen cultures, and also following the development of trade and economic, cultural interactions of nomadic and settled societies since ancient times. Now, the fundamental studying of historical and linguistic, material and spiritual culture of the nomadic people looks even more necessary than ever earlier. The periods of its development and updating coincide with archaeological materials and written sources. The historical and cultural continuity in connection the ancient predecessors to modern people results from close models of a social and economic basis of nomadic societies, proximity of its material culture, and also similar mentality, same social institutes, close ideologies and religious representations. The sociocultural situation in the Central Asian region is under the impact of availability of the strong traditional layers which deeply originates from common history. The preservation of the common roots will provide an impact on the nature of social, economic and political ties and relationship of the countries of Central Asia. She summarized the country cases and brief discussion and stressed the great interest raised by the countries and its academic and creative communities in sharing the information on safeguarding of the traditional knowledge and intangible heritage in the era of modern digital technologies. It was also visible the lack of communication and information exchange between even close neighbouring countries. Prof. Abusseitova

noted the promising youth initiatives in Azerbaijan and Iran, which can be considered by the twelve cooperating countries. There is a visible need to continue online and in-person information exchanges and meetings in order to learn from the practice of other countries, communities and projects.

The webinar emphasized the fact of the common history and shared traditions between the Nauryz celebrating countries and highlighted the essential need in joint efforts in safeguarding of the traditional knowledge and memory. Participants agreed on set of recommendations, collected from countries' presentations and consequent discussions.

The record of the webinar is available in English and Russian languages <https://webwebinar.online/en/youth-and-nauryz-traditions-safeguarding/>

*Шымкент қаласы 2200 жылдығын атап өтіп жатыр, бұл мерейтой ЮНЕСКО-ның 2020–2021 жылдардағы атаулы және мерейтойлық күнтізбесіне енгізілген. Қала әкімшілігі, ЮНЕСКО және ИСЕСКО істері бойынша Ұлттық Комиссиясы жаһандық байланыстар мен ақпараттық технологиялар заманында көне дәстүрлер мен дәстүрлі білімдердің «ағыны» тәжірибесімен алмасу мақсатында, Наурызды засырлар бойы мемлекеттік тұрғыда тойлатып келген елдердегі ЮНЕСКО-ның Ұлттық Комиссия өкілдерін шақырды. Аға буыннан мұра болып қалған бай мәдени дәстүрді қолдау және жастарды тарту; Ұлы Жібек жолындағы тарихи тәжірибені нығайту мен байланыстарды жаңғырту – талқылаудың негізгі тақырыбына айналды.*

*Қатысушыларды Шымкент әкімі – М. Әйтенов, Конвенция хатшысы – Т. Кертус (Париж), ЮНЕСКО және ИСЕСКО істері бойынша ҚР Ұлттық Комиссиясы бас хатшысы – А. Дұтбаева, ЮНЕСКО Мәдениеттер жақындасуы орталығының жетекшісі – О. Сүлейменов (Алматы), ЮНЕСКО Кластерлік бюросының директоры – К. Пиккат (Алматы), ЮНЕСКО Материалдық емес мәдени мұра Орталығы (Орталығының директоры М. Х. Талебиан (Тегеран), ІСНСАР Материалдық емес мәдени мұра орталығының директоры – Ги-Хён Кеум (Сеул) құттықтап, сөз сөйледі.*

*Вебинарға 12 ел: Әзірбайжан, Ауганстан, Үндістан, Иран, Қазақстан, Корея, Қырғызстан, Түркменстан, Түркия, Өзбекстан мен Жапониядан келген 76 өкіл қатысты. Наурыз мейрамын Дүниежүзілік мұра тізіміне енгізуге қатысушы 9 елдің сарапшылары өз елдерінің баяндамаларын ұсынып, болашаққа бағытталған жоспарлары мен ұсыныстарын айтты.*

*Қатысушылардың айтқандарын қорыта отырып, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, профессор М. Қ. Әбусейітова Орталық Азия аймағындағы әлеуметтік-мәдени ахуалдың тамыры тарих тереңіне бойлаған қуатты дәстүр қабаттарымен сипатталатынын; Орталық Азия елдерінің әлеуметтік, экономикалық-саяси байланыстарының сипатына әсер ететін ортақ негіздердің сақталғанын еске салды. Қазақ, өзбек, қырғыз, тәжік, түркмен мәдениетінің тығыз байланыстары мен қарым-қатынасы, көшпелі және отырықшы қоғамдардың сауда-экономикалық, мәдени қарым-қатынасының дамуы нәтижесінде жалпылық пен дәстүрлік мәдениеті қалыптасты. Бізді көне халықтармен біріктіретін тарихи-мәдени сабақтастық көшпелі қоғамдардың әлеуметтік-экономикалық*



негіздерінің бірлігі және материалдық мәдениеттің ғана емес, ойлау салтының, әлеуметтік институттар, идеология, діни түсініктер ортақтығының нәтижесі дер едік. Қазір көшпелі халықтардың тарихи-лингвистикалық, материалдық-рухани мәдениетіне бұрын-соңды болмаған іргелі зерттеу қажет.

*Город Шымкент празднует свое 2200-летие. Эта годовщина включена в Календарь памятных и юбилейных дат ЮНЕСКО на 2020–2021 годы. Акимат города и Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО пригласили представителей национальных комиссий ЮНЕСКО стран, где Наурыз является государственным праздником на протяжении столетий, обменяться опытом «перетекания» древних традиций и традиционных знаний в эпоху глобальных контактов и информационных технологий. Основной темой обсуждения стало привлечение молодежи к изучению и поддержанию богатых культурных традиций, унаследованных от предшествующих поколений; закрепление исторического опыта и возобновление контактов на Великом Шелковом пути.*

*С приветствием к участникам обратились М. Айтенов, аким Шымкента, Т. Кертис, секретарь Конвенции (Париж), А. Дутбаева, генеральный секретарь Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО, О. Сулейменов, руководитель Центра сближения культур ЮНЕСКО (Алматы), К. Пиккат, директор Кластерного бюро ЮНЕСКО (Алматы), М. Х. Талебиан, Центр НКН ЮНЕСКО (Тегеран), Ги-Хён Кеум, директор Центра НКН ICNCSAP (Сеул).*

*В вебинаре приняли участие 76 участников из 12 стран – Азербайджана, Афганистана, Индии, Ирана, Казахстана, Кореи, Кыргызстана, Туркменистана, Турции, Узбекистана и Японии. Эксперты из 9 стран-участниц внесения Наурыза во всемирный список наследия представили страновые доклады и поделились планами и предложениями на будущее.*

*Резюмируя выступления участников, член-корреспондент НАН РК, профессор М. Х. Абусеитова напомнила, что социокультурная ситуация в Центрально-Азиатском регионе характеризуется наличием сильных традиционных пластов, уходящих корнями вглубь истории, сохранением общих корней, оказывающих влияние на характер социальных, экономических и политических связей стран Центральной Азии. Культура общности и традиционности формировалась в результате тесных контактов и взаимодействия культуры казахов, узбеков, киргизов, таджиков, туркмен, развития торгово-экономических, культурных взаимодействий кочевых и оседлых обществ. Историко-культурная преемственность, соединяющая нас с древними народами, является не только результатом единства социально-экономической основы кочевых обществ и близости материальной культуры, но и образа мышления, социальных институтов, идеологии, религиозных представлений. Сейчас, как никогда раньше, необходимо фундаментальное изучение историко-лингвистической, материальной и духовной культуры кочевых народов.*



**З. С. ТАБЫНБАЕВА**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «АКТУАЛЬНЫЕ  
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА (ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ  
И ТРАДИЦИИ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ)»**

*2 апреля 2021 г., Алматы, Казахстан*

2 апреля 2021 г. Республиканский информационный центр по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК совместно с Археографическим сообществом по изучению истории и культуры Великой степи провели Международный круглый стол «Актуальные вопросы истории Казахстана (преемственность и традиции казахской государственности)». Круглый стол был посвящен 30-летию независимости Республики Казахстан и проведен в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи».

Целью проведения круглого стола было изучение истории казахской государственности в контексте мирового развития на основе архивных источников, документальных материалов и новых исследований.

В рамках изучения истории государственности Казахстана и стран Центральной Азии важным является понимание места Евразии, тюркского мира в глобальном всемирно-историческом процессе, а также взаимодействие и взаимовлияние Востока и Запада, начиная с древности и до наших дней. В этой связи проведенная специалистами в археографических экспедициях системная обработка полученных архивных материалов, их обобщение и качественный анализ способствуют восстановлению исторической памяти, становлению и развитию традиции государственности Казахстана и стран Центральной Азии.

Рассмотренные в ходе круглого стола теоретические и методологические аспекты истории преемственности и традиции государственности на анализе первоисточников, такие как письменные, визуальные, устные материалы и архивные документы, способствовали раскрытию концептов государственности казахов в феноменологическом анализе.

В работе круглого стола приняли участие ведущие специалисты – востоковеды, историки, источниковеды из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, России и Казахстана. Участники ознакомили слушателей с новыми методами в работе прочтения и анализа исторических материалов, архивных материалов и артефактов.

В своем выступлении на тему «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи» в рамках государственной программы «Архив 2025» Меруерт Хуатовна Абусейтова, директор Республиканского информационного центра по изучению исторических материалов

(РИЦ) при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, член-корреспондент НАН РК, профессор, доктор исторических наук, ознакомила всех участников круглого стола с новым проектом, реализуемым РИЦ – «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи (выявление, анализ, оцифровка)». Она подчеркнула важность реализации данного проекта не только для исследователей из Казахстана, но и для всех специалистов из Центральной Азии, отметив, что история любого народа всегда развивалась во взаимодействии с иными народами и их культурами. А это значит, что история о том или ином народе и его взаимодействиях запечатлевалась и получала свое отражение и в иных культурных ареалах, вне зависимости от географической широты и долготы. Именно поэтому сведения и материалы по истории и культуре народов Евразии были зафиксированы как среди его ближайших соседей, так и среди тех, кто волею судеб проходил через территории Казахской степи и также оставлял для потомков свои впечатления<sup>1</sup>. В докладе были представлены обширные данные палеоматериалов, письменных источников, архивных документов, карт, артефактов, которые позволяют исследовать этнический состав, географическое расселение, историю и культуру народа Великой степи. Представленный в докладе сравнительно-сопоставительный анализ текста вышеназванных памятников позволил раскрыть проблемы этногенеза, истории религии, исторического сложения тюркского языка и письменности. Сведения визуальных источников, как в миниатюрах, так и в артефактах, подтверждают историческую преемственность, традиции государственности<sup>2</sup>.

О важности первоисточников и их значении в формировании правильного подхода в изучении истории и культуры народов Великой степи говорилось в выступлении доктора исторических наук, профессора Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Кыргызстан) Анварбека Мокеева. В своем докладе «Эпоха Кокум-бия Чон Багыша в свете сообщений “Бахр ал-асрар” Махмуда ибн Вали (XVII в.)». А. Мокеев представил анализ уникального труда «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных» или «Море тайн относительно высоких качеств добродетельных людей»). Благодаря извлеченным сведениям из данного исторического источника современникам стало известно о великом правителе огромной территории гор и долин южных кыргызов XVII века, оставившем глубокий след в их политической, социально-экономической и культурной жизни.

В докладе Лолы Назаровны Додхудоевой, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Центра письменного наследия Национальной академии наук Таджикистана, на основе анализа двух уникальных рукописей «Зафар-

---

<sup>1</sup> История и культура Великой Степи. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. М. Х. Абусеитовой. Составители: Н. Ж. Шаймарданова, З. С. Табынбаева. – Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. – 630 с.

<sup>2</sup> Тысячелетние источники по истории Казахстана / Под ред. М. Х. Абусеитовой. – Алматы: Шығыс пен Батыс, 2019. – 368 с.

нама» Бадр ад-Дина Кашмири б. ‘Абд-ас-Салама ал-Хусайни б. саййида Ибрахима и «Манакиб ал-хулафа’» сайида мавлана Кавам ад-дина Ахмада б. мавлана Насир ад-дина б. мавлана Кавам ад-дина Калана ал-Хусайни ал-Санауджиради ал-Зийаратгахи ал-Харави, упомянутого в рукописи как мулла Мир, был представлен анализ истории Мавераннахра в канун тысячелетия ислама. В данном номере журнала представлена статья Л. Н. Додхудоевой, где можно более подробно ознакомиться с результатами анализа данных источников.

В докладе Арнабая Абишевича Нуржанова, кандидата исторических наук, заведующего отделом средневековой урбанизации Казахстана Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК «Позднесредневековые города Шу-Таласских долин (XV–XVII вв.)», представлен метод комперативного изучения визуальных и письменных материалов. Автор сопоставляет археологические материалы, нумизматические сведения и данные письменных источников, проливая свет на городища, существовавшие в XIII – первой половине XVI в. на территории Казахстана. В данном номере журнала также представлен полный текст доклада А. А. Нуржанова.

В своем докладе «Государственность Қазақ Елі: историческая преемственность и традиции» Алтайы Иранбекқызы Оразбаева, доктор исторических наук, профессор Казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова, обратила внимание присутствующих на суть идеологии Мәңгілік Қазақ Елі, где на анализе показана историческая преемственность государственности казахского народа. Полный текст доклада А. И. Оразбаевой представлен в данном номере журнала.

Анализ современных работ шведских исследователей был представлен в докладе Заремы Джуандыковны Шаймардановой, доктора исторических наук, профессора, заведующей кафедрой современной истории Казахстана «КазУМОиМЯ им. Абылай хана». Тема доклада: «Возможные сценарии развития Казахстана и Центральной Азии: анализ зарубежных исследований». З. Шаймарданова раскрыла важный аспект медиаторства во внешнеполитической деятельности правительства Казахстана. Полный текст доклада также представлен в данном номере журнала.

Подводя итоги круглого стола, модератор М. Х. Абусейтова отметила, что перед современными исследователями поставлена ответственная и сложная задача по переосмыслению и изучению национальной истории и объективному написанию на основе богатого, огромного пласта новых архивных материалов (письменных, археологических, устных, визуальных, картографических, артефактов и др. источников), до сих пор неизвестных и разбросанных по различным зарубежным архивным фондам. Эти материалы веками остаются неизученными. Она призвала участников к проведению совместных исследовательских проектов по изучению исторического наследия стран Центральной Азии. Международные участники отметили уникальность проекта «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи (выявление, анализ, оцифровка)» и его важность для изучения истории и культуры не только Казахстана, но и стран Центральной Азии, выразив тем самым готовность к совместной работе.

Кульминационным событием круглого стола явилась презентация монографии член-корреспондента НАН РК, доктора исторических наук, профессора Мерuert Хуатовны Абусеитовой «Казахское ханство». Данная монография является результатом многолетнего труда автора и основана на сведениях письменных восточных, западноевропейских, русских источников, данных археологии, этнографии, визуальных артефактов, а также устной исторической традиции казахской государственности, в частности политической, социально-экономической, внешнеполитическим и дипломатическим связям Казахского ханства со странами Востока и Запада. Особое внимание уделено в работе исследованию духовного и культурного наследия, взаимодействия и взаимовлияния восточных и западных культур на Великом Шелковом пути<sup>1</sup>.

Видеозапись Международного круглого стола «Актуальные вопросы истории Казахстана (преемственность и традиции казахской государственности)» можно посмотреть, перейдя по ссылке <https://youtu.be/ЕсХМn1PgDC8>.

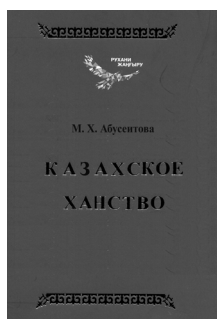
*Мақалада Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдық мерейтойына арналған, «Ұлы дала тарихы және мәдениеті бойынша шетел архивтері мен қорларындағы археографиялық жұмыстар» атты ғылыми-зерттеу жобасын іске асыру шеңберінде 2021 жылғы 2 сәуірде өткізілген «Қазақстан тарихының өзекті мәселелері (Қазақ мемлекеттілігінің сабақтастылығы мен дәстүрлері)» атты Халықаралық дөңгелек үстел туралы ақпарат ұсынылған.*

*The article provides information on the international Roundtable «Topical issues of the history of Kazakhstan (continuity and traditions of Kazakh statehood)» held on April 2, 2021, which focused on the 30th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan. It is carried out as part of the implementation of the research project «Archeographic work in foreign archives and funds on the history and culture of the Great Steppe».*

---

<sup>1</sup> Абусеитова М. Х. Казахское ханство. Монография. Изд. 2-е, перераб. и дополн. – Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. – 344 с.

## НОВЫЕ ИЗДАНИЯ



**М. Х. Абусейтова**

### КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО

*Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. Издание 2-е, переработанное и дополненное. 344 с.*

В монографии на основе историко-сопоставительного анализа сведений письменных восточных, западноевропейских, русских источников с данными археологии, этнографии, визуальных артефактов, а также устной исторической традиции рассматриваются основные этапы этнической, социальной, политической истории казахского народа, ранее не привлекавшиеся. Особое внимание уделяется исследованию духовного и культурного наследия, взаимодействия и взаимовлияния восточных и западных культур на Великом Шелковом пути. Предлагаются новые подходы к изучению исторической преемственности и традиций казахской государственности, в частности политической, социально-экономической, внешнеполитическим и дипломатическим связям Казахского ханства со странами Востока и Запада.

Монография предназначена специалистам в области востоковедения, истории, антропологии, а также всем интересующимся как историей Казахского ханства, так и историко-культурными основами кочевой цивилизации Евразии.

**М. Қ. Әбусейітова**

### ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫ

*Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. 2-ші басылым, өңделіп, толықтырылған. 344 с.*

Монографияда археология, этнография, визуалды артефактілердің мәліметтері бар жазба шығыс, батысеуропалық, орыс дереккөздері, сондай-ақ, ауызша тарих дәстүрінің осыған дейін тартылмаған мәліметтерін тарихи-салғастырмалы талдау негізінде, қазақ халқының этникалық, әлеуметтік, саяси тарихының негізгі кезеңдері қарастырылады. Рухани және мәдени мұраға, Ұлы Жібек жолындағы шығыс және батыс мәдениеттерінің әрекеттестігі мен өзара әсеріне ерекше назар аударылған. Қазақ мемлекеттілігінің тарихи сабақтастылығы мен дәстүрлерін, атап айтқанда, Қазақ хандығының Шығыс және Батыс елдерімен саяси, әлеуметтік-экономикалық, сыртқы саяси және дипломатиялық байланыстарын зерделеуге жаңа тәсілдерді қолдану ұсынылады.

Монография шығыстану, тарих, антропология саласының мамандарына, сонымен қатар, Қазақ хандығының тарихы да, Еуразияның көшпелі өркениетінің тарихи-мәдени негіздері де қызықтыратын оқырмандарға арналған.

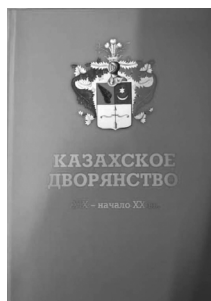
**M. Kh. Abuseitova**

**KAZAKH KHANATE**

*Almaty: Shygys pen Batys, 2020. Second edition, revised and enlarged. 344 p.*

The monograph, based on the historical and comparative analysis of information from written Eastern, Western European, Russian sources with data from archeology, ethnography, visual artifacts, as well as oral historical tradition, examines the main stages of the ethnic, social, political history of the Kazakh people that were not previously involved. Special attention is given to the study of the spiritual and cultural heritage, interaction and mutual influence of eastern and western cultures on the Great Silk Road. New perspectives are being offered in the study of the historical continuity and traditions of the Kazakh statehood, in particular the political, socio-economic, foreign policy and diplomatic relations of the Kazakh Khanate with the countries of the East and West.

The monograph is intended for specialists in the field of oriental studies, history, anthropology, as well as for all those interested in both the history of the Kazakh Khanate and the historical and cultural foundations of the nomadic civilization of Eurasia.



**КАЗАХСКОЕ ДВОРЯНСТВО. XIX – НАЧАЛО XX в.**

**Монография в документах**

*Ответственный редактор Г. С. Султангалиева. Составители: Г. С. Султангалиева, У. Ж. Тулешова. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 429 с.*

В монографии представлены документы и материалы, раскрывающие пути вхождения казахов в привилегированное сословие Российской империи (потомственное, титулованное и личное дворянство), характер и особенности сословных прав казахских дворян. Систематизирован материал о казахских дворянских родах, вписанных в дворянские родословные книги Оренбургской, Астраханской, Самарской, Уфимской губерний.

Книга адресована ученым, преподавателям, студентам гуманитарных специальностей, а также широкому кругу читателей, интересующихся социальной историей Казахстана нового времени.

**ҚАЗАҚ ДВОРЯНДЫҒЫ. XIX ғ. – XX ғ. басы**

**Құжатты монография**

*Жауапты редакторы Г. С. Сұлтангалиева. Құрастырушы: Г. С. Сұлтангалиева, У. Ж. Төлешова. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 429 б.*

Монографияда қазақтардың Ресей империясының артықшылықты табына (мұрагерлік, лауазымды және жеке дворяндық) ену жолдары, сипаты және қазақ дворяндарының таптық құқығының ерекшеліктерін жайып көрсететін құжаттар мен материалдар ұсынылған. Орынбор, Астрахань, Самара, Уфа губернияларының

дворяндық шежіре кітабының тізіміне енгізілген қазақтың дворян рулары туралы материал жүйеленген.

Кітап ғалымдарға, оқытушыларға, гуманитарлық мамандықтардың студенттеріне, сондай-ақ, жаңа замандағы Қазақстанның әлеуметтік тарихына қызығушылық танытқан кең оқырман қауымымына арналған.

## **KAZAKH NOBILITY. XIX – EARLY XX CENTURIES**

### **Monograph in documents**

*Executive editor G. S. Sultangalieva. Compilers: G. S. Sultangalieva, U. Zh. Tuleshova. Almaty: Kazakh University, 2020. 429 p.*

The monograph presents documents and materials that reveal the ways of entry of Kazakhs into the privileged class of the Russian Empire (hereditary, titled and personal nobility), features and features of the class rights of the Kazakh nobles. Systematized material about the Kazakh noble families inscribed in the noble genealogies of the books of the Orenburg, Astrakhan, Samara, Ufa provinces.

The book is intended for scientists, teachers, students of humanitarian specialties, as well as to a wide circle of people interested in the social history of modern times.



## АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР

**Айнұр Әбиденқызы** – Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің қытай филологиясы кафедрасының доценті, филология ғылымдарының докторы

**Әбусейітова Меруерт** – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды зерттеу бойынша республикалық ақпараттық орталығының директоры, ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі, профессор, тарих ғылымдарының докторы

**Алимова Дилором** – Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясы Тарих институтының профессоры, тарих ғылымдарының докторы

**Баймұратов Ораз Баймұратұлы** – Ұлттық Ғылым академиясының, Халықаралық инженерлік академиясының және ҚР Ұлттық инженерлік академиясының академигі, профессор, экономика ғылымдарының докторы

**Додхудоева Лола** – Тәжікстан Ұлттық Ғылым академиясы А. Дониш атындағы Тарих, археология және этнография институтындағы этнография бөлімін меңгеруші, тарих ғылымдарының докторы, Тәжікстан

**Мәсімханұлы Дүкен** – Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының директоры, профессор, филология ғылымдарының докторы

**Мұзафаров Рустам** – ҚР СІМ Ұлттық комитеті төрағасының орынбасары

**Нұржанов Арнабай** – ҚР БжҒМ Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Қазақстанның Ортағасырлық урбанизация бөлімінің меңгерушісі, тарих ғылымдарының кандидаты

**Оразбаева Алтайы** – М. В. Ломоносов атындағы ММУ Қазақстандық филиалы директорының орынбасары, профессор, тарих ғылымдарының докторы

**Ртвеладзе Эдвард** – Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының академигі, профессор, тарих ғылымдарының докторы, Өзбекстан

**Табынбаева Зауре** – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының аға ғылыми қызметкері, тарих ғылымдарының кандидаты

**Торланбаева Кенже** – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының жетекші ғылыми қызметкері, тарих ғылымдарының докторы

**Шайморданова Зарема** – Абылай хан атындағы Қазақ Халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті Халықаралық қатынастар факультетінің деканы, профессор, тарих ғылымдарының докторы

## INFORMATION ABOUT AUTHORS

**Ainur Abidenkyzy** – Associate Professor of the Department of Chinese Philology, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Philology

**Abusseitova Meruert** – Director of the Republican Information Center for the Study of Historical Sources, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Corresponding Member, Professor, Doctor of Historical Sciences

**Alimova Dilorom** – Professor of the Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Uzbekistan

**Baimuratov Uraz Baimuratovich** – Academician of the National Academy of Sciences, International Engineering Academy and National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Professor, Doctor of Economics

**Dodkhudoeva Lola** – Head of the Ethnography Department, A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Historical Sciences

**Masimkhanuly Duken** – Director of the R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Professor, Doctor of Philological Sciences

**Muzafarov Rustam** – Vice Chairman of the Kazakhstan ICN National Committee

**Nurzhanov Arnabai** – Head of the Department of Medieval Urbanization of Kazakhstan, A. Margulan Institute of Archeology, Candidate of Historical Sciences

**Orazbaeva Altayi** – Professor of the Kazakhstan branch of the M. V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Historical Sciences

**Rtveladze Edward** – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor, Doctor of Historical Sciences, Uzbekistan

**Tabynbayeva Zauze** – Senior Research Fellow, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Candidate of Historical Sciences

**Torlanbaeva Kenzhe** – Leading Research Fellow of the R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Doctor of Historical Sciences

**Shaimordanova Zarema** – Professor of the Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Doctor of Historical Sciences

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Айнур Абиденкызы** – доцент кафедры китайской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор филологических наук

**Абусейтова Меруерт Хуатовна** – директор Республиканского информационно-го центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, член-корреспондент НАН РК, профессор, доктор исторических наук

**Алимова Дилором Акзамовна** – профессор Института истории Академии наук Республики Узбекистан, доктор исторических наук, Узбекистан

**Баймуратов Ураз Баймуратович** – академик Национальной академии наук, Международной инженерной академии и Национальной инженерной академии Республики Казахстан, профессор, доктор экономических наук

**Додхудоева Лола Назаровна** – заведующая отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, Таджикистан

**Масимханулы Дукен** – директор Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова, профессор, доктор филологических наук

**Музафаров Рустам Рахимович** – заместитель председателя национального комитета ICN Казахстана

**Нуржанов Арнабай Абишевич** – заведующий отделом средневековой урбанизации Казахстана Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, кандидат исторических наук

**Оразбаева Алтайы Иранбеккызы** – профессор Казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук

**Ртвеладзе Эдвард Васильевич** – академик Академии наук Республики Узбекистан, доктор исторических наук, профессор, Узбекистан

**Табынбаева Зауре Сыздыковна** – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат исторических наук

**Торланбаева Кенже Ускенбаевна** – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, доктор исторических наук

**Шайморданова Зарема Джуандыковна** – профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, доктор исторических наук

## **Уважаемые коллеги!**

*Институт востоковедения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан продолжает издание научного журнала «SHYGYS» («Восток»). В журнале публикуются научные исследования казахстанских и зарубежных ученых по различным направлениям востоковедения.*

*Журнал выходит на казахском, русском, английском, французском и немецком языках.*

*Редакция журнала «SHYGYS» принимает к публикации статьи, которые должны соответствовать следующим требованиям:*

*– статьи следует отпечатать в двух экземплярах, 14-м кеглем, шрифтом Times New Roman через один интервал, с соблюдением полей в 2 см со всех сторон. Статьи заверяются подписью автора (авторов). К рукописи прилагается электронный вариант статьи в формате Microsoft Word, графические материалы необходимо предоставлять отдельными файлами с расширениями jpeg или tif и разрешением не менее 300 dpi. К графическим материалам обязательны подписи;*

*– сноски даются в следующем виде: в тексте статьи приводится номер по порядку в квадратных скобках, а в конце – автор (Ф. И. О.), название статьи, название источника (книги, журнала), место, месяц и/или год издания;*

*– графики, диаграммы, иллюстрации и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графических материалов и приводятся подписи к ним;*

*– к статье прилагаются резюме на трех языках: русском, казахском и английском, с Ф. И. О. и названием статьи.*

*– к статье прилагаются следующие сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень и должность, служебный и домашний адреса, номера служебного и домашнего телефонов.*

*Рукописи статей не возвращаются и не рецензируются.*

*Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).*

*Редакция журнала оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.*

*Адрес редакции:*

*Республика Казахстан, 050010*

*Алматы, ул. Курмангазы, 29*

*Тел. (727) 261-16-01*

*Факс (727) 261-46-00*

*E-mail shighistanu@mail.ru, uly.dala2017@mail.ru*

*Ссылка при перепечатке на журнал «SHYGYS» обязательна.*

*Подписаться на журнал «SHYGYS» («Восток»)  
можно в любом отделении «Казпочты».  
Подписной индекс 75117 (для подписчиков из Казахстана).*